Георгий ДЗЮБА

ГОГОЛЬ.
ДОЧЬ ГЕНЕРАЛА

Москва
2021

УДК 82-3
ББК 84-4
Д 438

ДЗЮБА Георгий Евгеньевич

Гоголь. Дочь генерала. – М.:
ООО «Палитра Д», 2021. – 400 с.

© ДЗЮБА Г.Е., 2021

ISBN 978-5-9907856-3-2

РУКОПИСЬ, НЕ ДАЮЩАЯ ПОКОЯ

4 марта 1846 года в письме из Рима Николай Васильевич Гоголь написал: «Меня теперь занимает Калуга и внутренность России». С тех пор Калужская земля стала одним из «гоголевских» мест. Поэтому не удивительно, что в Калужский объединённый музей-заповедник обращаются за консультациями все, кто интересуется биографией и творчеством великого русского писателя. Таким же путём произошло и моё знакомство с Георгием Евгеньевичем Дзюбой, автором книги, которую вы сейчас держите в руках. Его мечта найти рукопись второго тома «Мёртвых душ» пока ещё не сбылась, но, судя по всему, отказываться от неё он не намерен. Тема, с которой автор обратился ко мне, – женские образы второго тома поэмы – показалась мне интересной и неординарной. А познакомившись с другими его книгами о гоголевских лите-

ратурных героях, я заметила и особый стиль изложения материала, который делает их чтение увлекательным.

Второй том поэмы «Мёртвые души» – яркое подтверждение крылатой фразы «рукописи не горят», даже если кому-то очень хочется, чтобы они сгорели. Прошло уже более полутора веков с тех пор, как пламя поглотило большую часть последнего творения Николая Васильевича Гоголя. Но все эти годы близкие знакомые великого писателя, многие исследователи его творческого наследия и любознательные читатели пытались восстановить его содержание по уцелевшим главам и отрывкам из рукописей, по воспоминаниям счастливчиков, которым Гоголь читал второй том «Мёртвых душ», по письмам писателя и ответам его адресатов. Не даёт покоя сожжённая рукопись! Да и сам факт сожжения тоже. Действительно ли Николай Васильевич был настолько недоволен результатом своего труда, что предал его огню? Или это был импульсивный порыв, спровоцированный болезнью и его неустойчивым психическим состоянием, с ней связанным? А может быть, рукопись и не была сожжена?..

Это – только некоторые из тех направлений поиска, что обозначает понятными для читателей вехами и проводит через биографию писателя Г.Е. Дзюба в своей книге «Гоголь. Дочь генерала».

Сам он называет себя любознательным читателем и многократно ссылается на профессиональных исследователей творчества Гоголя. Но нужно отметить и глубокое знание автором наследия Николая Васильевича не только в его художественных проявлениях, но и в эпистолярных, знание фактов его биографии, воспоминаний его родных и тех современников писателя, которые с ним немало общались: обсуждали вопросы жизни, литературы или спорили о них. Впечатляет и список трудов гоголеведов, к которым обращается в своей работе автор. Дзюба соглашается с ними или аргументированно полемизирует, а если и выдвигает свои гипотезы, то не навязывает их читателю, а лишь высказывает своё мнение.

Георгием Евгеньевичем написано несколько книг, посвящённых творчеству Н.В. Гоголя, но эта выделяется уже тем, что в ней он поставил перед собой задачу поговорить о литературных героях того произве-

дения, которого нет, и предлагает вниманию читателя мнение об изученных им трудах других авторов на тему второго тома поэмы «Мёртвые души». А если точнее – мнение о женских образах второго тома. Это центральная тема в большинстве книг автора о Н.В. Гоголе, но и здесь второй том «Мёртвых душ» стоит особняком, поскольку именно в нём великий писатель намеревался создать женский образ с большим знаком «плюс». Как говорил сыну Тарас Бульба, «не доведут тебя бабы к добру». И действительно, во многих предыдущих произведениях Гоголя подавляющее число бед и несчастий приносят именно женщины. И вдруг писатель высказывает твёрдое намерение создать положительный образ настоящей русской девушки. Какой видел Гоголь эту девушку? Какими чертами характера и внешностью наделил он её? И почему именно такими чертами? Кто послужил прообразом для генеральской дочери Уленьки Бетрищевой? И вот ещё интересный вопрос: был ли влюблён когда-нибудь сам Н.В. Гоголь? И если такой факт имел место, то кто избранница великого писателя и в какой мере его любовь отразилась в строках его последнего произведения?

Поискать ответы на все эти вопросы вместе с читателями и предлагает нам в своей новой книге Георгий Дзюба.

В ходе работы над вторым томом «Мёртвых душ» Николай Васильевич Гоголь неоднократно читал уже готовые главы в кругу близких друзей. Одно из таких чтений состоялось в Калуге, в загородном доме губернатора, в присутствии Льва Ивановича Арнольди и его сводной сестры Александры Осиповны Смирновой-Россет. Гоголь Смирнову-Россет тоже называл своей сестрой, а во втором томе поэмы, помимо дочери генерала Бетрищева, вывел ещё один женский образ, своими чертами напоминающий эту знатную даму. Супруг Александры Осиповны – Николай Михайлович Смирнов был назначен калужским губернатором, и этой семейной паре Калуга обязана, к примеру, открытием Губернского музеума. А на подмостках Калужского театра в гоголевском «Ревизоре» блистал Михаил Семёнович Щепкин. И именно благодаря А.О. Смирновой-Россет в Калугу несколько раз приезжал Н.В. Гоголь. К несчастью, «домик Гоголя», как стали называть флигель загородного дома губернатора после того, как великий писатель почтил его своим

пребыванием, не сохранился. Тем не менее мы знаем, как он выглядел, поскольку это строение запечатлено на фотографии начала XX века и на картине художника А.А. Ростиславова, хранящихся в нашем музее. Многие годы на месте флигеля стоял памятный обелиск, а в 2014 году здесь был установлен уже памятник Н.В. Гоголю.

Как отмечает наш замечательный историк и знаток всех деталей пребывания Н.В. Гоголя в Калужском крае Г.И. Роянова, основываясь на свидетельствах участников тех событий и письмах самого классика, Николай Васильевич впервые побывал на Калужской земле в июле 1849 года, воспользовавшись дорогой через Калугу, Козельск, Белёв на Полтаву, в Малороссию. До выезда писатель «...около двух недель посещал Арнольди (своего будущего спутника), чтобы определиться с днём отъезда. В один из дней он явился к нему с маленьким чемоданом и большим портфелем, в котором лежала рукопись второго тома «Мёртвых душ». Прихватив с собой слугу француза, путешественники сели в тарантас, ямщик подстегнул лошадей, и побежала дорога.

До Малоярославца они доехали за 19 часов. Преодолели 105 верст. Путешественники

вынуждены были идти пешком и задержаться в городе из-за починки сломавшегося тарантаса. Остановка пришлась на пользу писателю. Его представили Городничему, и завязалась недолгая беседа. Городничий польстил Н.В. Гоголю, похвалив его «Ревизора» и «Мёртвые души»...

Дальнейший путь пролегал по Старой Калужской дороге... К 10 часам вечера Н.В. Гоголь и Л. Арнольди прибыли на дачу – усадьбу Смирновых в Бегичево Медынского уезда Калужской губернии... Четыре дня провёл писатель в Бегичевской усадьбе, увлекаясь походами за грибами. Гоголь выходил на сенокос любоваться костюмами бегичевских крестьянок и заставлял гостившего там живописца И. Алексеева рисовать их со всеми узорами на рубашках...

К Калуге подъехали вечером. Всё радовало писателя: и дом губернатора в загородном саду, и флигель, где он поселился, с окнами в сад, и вид на речку Яченку, что протекала под горой, и воздух соснового Калужского бора».

О пребывании в Калуге своего знаменитого гостя А.О. Смирнова-Россет вспоминает так: «Гоголь вставал в пять часов, пил кофий в восемь, запивал его холодной водой.

Это служило для него лекарством. К нам он являлся в два часа. В воскресенье он пил кофий с нами и приходил в полном параде, в светло-жёлтых нанковых панталонах, в светло-голубом жилете с золотыми пуговками и тёмно-синем фраке с большими золотыми пуговицами и белой пуховой шляпе. Он купил эту шляпу в рядах, куда сопровождал его Лёва, старую он оставил в лавке...»

«Из гостиных рядов, – пишет Г.И. Роянова, – Гоголь прошёл в книжную лавку, где среди многочисленной литературы были обнаружены и сочинения писателя в «мусака переплёте». (Переплёт тёмно-красного цвета с иссиня-малиновым оттенком. – Т.Б.) Н.В. Гоголь считал, что культурная жизнь города определяется количеством книг, продаваемых в книжных магазинах, и при первой возможности посещал их и за границей, и в России. Книжная лавка И.Ф. Антипина была одной из достопримечательностей Калуги. Книгопродавец Антипин открыл при ней в 1847 году библиотеку для чтения журналов, газет и новейших книг во всей возможной полноте. Ранее, в 1844 году, «Калужские губернские ведомости» писали, что комиссионер Антипин организовал при своём книжном магазине подписку на

новые книги лучших писателей, из этих книг позже и была составлена библиотека, которой подписчики пользовались бесплатно».

На 1849 год приходится период самого длительного пребывания Н.В. Гоголя в Калуге. Тогда он у нас был около трёх недель. В последующие годы Николай Васильевич заглядывал в наш город лишь ненадолго. В те разы в свободное время он «любил ходить по городу, удивляя многих сверхмодной одеждой. В свои 40 лет он оставался верен привычкам молодости».

И ещё несколько слов о пребывании Н.В. Гоголя на Калужской земле. Будучи в Бегичево, он заезжал в имение Гончаровых Полотняный Завод, где в своё время побывал и А.С. Пушкин и где он хотел бы «жить барином», «кабы Заводы были» его (А.С. Пушкина. – Т.Б.). Известно, что и Н.В. Гоголь в своих духовно-нравственных поисках пришёл к тому, чтобы жить не в столице, а в имении. Такое желание он высказал в одном из писем. «Жить барином» для Гоголя означало заниматься хозяйством и заботиться о крестьянах так, как заповедал Бог заботиться о ближних. В этом Гоголь видел долг и залог успеха каждого помещика России.

Вопросы христианской веры и смысла человеческого бытия постоянно интересовали и волновали великого писателя. И думается, что к концу жизни Н.В. Гоголь нашёл для себя ответы на них. В его завещании есть такие строки: «Завещаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о таком пустяке, христианина недостойном. Кому же из близких моих я был действительно дорог, тот воздвигнет мне памятник иначе: воздвигнет он его в самом себе своей неколебимой твёрдостью в жизненном деле, бодреньем и освеженьем всех вокруг себя...» И кто его знает, может быть, эти слова написаны тем самым гусиным пером – «гоголевым пёрышком», которое пожертвовано, а в 1902 году и передано нашему музею душеприказчиком графини Анны Георгиевны Толстой – М.А. Нарышкиным…

Увидев возможность возрождения и приближения к Богу, обретя смысл творчества, Гоголь не только сам ступил на эту стезю, но и всеми силами пытался указать на неё другим. И делал это он своими произведениями. «Я примирился... с писательством своим только тогда, – писал Николай Васильевич, – когда почувствовал, что на

этом поприще могу также служить земле своей...» И миссию свою Н.В. Гоголь видел в том, чтобы создать «великое творение», в котором отразились бы пути человеческого преображения. Второй том «Мёртвых душ» задумывался именно для того, чтобы показать людям то самое «жизненное дело», служить «бодреньем и освеженьем» всех вокруг. Быть писателем в те годы, когда он творил, значило быть у всех на устах. Тогда не было медийного пространства, тогда книга или рукопись её и были тем медийным пространством, в котором властвовал писатель. Вот почему Н.В. Гоголь так часто читал главы ещё неопубликованных произведений своим коллегам и друзьям. Вот что позволяет нам сегодня строить некоторые предположения об утраченных главах этого легендарного произведения.

Главы второго тома «Мёртвых душ» Н.В. Гоголь сжигал неоднократно, например в 1845 году, когда он уничтожил уже практически готовый их вариант. Писатель объяснил этот шаг тем, что «вывести несколько прекрасных характеров, обнаруживающих высокое благородство нашей породы, ни к чему не поведёт. Оно возбудит только одну

пустую гордость и хвастовство... Бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во втором томе «Мёртвых душ», а оно должно было быть едва ли не главное; а потому он и сожжён». «Но, – продолжал Гоголь, – как только пламя унесло последние листы моей книги, её содержание вдруг воскреснуло в очищенном и светлом виде, подобно фениксу из костра, и я вдруг увидел, в каком ещё беспорядке было то, что я считал уже порядочным и стройным». И Николай Васильевич снова брался за работу, стремясь максимально правдиво отразить христианскую мысль: «Путь спасения всякому открыт: иди и спасайся». Показать, что ни для кого этот путь не закрыт: ни для неудачливого «помещика-хозяйственника» Андрея Тентетникова, ни для «великого комбинатора» Чичикова.

Почему Тентетников не стал воплощением примера заботы о крестьянах своего поместья, а преображение его, судя, по сохранившимся сведениям, совершается в Сибири? На этот вопрос мог бы ответить лишь

сам Н.В. Гоголь. У него перед глазами был пример декабристов, которые начали с идей бунта и цареубийства, то есть – с нарушения Заповедей, а закончили организацией школ в Сибири, ступив на путь бескорыстного служения людям. Может быть, Гоголь надеялся, что и его современники – петрашевцы придут к тому же? Во всяком случае, Ф.М. Достоевского участие в кружке Петрашевского, публичная казнь и каторга привели к глубокому осознанию Божьей правды. Из-под пера его вышли произведения, ярко и пронзительно изображающие как душевные страдания и искания человека, так и пути его преображения, его приближения к тому, какими нас всех хочет видеть Творец. Иными словами, Ф.М. Достоевский воплотил в своих произведениях то, что начал делать Н.В. Гоголь, проводя своего читателя по закоулкам человеческих заблуждений.

Все эти мысли пришли мне в голову при чтении книги Г.Е. Дзюбы. Возможно, у другого читателя она вызовет иные соображения и ассоциации. Но, несомненно, заставит задуматься. И, познакомившись с ней, читатель согласится с выводами автора о том, что «писатель Н.В. Гоголь совершенно точно был ге-

нием. Его гениальность – в исключительной творческой оригинальности, в изумительной художественной интуиции, в глубине проникновения во всё то, на что он направлял свой взгляд». А «вторая часть «Мёртвых душ» ни в коем разе не была поражением писателя – её нравственный пафос не только не убил художника, но, напротив, расширил его кругозор, подвёл его к ещё более пристальному изучению России и сделал основателем натуралистической школы в нашей литературе. А потому вряд ли стоит оплакивать судьбу великого писателя, впавшего в мрачный мистицизм, в некую mania religiosa, и загубившего тем свой талант».

Второй том «Мёртвых душ» – одно из самых мистифицированных произведений мировой литературы, да и сама личность Н.В. Гоголя до сих пор кажется нам таинственной, а многие подробности его жизни остаются неразгаданными. И как верно заметил автор предлагаемой вашему вниманию книги, «в условиях смещённой по оси системы нравственных координат и размытых моральных ценностей Николая Васильевича Гоголя сегодня понять ещё труднее, чем когда бы то ни было». Тем не менее попробуйте

сделать это вместе с ним – Георгием Евгеньевичем Дзюбой.

Вас ждут увлекательное путешествие по главам последней гоголевской поэмы, знакомство с её героями, их прототипами и новая встреча с великим писателем, личность которого с максимальной точностью и правдивостью раскрывается на страницах книги «Гоголь. Дочь генерала».

Татьяна Бессонова,
член Союза писателей России, прозаик,
лауреат премии «Отчий дом»
имени братьев Киреевских,
главный хранитель Калужского
объединённого музея-заповедника

ГЛАВА I. ДЫМ РАССЕЯЛСЯ – ТУМАН ОСТАЛСЯ

Кающийся грешник

Николай Васильевич Гоголь как человек и писатель настолько оригинален и разнообразен, что о нём можно рассказывать в смыслах почти что взаимоисключающих интерпретаций. Не случайно этого писателя часто называют явлением. Он действительно – ЯВЛЕНИЕ и по Канту («das Ding an sich»), как «вещь в себе», и в общеисторическом отношении, что является значительным общественным феноменом, спровоцировавшим собой целую череду последствий, зафиксированных в истории нашей литературы.

Если мы задумаем считать писателя реалистом, то легко это докажем. Пожелаем превратить его в авангардиста? Запросто убедим любого в том, что он один из пионеров отечественного авангарда. Если представим Гоголя романтиком, то в подтверждение этого тезиса тут же найдём россыпи самых неопровержимых аргументов. Одна из тенденций состоит в том, чтобы видеть в Гоголе православного проповедника и это тоже будет правдой. Можно сказать, что наше сегодняшнее гоголеведение дело партийное. Есть условные «западники», которые считают, что Гоголь является важной составляющей европейской культуры. А мы не будем забывать, что значительную часть жизни он провёл именно там: в Италии, в Риме и Неаполе. Есть и такая партия, которая настаивает на том, что главное содержится как раз в религиозном аспекте его трудов. У них Гоголь – «славянофил», православный писатель и мыслитель. Некоторые господа-товарищи видят в Гоголе только мистика и пытаются отыскать истоки его творчества в масонской или даже в пиетистской литературе. Впрочем, здесь мы перечислили вам ещё далеко не все возможные варианты...

Почему это выглядит так – попробуем понять. Мы поведём речь о последнем произведении великого писателя – о втором томе поэмы «Мёртвые души», о её литературных героях и более всего попытаемся порассуждать об Улиньке (Уленьке) – Ульяне Александровне, дочери генерала Александра Дмитриевича Бетрищева.

Имя «Улинька» Н.В. Гоголь почему-то всегда писал строго через «и». Почему он не пи-

сал «Уленька» – мы так и не разобрались, хотя свою версию имеем. Может быть, причина состоит в том, что в период создания поэмы жёстких норм орфографии ещё не существовало, и Н.В. Гоголь мог писать так, как он считал более правильным по звучанию. В это время действительно встречаются разнообразные варианты написания имён и фамилий, где вместо «о» пишется «а» или вместо «е» – «и»... Правила же сложились несколько позднее – уже во второй половине XIX века, а первый их свод, труд Я.К. Грота «Русское правописание», вышел лишь в 1885 году. Таким образом, мы просим вас иметь в виду тот факт, что в некоторых цитатах литераторов более раннего периода и в тексте самого Н.В. Гоголя имя девушки написано через «и», что изменять мы сочли невозможным. Точно так же мы цитируем беллетристов и критиков конца XIX века и последующих лет, где имя дочери генерала пишется уже с учётом современной орфографии, то есть «Уленька».

Мы так много говорим об имени этой девушки, что как-то даже неудобно сказать вам о том, что гоголевских строк о ней для чтения осталось меньше всего. Вероятно, вы спросите: зачем же тогда о ней писать? Да затем, что создание именно этого литературного персонажа было мечтой писателя.

Потому что он намеревался сотворить его на пике своей славы. И потому что образ этой девушки, тем не менее, по соображениям критиков, в его библиографии оказался в числе наиболее неудачных. Почему так? Притупилось перо? пропал талант? или угасло здоровье, а с ним и вдохновение?.. Действительно, что можно вообразить себе об образе этой литературной героини по двум-трём страницам текста классика? Понять её возраст, конечно, рассмотреть одежду, представить характер или оценить речь... Наверное, да. Мы это сможем. Всё остальное – идеи, мысли, чувства, переживания, даже её осанка, ножки, талия, грудь и прочие прелести – остаётся у нас лишь на уровне невнятных предположений...

Но может быть, здесь дело и в чём-то большем? Напомним, что наша цель связана с тем произведением, которого нет. А нет второго тома «Мёртвых душ», потому что он автором сожжён. Или не сожжён? Если даже так, то нам он всё равно пока ещё недоступен! Поэтому здесь, не претендуя на глубину наших литературных изысканий, а также реально оценивая свои совершенно заурядные и скромные познания хотя и любознательного, но всё же обыкновенного рядового читателя, мы попытаемся хоть что-то понять и сами. Понять это

«что-то», подразумевая, что сделать это можно, основываясь лишь на других произведениях великого писателя, на сохранившихся отдельных главах и отрывках из второго тома, на рассказах его современников и результатах многолетнего труда наших блистательных литературоведов и критиков. Таким образом, далее мы предлагаем вашему вниманию не литературоведческий труд, а мнение о прочитанных нами трудах других авторов на заданную тему. Это немножко печально, потому что сегодняшние критики переписывают всё, что сказано вчерашними критиками, а вчерашние – уже ушли... Вот так мы и живём, вот так мы и пишем...

Любители русской классики, конечно, знают, что в последние годы в жизни и в душе Н.В. Гоголя происходило много непонятного. Нам удалось познакомиться с публикациями многих беллетристов, критиков и врачей об этом периоде жизни писателя и понять, что там действительно остались загадки. К числу новых и одновременно хорошо забытых старых источников об этом принадлежат публикации Д.Н. Овсянико-Куликовского, написанные им на рубеже XIX–XX веков. Мы решили обратиться к некоторым выводам из них ещё и потому, что Овсянико-Куликовский являлся одним из зачинателей психологического на-

правления в литературоведении. В то же время мы будем опираться и на другие материалы, среди которых главная роль будет отведена личной переписке писателя, а также сохранившейся корреспонденции от его ценителей, критиков и хулителей.

Как известно, в последние годы жизни писателя его современники замечали у Гоголя продолжительные периоды мрачного настроения и явные, как казалось многим из них, черты ипохондрии и мизантропии. Н.В. Гоголь действительно страдал физически и мучился приступами психической угнетённости. Об этом свидетельствуют и его письма, и многократные но, как ему казалось, безрезультатные консультации с врачами. Он неизменно преувеличивал свои недуги и моральные пороки, подозревал в себе болезни, которых не было, и бесконечно раскаивался в воображаемых прегрешениях. Порой ему казалось, что вся его литературная деятельность абсолютно ничтожна, что былой его талант безнадёжно утрачен и что его призвание состоит в чём-то совершенно другом. В такие минуты писателем овладевали страх смерти и загробных возмездий, поэтому он и каялся, и молился, всё больше и больше углубляясь в свой внутренний мир, считая это своим «душевным делом». Гоголь надеялся, что он сумеет достойно завершить

«Мёртвые души» с «хорошими сторонами» русского человека и определить верный путь к нравственному возрождению Руси и к правде только в том случае, если очистится от недостатков сам и станет высокоморальным человеком. Смирение и самоуничижение кающегося грешника и христианина, стремящегося к праведной жизни по Евангелию, непостижимо соединились в нём с гордынею пророка и проповедника «слова истины», обосновавшего истинный путь спасения чичиковской России...

«До сих пор в литературе о Гоголе повторяется или молчаливо допускается мнение, что призвание его было исключительно литературное, что, «ударившись в мистику», он загубил свой талант и «занялся не своим делом», что весь духовный путь писателя был одним прискорбным недоразумением, – пишет К.В. Мочульский. – Но почему же религиозно-нравственные идеи Гоголя легли в основу «учительства» всей великой русской литературы и почему значительность его христианского пути с каждым годом раскрывается нам всё яснее?

В четырёх повестях: «Вий», «Тарас Бульба», «Невский проспект» и «Записки сумасшедшего» – Гоголь с различных сторон подходит к проблеме зла в любви и в красоте. Он остро ощущает трагизм любви и двусмысленность

красоты в нашем мире и задолго до Достоевского знает о существовании двух идеалов – идеала Мадонны и идеала Содомского. Каким путём пришёл Гоголь к этому сжигающему душу прозрению? Нам известно только, что это событие случилось между 1831 и 1834 гг. Что-то произошло с душой Гоголя; во всяком случае, пережитый им страшный опыт мало имел общего с той «заботой юности – любовью», которую придумал Кулиш», – делает вывод К.В. Мочульский.

Гоголь почему-то возомнил себе, что редкостный дар «слышать душу» ему ниспослан свыше, что он всё читает в душе человеческой, как по писаному, и поэтому может открыть любому человеку правду о нём самом, обнаружить скрытые помыслы и тайные движения души, каких сам человек в себе не подозревает... «Сам бог вложил в душу мою прекрасное чутьё слышать душу, источник многих моих радостей и наслаждений», – пишет он А.О. Смирновой 16 мая 1844 года. Это «душевное дело» у писателя причудливо переплеталось с работой над поэмой, где он намеревался наделить своих литературных героев высокими помыслами, покаяниями и теми «истинами» или откровениями, к которым шёл сам путём религиозного самоуглубления и моральных исканий.

Вместе с тем, как утверждали современники писателя, Гоголь веровал не только в Бога, но и в дьявола, и притом делал это архаически слепо. Вся практика его религиозных устремлений сводилась к изысканию способов приблизиться к Богу и отогнать сатану. Этот дуализм преследовал писателя до конца жизни, которая со второй половины 30-х годов и до его смерти протекала в покаяниях и молитвах, в постоянном страхе перед дьявольским наваждением и гневом Божьим. Именно на этой религиозно-патологической почве обосновалось, как считают многие, роковое влияние на писателя отца Матвея Константиновского. Отец Матвей был человеком очень непростым и противоречивым. О нём мы вскоре вам расскажем подробно, а потому от оскорбительных прилагательных, которыми многие литераторы часто и при этом совершенно не зная его «украшают» его портфолио, здесь мы категорически воздержимся.

Молитвы же самого писателя превращались в заговоры от болезней. Гоголь буквально «лечился» религией и наивно считал, что сила молитв зависит от религиозной и моральной чистоты благоговеющего, а также от их многократных повторений. Вот, например, что мы находим в одном из его писем из Франкфурта к А.П. Толстому от 29 марта 1845 года. «Здоровье моё всё хуже и хуже, – пишет он. – Появляются такие признаки, которые говорят, что пора, наконец, знать честь и, поблагодарив Бога за всё, уступить, может быть, своё место живущим. Но да будет во всём его святая воля! Угодно будет необыкновенным чудом ему спасти и продлить жизнь мою, – велика тогда будет сила его и высшая премудрость. Угодно будет прервать её, велика также будет его сила и высшая премудрость, – и это будет знак, что смерть моя, верно, была полезней и нужней самой моей жизни. Но во всяком случае не прекращайте ваших молений, сильней и сильней молитесь обо мне Богу, чтобы не оставлял он меня ни на минуту, – тем более, что болезненные мои минуты бывают теперь труднее, чем прежде, и трудно-трудно бывает противостать противу тоски и уныния...»

Смеем надеяться, что писатель не поступался своими воззрениями о том, что его литературная деятельность не могла противоречить религии. Она могла взять на себя главную роль – роль целебного источника нравственного возрождения русского общества, для чего и требовалось завершить работу над поэмой. (Сомнения в этом были, и они опять-таки прямо или косвенно касались всё того же отца Матвея). Но Н.В. Гоголь продолжал работу над новыми главами «Мёртвых душ»...

Известно, что в третьей части «Мёртвых душ» писатель мыслил создать «русского человека» с идеальными сторонами «русской породы». Там тёмная и грешная Русь чичиковых и других собакевичей, отразивших собой ранее картину «ада» тогдашней действительности, пройдя через «чистилище» второй части поэмы, где в лицах Тентетникова, генерала Бетрищева, его дочери Уленьки, Хлобуева, Платоновых и других, изображалась Русью кающейся, просветлённою светом христианского идеала. Таким образом, «русское» будет слито с «евангельским». Для исполнения этого замысла Н.В. Гоголь искал фактические обоснования, точки опоры в реальности и в психологии русского человека. Его задача состояла не в том, чтобы выдумать идеального русского человека, а в том, чтобы найти в самой действительности отправные точки для воссоздания идеальных типов людей средствами искусства. Писатель был уже близок к выводу о том, что «высокое достоинство русской породы состоит в том, что она способна глубже, чем другие, принять в себя высокое слово евангельское, возводящее к совершенству человека...» Именно так об этом он и писал графине Виельгорской 30 марта 1849 года. Добавим, что к этому времени вторая часть «Мёртвых душ» после очередного её уничтожения уже была практически воссоздана заново. В июле он читал её у Смирновых в Калуге, а в январе следующего года – уже у Аксаковых в Москве, но только первые главы.

После ознакомления с мнением авторитетных психологов нам не приходится сомневаться в том, что Н.В. Гоголь принадлежал к числу натур эгоцентрических, то есть тех, у которых ощущение и осознание своего «я» является чрезмерным. Для таких людей часто наилучшею опорою становится как раз религия, поскольку их гипертрофированным «я» не хватает антитез: я и семья, я и общество, я и отечество, я и народ, я и человечество... Так зарождается сопоставление: я и Бог. (Здесь оно только зарождается у него, подчеркнём это). «Для невропата Гоголя оно было роковым – тем более что у него к природному эгоцентризму натуры присоединялся ещё тот, который обусловливался слабостью его нервной организации и неуравновешенностью его духа», – писал в 1902 году Д.Н. Овсянико-Куликовский.

Расположение Гоголя к моральной ипохондрии со временем усиливалось. Писатель не переставал искать и находить в себе разные, большею частью мнимые недостатки и грехи и всё усердней каялся и молился, стремясь к очищению. Его эгоцентризм не мог найти себе противовеса во внешней деятельности,

в активной общественно полезной работе, о чём он долго и упорно мечтал, лелея идею о неком своём «призвании» деятеля, приносящего огромную пользу России. Однако в скором времени писатель стал смотреть на свою литературную деятельность уже как на род государственного служения, о чём и заявил в «Авторской исповеди». «Я примирился... с писательством своим только тогда, когда почувствовал, что на этом поприще могу также служить земле своей...» – пишет он.

Некоторые учёные утверждают, что весь замысел писателя в тот период основывался на эгоцентрической антитезе: «Я (Н.В. Гоголь) и Русь». А потому рассказ о похождениях Павла Ивановича Чичикова превращался в созерцание Руси «из прекрасного далёка», в скорбный рассказ о всероссийской «тьме и пугающем отсутствии света». Таким образом, морально-религиозная поэма могла бы иметь структуру: о русском «аде» (часть I), о «чистилище» (часть II) и о «рае» (часть III). Считается, что такая концепция была «внушена» Николаю Васильевичу «Божественной комедией» Данте, которую Гоголь многократно перечитывал в Италии, где и писал поэму. (Здесь мы снова не фантазируем, а только пересказываем мнения профессиональных критиков и умудрённых опытом литературоведов.)

Но, поскольку всякая нация обычно начинается с войны и странствия, для Украины такого рода произведением, сочетающим в себе «Илиаду» и «Одиссею», стала уже созданная Н.В. Гоголем повесть «Тарас Бульба». Кроме того, отметим, что для украинской культуры опыт перевода античных сюжетов в реалии в то время уже существовал, и это была «Энеида» И.П. Котляревского. Для России же требовалась уже своя «Одиссея». И пока В.А. Жуковский занимался переводом поэмы Гомера, Гоголь создавал русскую «Одиссею», которую тоже называл поэмой. По сути, он соревновался с Василием Андреевичем Жуковским и теперь переносил события «Одиссеи» в Россию, где относительно легко (по отношению ко второму тому) уже создал шедевральный первый её том. В этом томе заманивающих странника сирен очеловечил Манилов. Циклоп Полифем, большой любитель продуктов животноводства, здесь Собакевич, а хлебосольной Цирцеей стала Коробочка с родной для неё темой свинства. Сциллой оказался непрерывно ищущий свою добычу Степан Плюшкин, а повелителем ветров Эолом – Ноздрёв, который одним выдохом своих ноздрей уносил Чичикова – Одиссея далеко от его цели, то есть ещё дальше от того места, где он находился до его «выдоха».

Лишь с одним выходила существенная неувязка – у Чичикова не было «своей» Итаки, чтобы ему можно было туда возвратиться. (Напомним, что остров Итака являлся родным для легендарного Одиссея.) Может быть, именно чичиковская Одиссея так ничем и не завершилась...

Но вернёмся к тому, как наши учёные оценивали внутреннее состояние Гоголя Николая Васильевича. Вскоре наряду с антитезой «я и Русь» у него, как считают многие из них, теперь уже укрепляется идея «я и Бог». Гоголь всё глубже погружается в «своё душевное дело» и стремится обрести то состояние души, которое позволяло бы ему разговаривать с ним. И, наверное, ему казалось, что с «той высоты картина Руси предстанет ему в новом виде, и он уразумеет те тайные пути», по которым провидение поведёт Россию чичиковых к великому, светлому будущему... Он всё больше и больше укрепляется в мысли, что только силой морального и религиозного подъёма он сможет создать великое творение и реализовать своё призвание, для реализации которого и был «послан на землю». Душевная драма Гоголя оказалась и трагедией его творчества, что нам становится понятным больше после ознакомления с перепиской классика. Из неё перед нами выступает фигура человека, кото-

рый был мучеником своего гения, жил идеей возрождения Руси и ради этого отлучил себя от мира и всех соблазнов жизни.

Великий мистификатор

Даже для современников писателя, близко знавших Н.В. Гоголя, он оставался загадкой. Загадкой он остаётся и для нас. Лишь одно неоспоримо: его имя стоит в ряду величайших имён всемирной литературы. Насколько ясна эта сторона натуры Н.В. Гоголя, настолько темно всё остальное, поэтому, изучая его, мы повсюду наталкиваемся на противоречия и неясности. Порою эти противоречия сгущаются в род каких-то «парадоксов души», которые кажутся ещё парадоксальнее, чем они, возможно, были на самом деле, как, например, склонность писателя скрытничать, симулировать и мистифицировать, что вело к образованию некоего конфликтного потенциала во взаимоотношениях с людьми. Вполне возможно, что причина таких действий состояла в дисгармоническом и театральном характере писателя, что тоже могло быть определяющим.

В этой связи напомним вам слова одного авторитетного человека, который хорошо знал Николая Васильевича: «Гоголь был не лгун, а выдумщик и всегда готов был сочинить целую

сказку, чтоб отделаться как-нибудь от скучных или неприятных вопросов». Цитата принадлежит С.Т. Аксакову, который раньше других и лучше многих понял и оценил этого человека как художника. В «Истории моего знакомства с Гоголем», напечатанной в 1890 году, Аксаков писал: «...объясняя себе поступки Гоголя его природною скрытностью и замкнутостью, его правилами, принятыми сызденства, что иногда должно не только не говорить настоящей правды людям, но и выдумывать всякий вздор для скрытия истины, я старался успокоить других моими объяснениями. Я приписывал скрытность и даже какую-нибудь пустую ложь, которую употреблял иногда Гоголь, когда его уличали в неискренности, единственно странности его характера и его рассеянности... Впрочем, я должен сказать, что странности Гоголя иногда были необъяснимы и остались навсегда для меня загадками... Мне приходилось объяснять самому себе поступки Гоголя точно так, как я объяснял их другим, то есть что мы не можем судить Гоголя по себе, даже не можем понимать его впечатлений, потому что, вероятно, весь организм его устроен как-нибудь иначе, чем у нас; что нервы его, может быть, во сто раз тоньше наших: слышат то, чего мы не слышим, и содрогаются от причин, нам неизвестных».

Гоголь мог любить того или другого из близких к нему людей, но вместе с тем он всегда всматривался в оборотную сторону каждого человека, и тогда рядом с этим хорошим человеком у него вырастал другой – собранный из одних лишь его пошлых черт. Этот фантом становился между этим достойным самого высокого уважения человеком и Гоголем и путал их отношения, нарушал их простоту и искренность. Приведём пример из письма Н.В. Гоголя к П.А. Плетнёву от 5 января 1847 года: «Драгоценный дар слышать душу человека мне уже был издавна дарован Богом, и в неразвитом своём состоянии он уже руководил меня в разговорах с людьми, и передо мною сами собой отделились звуки истинных слов от звуков фальшивых в одном и том же человеке. Поэтому я весьма рано стал примечать, что есть дурного в хорошем человеке и что есть хорошего в дурном человеке. Ко мне становился человек вовсе не тою стороною, какою он сам хотел стать предо мною; он становился противовольно той стороной своей, которую мне любопытно было узнать в нём, так что он иногда, сам не зная как, обнаруживал себя предо мною больше, чем он сам себя знал». Может быть, здесь-то и следует искать главную причину тех недоразумений, какие так часто возникали между писателем и его друзьями?

Н.В. Гоголь принадлежал к тому типу верующих людей, которым чем они больше веруют, тем недостаточнее кажется их вера. Случится с ним какая-нибудь беда или неудача, и он уже задумывается, старается понять, что именно хотело сказать ему этим божество. Вся его жизнь обставляется таинственными символами, а ум измождённо бьётся над мудреною казуистикой толкования этих символов или снов, которые в его представлении становятся вещими. А если утешительной вере в непосредственное вмешательство божества в личную жизнь человека присоединить ещё и устрашающую веру в «нечистую силу», которая то и дело подстерегает человека и изыскивает всяческие средства овладеть его душой, то получается совсем безрадостная картина мистицизма, которую мы тоже замечаем в его жизни и творчестве.

Гоголь верил в предчувствия и, мало того, готов был видеть в них данный ему свыше «дар пророчества». Указания на это мы находим в его переписке ещё задолго до окончательного поворота в сторону крайнего мистицизма. Так, в письме к овдовевшему Плетнёву 27 сентября 1839 года он сообщает: «Вы лишились вашей доброй и милой супруги, столько лет шедшей об руку вашу... Знаете ли, я предчувствовал это, и, когда я прощался с вами, мне что-то смутно говорило, что я увижу вас в другой раз уже

вдовцом. Ещё одно предчувствие, но оно ещё не исполнилось, но исполнится, потому что предчувствия мои верны, и я не знаю, отчего во мне поселился теперь дар пророчества...»

С годами всё очевиднее казалось Гоголю и нарочитое вмешательство божества в его личную жизнь и судьбу. Так, в черновом наброске письма к П.И. Раевской, относящемся к 1840 году, он говорит, что его постигла опасная болезнь, от которой врачи не могли исцелить его, и «одна только чудная воля Бога воскресила» его. «Это чудное мое исцеление, – продолжает Гоголь, – наполняет душу мою утешением несказанным: стало быть, жизнь моя ещё нужна и не будет бесполезна». В письме к С.Т. Аксакову от 28 декабря 1840 года мы читаем: «...Я рад всему, всему, что ни случается со мною в жизни, и как погляжу я только, к каким чудесным пользам и благу вело меня то, что называется в свете неудачами, то растроганная душа моя не находит слов благодарить невидимую руку, ведущую меня».

В.А. Жуковскому 10 мая 1843 года Николай Васильевич написал: «Болезнь моя так мне была доселе нужна, как рассмотрю поглубже всё время страдания моего, что не даёт духу просить бога о выздоровлении. Молю только его о том, да ниспошлёт несколько свежих минут и надлежащих душевных расположений, нужных для

изложения на бумагу всего того, что приуготовляла во мне болезнь страданиями и многими, многими искушениями и сокрушениями всех родов, за которые недостаёт слов и слёз благодарить его всеминутно и ежечасно...»

Вникая в тайный смысл посылаемых ему испытаний, неустанно прислушиваясь к указаниям свыше, Гоголь незаметно вырабатывает в себе что-то вроде «теории познания» путей провидения и теории чудодейственной силы молитвы. 4 ноября 1843 года Н.М. Языкову он написал: «Молитва не есть словесное дело; она должна быть от всех сил души; без того она не возлетит. Молитва есть восторг. Если она дошла до степени восторга, то она уже просит о том, чего Бог хочет, а не о том, чего мы хотим. Как узнать хотение Божье? Для этого нужно взглянуть разумными очами на себя, и исследовать себя: какие способности, данные нам от рождения, выше и благороднее других? Теми способностями мы должны работать преимущественно, и в сей работе заключено хотение Бога; иначе они не были бы нам даны. Итак, прося о пробуждении их, мы будем просить о том, что согласно с его волею; стало быть, молитва наша прямо будет услышана. Но нужно, чтобы эта молитва была от всех сил души нашей. Если такое постоянное напряжение, хотя на две минуты в день, соблюсти в продолжение

одной или двух недель, то увидишь её действие непременно. К концу этого времени в молитве окажутся прибавления. Вот какие произойдут чудеса. В первый день ещё ни ядра мысли нет в голове твоей: ты просишь просто о вдохновении. На другой или на третий день ты будешь говорить не просто: «Дай произвести мне», но уже «дай произвести мне в таком-то духе». Потом на четвёртый или пятый: «С такою-то силою». Потом окажутся в душе вопросы: какое впечатление могут произвести задумываемые творения и к чему могут послужить? И за вопросами в ту же минуту последуют ответы, которые будут прямо от Бога. Красота этих ответов будет такова, что весь состав уже сам собою превратится в восторг; и к концу какой-нибудь другой недели увидишь, что уже всё составилось, что нужно: и предмет, и значение его, и сила, и глубокий внутренний смысл, словом – всё; стоит только взять в руки перо, да и писать».

Эти любопытные строки как нельзя лучше раскрывают нам самую суть того уклада души, что был присущ Гоголю. Можно представить себе, какое влияние должно было оказать это мистическое воззрение на постановку всего того «душевного дела», которое так занимало Гоголя. «Таким образом, – подчёркивает Д.Н. Овсянико-Куликовский, – этическое

у него поглощалось религиозным, проблема нравственного совершенствования ставилась и решалась в духе личного подвижничества, аскетизма, удаления от мира. Писатель глубоко верил, что на этом пути устанавливается и крепнет связь человека с божеством и за человеком обеспечивается загробное блаженство на небесах». С годами «душевное дело» Гоголя принимало оборот всё более неблагоприятный как для его душевного состояния, так и для его художественного творчества. Оно развивалось в духе всё того же крайнего аскетизма и мистики. Это зависело, во-первых, от его болезненной мнительности, а во-вторых, от совсем уж его нерационального качества – верования в чёрта. Отсюда у писателя появляются страхи и содрогание от совершённых или даже придуманных им грехов, ужасы от того, что может быть: вот сейчас он попадёт в когти дьявола и потеряет столь тяжким трудом завоёванное блаженство в раю... Отсюда постоянные покаяния и учащённые молитвы. С этим же многие наши гоголеведы связывают якобы безусловное подчинение Гоголя влиянию исключительно харизматичного (а кое-кто пишет «фанатичного») проповедника – отца Матвея. (Каким он был на самом деле, мы наверняка объяснить вам не сможем, но мнение о нём его современников, конечно, представим.)

Трудно не ощутить тот болезненней страх и трепет души великого «грешника» при чтении известного духовного завещания Н.В. Гоголя, где он писал: «Во имя отца и сына... Я хотел бы, чтобы по смерти выстроен был храм, в котором бы производились частые поминки по грешной душе. Для того кладу в основание половину моих доходов с сочинений... Я бы хотел, чтобы тело моё было погребено если не в церкви, то в ограде церковной, и чтобы панихиды по мне не прекращались». В другом месте того же письма читаем: «Помилуй, господи, меня грешного: свяжи сатану вновь». И ещё: «Помилуй меня грешного, прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственною силою неисповедимого креста».

Наиболее подробные свидетельства о том, как Гоголь собирался завершить поэму, оставил А.М. Бухарев, магистр Московской духовной академии и архимандрит, с которым писатель встречался в Троице-Сергиевой лавре. По его свидетельству, Чичикова в конце концов настигнет наказание, которое послужит началом его раскаяния. «...И подвигнется он взять на себя вину гибнущего Плюшкина, и сумеет исторгнуть из его души живые звуки»; скажет «сражённой скорбью Коробочке доброе и живительное слово»; укажет Ноздрёву «достойное поприще его удали» и «Маниловой укажет средства окрепнуть в духе самой и мужа

укрепить», – «и всё городское общество подвигнет к лучшему». И в этом скажется «многосторонняя и энергическая натура» Чичикова... «Плюшкин должен был превратиться в бессребреника, раздающего имущество нищим».

Возможно, что так всё это в поэме «Мёртвые души» и произошло, но прочесть нам об этом, скорее всего, уже не удастся. Хотя, кто его знает...

Без всяких сомнений, Николай Васильевич Гоголь был не только талантливым художником, который умел смотреть и видеть, понимать жизнь и доносить своё понимание до других. Ещё больше он умел вдумываться в неё, претворять её в выстраданный внутренний опыт, в созерцания и скорбь мыслителя. С одним талантом своим, как бы он ни был велик, он не смог бы «вызвать наружу всё, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи, – всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная, дорога». Мы склоняемся к тому, что загадочный, непонятный, а в чём-то и даже необычный человек, писатель Н.В. Гоголь совершенно точно был гением. Его гениальность – в исключительной творческой оригинальности, в изумительной художественной интуиции, в глубине проникновения во всё то,

на что он направлял свой взгляд. Наконец его гениальность в характерной для таких самородков смеси скорби и мизантропии с радостью бытия и творчества.

Именно такому человеку удалось повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии и сдвинуть её с пути Пушкина на путь Достоевского. «Сила Гоголя была так велика, – пишет К.В. Мочульский, – что ему удалось сделать невероятное: превратить пушкинскую эпоху нашей словесности в эпизод, к которому возврата нет, и быть не может. Своим кликушеством, своим юродством, своим «священным безумием» он разбил гармонию классицизма, нарушил эстетическое равновесие, чудом достигнутое Пушкиным, всё смешал, спутал, замутил; подхватил вихрем русскую литературу и помчал её к неведомым далям». Непрочным оказался русский «космос»; хаос, скованный пушкинской плеядой, снова воцарился. После надрывного «душевного вопля» Гоголя в русской литературе стали уже невозможны «звуки сладкие и молитвы».

От Гоголя всё «ночное сознание» нашей словесности: нигилизм Толстого, бездны Достоевского, бунт Розанова. «День» её – пушкинский златотканый покров – был сброшен; Гоголь первый «больной» нашей литературы, первый мученик её, – пишет К.В. Мочульский. – Можно жалеть о столь быстро промелькнувшем дне

и содрогаться перед страшным ночным «карлой» – автором «Мёртвых душ», но нельзя отрицать того, что великая русская литература вышла из-под плаща – из-под «Шинели» – этого «карлы». Без Гоголя, быть может, было бы равновесие, антология, благополучие: бесконечно длящийся Майков, а за ним бесплодие; после Гоголя – «полное неблагополучие», мировой размах и мировая слава».

И ещё одно впечатляет и преобладает над всем. Здесь мы в чём-то коротко, чтобы не доброупотреблять вашим вниманием, повторимся. Прав был И.С. Аксаков, сказавший о писателе: «Жизнь его представляет такую великую, грозную поэму, смысл которой останется долго неразгаданным...»

Второй том «Мёртвых душ» Н.В. Гоголя – одно из самых мистифицированных произведений мировой литературы. Многие литературоведы не без оснований считают, что его сожжение принесло писателю больше славы и вызвало больше внимания к себе, чем если бы он был опубликован. «Мёртвые души» несли в себе обещание великой тайны и её открытия, и пламя, истребившее последние листы рукописи, унесло и откровение тайны, – пишет Ю.В. Манн. – Теперь тайной сделалась сама катастрофа и её мотивы; напряжённо-экзистенциальный эпитет – «таинственный» – был

перенесён с ожидаемого произведения на совершившийся акт его уничтожения или, если говорить шире, на факт его не написания. Именно в этом свете открывается смысл горьких слов И.С. Тургенева: «...Скажу Вам без преувеличения, с тех пор, как я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатления, как смерть Гоголя... Эта страшная смерть – историческое событие – понятна не сразу; это тайна, тяжёлая, грозная тайна – надо стараться её разгадать... но ничего отрадного не найдёт в ней тот, кто её разгадает... все мы в этом согласны».

Мало кто сомневается в том, что второй том поэмы «Мёртвые души» – это отчаянная попытка Н.В. Гоголя написать о том, что спустя десятилетие увидят и напишут Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев и Ф.М. Достоевский. Многие литературоведы убеждены: в этом произведении Н.В. Гоголю, приподнявшись на цыпочки, удалось разглядеть новые типы людей и заглянуть за край той застывшей эпохи, в которой задыхались и не такие нервные, как он, люди. У Гоголя мы действительно встречаем предвестников всей последующей русской литературы: будущего Обломова, которому Гоголь отдал много своего, героиню, давшую жизнь тургеневским девушкам, кающегося грешника, который когда-то станет центральной фигурой романов Достоевского и многих других...

«По мере того как развёртываем мы листы этого сочинения (и существующие, и несуществующие, оставшиеся лишь в памяти тех, кто слышал их), – пишет И.П. Золотусский, – перед нами предстаёт действительно необозримая картина современной России, которую на этот раз Гоголь и в самом деле обнимал со всех сторон. Фантастическое порождение российской безалаберщины и хаоса, все русские недуги и «идеалы» безобразий и путаницы он сумел нам сфокусировать в образе подпольного мага-юрисконсульта, которого сам Чичиков в делах мошенничества считал Наполеоном, гением и волшебником, и самого Чичикова, который в этой безалаберщине очень многое понял раньше других...»

Тем не мение выдумать жизнь, сферу деятельности этих «новых» людей писатель не смог. Он пытался рассмотреть в жизни то, чего тогда ещё не существовало, описать среду, которой нет, те смыслы, что в обществе ещё не зародились, цели и пути его духовного перерождения, которые ещё не стояли даже в повестке. И если критично посмотреть на то, что происходит в нашем обществе сейчас, то можно вполне себе заподозрить, что события первого тома «Мёртвых душ» у нас продолжаются до сих пор, а потому второй том поэмы с теми задачами, которые ставил перед собой Н.В. Гоголь, было

бы проблематично написать и сегодня. Как бы парадоксально это ни звучало, но задачи, которые перед собой поставил тогда Гоголь, ошеломляют своей радикальностью.

К этому добавим ещё одно важное обстоятельство. Уже сам факт завершения второго тома (или не завершения) и его сожжения (или утраты другим способом) являются объектами бесконечных споров. Одни считают, что Гоголь никогда «Мёртвые души» не жёг, другие полагают, что уничтожение текста избавило именитого сочинителя от бесславия, третьи – что на самом деле он его так и не написал...

Остановимся на версии «уклонения» автора от вероятного бесславия.

На основании тех свидетельств, которые мы имеем, наших возможностей по анализу опубликованных глав и отрывков можно заключить: вторая часть «Мёртвых душ» ни в коем разе не была поражением писателя – её нравственный пафос не только не убил художника, но и, напротив, расширил его кругозор, подвёл его к ещё более пристальному изучению России и сделал основателем натуралистической школы в нашей литературе. А потому вряд ли стоит оплакивать судьбу великого писателя, впавшего в мрачный мистицизм, в некую mania religiosa, и загубившего тем свой талант.

Как известно, Н.В. Гоголь был доволен результатом своей одиннадцатилетней работы. Несмотря на постоянные сомнения, болезни и то состояние, о котором мы уже успели вам рассказать, в последний год своей жизни он был совершенно спокоен и благодушен. Доктор Тарасенков рассказывал, что «в последнюю зиму Гоголь был постоянно погружён в себя, задумчив, неразговорчив, как всегда, но, казалось, был веселее обыкновенного. В последнее время он в тайной задушевной беседе объявил, что он довольнее своими последними приготовленными трудами».

Современники писателя, встречавшиеся с ним в 1851–1852 годы, говорят о нём как о весёлом, остроумном, подвижном человеке, а не об измождённом, ушедшем от мира аскете. Именно таким они Гоголя и запомнили. Например, находясь у Смирновых, он с удовольствием шалит и возится с детьми, а путешествуя с Максимовичем, то и дело выскакивает из экипажа, бегает по полям, собирая цветы для гербария сестры. В доме С.Т. Аксакова он весел, душевен и готов плясать под любимые малороссийские песни. Со слов этих людей, к концу жизни писатель представляется нам духовно просветлённым и внутренне удовлетворённым человеком, который не ссылается ни на какие невзгоды и жизненные трудности, а, наоборот, становится ещё проще и добрее.

Если же вернуться к образу писателя на пять-шесть лет назад, то можно было бы говорить совсем о другом Гоголе. Тогда, в 1845 году, когда вторая часть поэмы была уже практически готова, Гоголь её рукопись сжигал предпоследний раз. (До этого он уже якобы уничтожал её или какие-то её части в 1843-м). Сожжённую же в 1845 году редакцию второго тома Гоголь охарактеризовал (в четвёртом письме по поводу «Мёртвых душ» в «Выбранных местах из переписки с друзьями») как «пятилетний труд, производимый с такими болезненными напряжениями, где всякая строка досталась потрясением, где было много такого, что составляло мои лучшие помышления и занимало мою душу. Но, – продолжает он, – как только пламя унесло последние листы моей книги, её содержание вдруг воскреснуло в очищенном и светлом виде, подобно фениксу из костра, и я вдруг увидел, в каком ещё беспорядке было то, что я считал уже порядочным и стройным. Появление второго тома в том виде, в каком он был, произвело бы скорее вред, нежели пользу... Вывести несколько прекрасных характеров, обнаруживающих высокое благородство нашей породы, ни к чему не поведёт. Оно возбудит только одну пустую гордость и хвастов-

ство... Бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во втором томе «Мёртвых душ», а оно должно было быть едва ли не главное; а потому он и сожжён».

«Переписка...» здесь упоминается нами совершенно не случайно, ибо параллельно именно тем событиям, о которых мы рассказываем, Н.В. Гоголем реализовалась идея подготовки и издания «Выбранных мест из переписки с друзьями». Тогда писатель всерьёз надеялся и был убеждён, что эта книга «принесёт добро многим душам» (из письма к А.О. Смирновой от 15 октября 1846 года). Спустя пять дней он пишет теперь уже П.А. Плетнёву, что сам Бог внушил ему мысль издать её: «чудо и милость божия» явственно сказались в том, что «во время работы над книгою вдруг остановились самые тяжкие недуги, вдруг отклонились все помешательства в работе...»

Отец Матвей и спор вокруг камина

Как известно, «Выбранные места из переписки с друзьями» не были приняты литературной общественностью так, как писатель надеялся, они не были поняты и причинили автору одни лишь огорчения, а потому и не внесли гармонии в его неспокойную душу. И заметим, что именно к этому периоду относится обострение кризиса душевных мук и болезни Гоголя, что повлияло на усиление его религиозности, перерастающей в мистицизм. Им овладевал суеверный страх: боязнь диавола и его соблазнов, страх смерти и ужас загробных мук, что мы отчасти уже упоминали.

Весь следующий абзац мы просим вас воспринимать с особым вниманием. Это важно. «Прокурорские» штампы об отце Матвее Константиновском, помещённые в нём, на самом деле принадлежат не прокурорам и не следователям, а известным учёным и гоголеведам. И здесь мы не намереваемся обострять вашу недоверчивость, а всего лишь хотим предупредить о том, что, как выясняется, о Матвее имеются совершенно разные мнения, которые мы вам представим в этой же главе. Итак, ниже абзац, о котором мы столь беспокоимся. Вот что мы узнали об этой истории.

В последние годы жизни судьба свела Н.В. Гоголя с одним из самых, как пишут некоторые наши соотечественники, одиозных фанатиков архаической религиозности, с ржевским протоиереем, отцом Матвеем Константиновским, имевшим репутацию чуть

ли не святого. Протоиерей сразу же добился огромного влияния на Гоголя. Он устрашал писателя всеми ужасами загробных возмездий и укреплял в нём убеждение в том, что вся его литературная деятельность пагубна и греховна. У Гоголя не хватало сил должным образом противостоять ему. Протоиерей изъяснялся от имени Бога, умело оперировал неоспоримыми установками священного писания и словами спасителя... Он был красноречив и обладал необычайной силой убеждения, призывал к покаянию и к отречению от мира сего, пугал страшным судом и повергал истерзанного внутренними противоречиями писателя в религиозный страх и трепет. Вполне возможно, что именно в усиленном чтении святого писания и богословских книг обессиленный писатель и искал опоры, защиты и аргументов против прямолинейных и агрессивных проповедей отца Матвея, которые, по всей видимости, не могли не казаться Гоголю предвзятыми и разрушительными. Этим мы завершили тот абзац, в котором в свободной интерпретации изложили все или большинство из претензий, «инкриминируемых» этому священнику.

Напомним, что Н.В. Гоголь всегда был человеком настроения, а в последние месяцы жизни оно менялось у него особенно часто. Мы

не исключаем, что в период работы над подготовкой к изданию второго тома поэмы одну из важных ролей в судьбе рукописи действительно мог сыграть отец Матвей. Сохранились воспоминания самого священника об одной из его встреч с Гоголем в начале 1852 года. «Дело было так, – говорит Константиновский: – Гоголь показал мне несколько разрозненных тетрадей с надписями: глава, как обыкновенно писал он главами. Помню, на некоторых было надписано: глава I, II, III, потом, должно быть, VII, а другие были без означения... В одной или двух тетрадях был описан священник, – вспоминает он. – Это был живой человек, которого всякий узнал бы, и прибавлены такие черты, которых... во мне нет; да и к тому же ещё с католическими оттенками, и выходил не вполне православный священник. Я воспротивился опубликованию этих тетрадей, даже просил уничтожить. В другой из тетрадей были наброски... только наброски какого-то губернатора, каких не бывает. Я советовал не публиковать и эту тетрадь, сказавши, что осмеют за неё даже больше, чем за «Переписку с друзьями...» (Здесь мы отметим, что намерение изобразить во втором томе священника известно было также и А.О. Смирновой.)

Современники писателя не раз упоминали о том, что Гоголь и правда больше всего

страшился писать образы, «каких не бывает», и слова отца Матвея вполне могли оказаться приговором рукописи, тем более что и до встречи с ним Николай Васильевич терзался сомнениями относительно завершённости своего труда.

Известны тезисы и выводы из них критиков о том, что отец Матвей убеждал Гоголя бросить занятия литературой и заняться богоугодным делом, таким, например, как подготовка своей души к переходу в мир иной по программе, составленной им и другими служителями церкви, подобными ему. Здесь нам следует также припомнить рассказы о том, как незадолго до смерти писателя (в начале февраля 1852 года) отец Матвей так «напугал его изображением ответственности на страшном суде, что Гоголь, не владея собою, прервал его речь и сказал ему: «Довольно! Оставьте меня! Не могу далее слушать! Слишком страшно!»

Как бы то ни было, но примерно в это же самое время Гоголь неоднократно пытался разъяснить всем и каждому из своих корреспондентов, какими бы положительными были бы персонажи «Мёртвых душ», если бы церковь разрешила ему писать так, как внушил ему Бог по секрету от отца Матвея. На самом же деле Гоголь намеревался завещать свои рукописи митрополиту Филарету: «пусть он наложит на них свою руку; что ему покажется не нужным, пусть зачёркивает немилосердно». Пусть сама церковь определит пользу, отделит грешное от святого, бесовское от божеского, мир, который «весь во зле лежит», от мира, который Бог так возлюбил, что Сына Своего Единородного принёс за него в жертву...

Почему мы так много говорим о Константиновском? В религиозном возрождении Гоголя действительно главная роль принадлежит ему, справедливо замечает К.В. Мочульский. Как известно, вопрос об отношениях Гоголя и отца Матвея всегда занимал биографов; было высказано много догадок и построено много гипотез. Наиболее блестящая из них принадлежит Д.С. Мережковскому. «Любитель резких противоположений Мережковский, – продолжает К.В. Мочульский, – изображает отца Матвея мрачным аскетом – изувером, внушившим писателю мысль об уничтожении «Мёртвых душ» и тем убившим сначала его душу, а потом и тело. Рассказав о смерти Гоголя, он заключает: «Борьба была окончена, совершилась «страшная месть»: не-человек победил человека, посмеялся над тем, кто думал над ним посмеяться». Мы знаем, что Гоголь в своих произведениях хотел посмеяться над чёртом; значит, под «не-чело-

веком» Мережковский разумеет одновременно о. Матвея и чёрта или просто считает о. Матвея чёртом. Излишне говорить, что все эти эффекты ни на чём не основаны. Приписывать влиянию о. Матвея сожжение второй части «Мёртвых душ» вполне произвольно; изображать священника Константиновского в виде Савонаролы нельзя, так как это противоречит фактам. Отец Матвей был не фанатик-изувер, а простенький, застенчивый, ничем не замечательный уездный батюшка».

В «Жизни и трудах Погодина» Н.П. Барсукова об отце Матвее сказано следующее: «Он был невысок ростом, немножко сутуловат, у него были серые, нисколько не красивые и даже не особенно выразительные глаза, немножко вьющиеся светло-русые с проседью волосы, довольно широкий нос; одним словом, по наружности и внешним приёмам это был самый обыкновенный мужичок, которого от крестьянина села Езька или Диева отличал только покрой его одежды... Правда, во время проповеди (он говорил прекрасно, восхищавшим Гоголя живым народным языком), а также при совершении литургии лицо его озарялось и светлело; но то были преходящие последствия внезапного восхищения, по миновании которых наружность его принимала свой обычный незначительный вид».

А вот другое свидетельство. И.Л. Щеглов («Гоголь и о. Матвей Константиновский». Новое время, 1901) сообщает со слов оптинского инока Э.В.: «Несокрушимость его (о. Матвея) веры являла иногда примеры поистине невероятные... Когда по доносу о том, будто он смущал народ своими проповедями, его вызвали к Тверскому архиерею, и тот стал кричать на него, грозя упрятать его в острог, о. Матвей отрицательно закачал головой: «Не верю, ваше преосвященство». – «Как ты смеешь так отвечать?» – загремел владыка. «Да, не верю, ваше преосвященство, потому что это слишком большое счастье пострадать за Христа. Я не достоин такой высокой чести». Эти слова так озадачили владыку, что он с тех пор оставил о. Матвея в покое».

Наконец, протоиерей Ф.И. Образцов в своих воспоминаниях об отце Матвее (Тверские епархиальные ведомости, 1905) пишет: «Говорят, что о. Матвей был суровый, печальный, строптивый, мрачный фанатик. Ничего такого не было в о. Матвее. Напротив, он всегда был жизнерадостен; мягкая улыбка очень часто виднелась на его кротком лице; никто не слыхал от него гневного слова, никогда он не возвышал своего голоса; всегда был ровный, спокойный, самообладающий. Жизнь вёл строго воздержанную...

Ворота его дома всегда были открыты для странников, – нижний этаж дома постоянно был занят ими...

...Проповедь о. Матвея всегда была импровизированная, на текст дневного Евангелия. Простота слов, живая образность поражали слушателя, искреннее убеждение неотразимо действовало на сердце».

Из этого следует, что у нас получается совершенно другая характеристика этого проповедника, который теперь кажется нам простым «народным» батюшкой, совсем не богословом, но человеком, заслуживающим уважения, священником, лицо которого «озаряется» во время совершения литургии. Уместно спросить: где же тут демонический «не-человек»? Может быть, всё-таки он и был обыкновенным священником, с детства впитавшим все особенности народной веры. Отец Матвей был сыном сельского иерея, он не был учёным богословом, он не был фанатиком, но строгость в вере держал – скорее из-за характера, чем по приверженности церковным догматам. Его красноречие привлекло Гоголя сначала заочно, когда А.П. Толстой свёл их в переписке, а потом при личной встрече в Москве. Мы точно знаем, что Гоголю нравилась его речь – прозаически-бытовая в тихие часы разговора и торжественно-величавая, когда отец Матвей

одушевлялся, когда касался заветных для себя тем или когда замечал интерес к ним в своих слушателях. От него веяло Русью, и во внешнем облике он мало походил на вылощенных, выучившихся в семинариях, избалованных близостью ко двору, к русским посольствам за границей священников, которых чаще всего приходилось встречать Гоголю. Таких, как он, в грубой одежде, со смазанными маслом русо-седыми волосами и с редкой бородёнкой, писатель мог видеть только в детстве в родной Малороссии.

Гоголь как-то поддался к этому человеку и доверился ему. Не оттого, что тот мог до конца понять его – ему не это было нужно. Ему нужен был отец Матвей и как типаж, и как исповедник. Строгость этого ржевского Иеремии его не пугала – он умел держать людей на расстоянии, умел управлять своими отношениями с ними. Страх был не перед отцом Матвеем, а перед своим неверием.

Понял ли это отец Матвей? Если судить по его письмам к Гоголю (весьма немногим) – он это понял. Понял и то, что не сломать ему Гоголя, не поколебать его убеждения, не сладить с волей писателя и с его характером.

И тут, что называется, нашла коса на камень – характер на характер. Отец Матвей требовал определённости, он – в своей пре-

данности одному учению – был не способен понять раздвоения мятущегося духа Гоголя и уступить тому. Но, может быть, именно эта чёрствость и грубость нужны были его подопечному. Может быть, нуждался тот в строгом слове со стороны, и ни в чём более, так как всё остальное (в том числе понимание того, что с ним происходит) было при нём. Ему именно эта резкость была нужна, эта бесцеремонность искренности, этот пугающий окрик, которого он ни от кого не мог услышать. Сан священника давал отцу Матвею в глазах Гоголя право на такое обращение с ним.

Но что же всё-таки могло произойти со вторым томом? Точно этого не знает никто. Поэтому бегло пройдёмся лишь по тем версиям, которые кочуют по страницам наших специалистов и современников великого писателя на протяжении полутора веков. Их, как правило, переписывают из года в год уже наши современники – и серьёзные крупные специалисты, и начитанные дилетанты, к числу которых мы, конечно, твёрдо и неоспоримо относим себя.

Но прежде снова напомним, что на самом деле Гоголь жёг бумаги нередко. Так погибло почти всё написанное им в гимназии. Например, получив критику товарищей на свою повесть «Братья Твердославичи», он совершенно

хладнокровно разорвал её на кусочки и отправил в огонь. В Петербурге после разгромной рецензии в гостиничную печь попали все уже отпечатанные в типографии, а затем изъятые им из столичного «книготорга» экземпляры «Ганца Кюхельгартена». Та же участь постигла роман «Гетман» и комедию «Владимир третьей степени». В печи оказалась и его драма «Выбритый ус». Вот как этот случай описывает В.А. Жуковский: «Когда Гоголь кончил читать и спросил, как я нахожу, я говорю: «Ну, брат Николай Васильевич, прости, мне сильно спать захотелось». – «А когда спать захотелось, тогда можно и сжечь её», – отвечал он и тут же бросил в камин». А вот слова самого Н.В. Гоголя из письма к М.А. Максимовичу: «Если бы вы знали, какие со мною происходили страшные перевороты, как сильно растерзано всё внутри меня! Боже, сколько я пережёг, сколько перестрадал!»

Дальше мы приведём вам лишь несколько версий вероятных событий.

Первая. Утром 12 февраля 1852 года Гоголь сознательно сжёг своё произведение ввиду его несовершенства. Эта версия звучала так часто, что в наше время стала почти истиной. Вторая версия основывается на том, что абсолютно обессиленный Гоголь, вернувшись со всенощной, ошибочно сжёг законченную рукопись

вместо черновиков. Активна и та теория, что известные нам главы второго тома поэмы на самом деле и есть всё то, что написал для него Гоголь. Дескать, больше ему ничего написать так и не удалось. Ещё один вариант развития событий (у него сторонников мало, но нам он кажется вполне реальным) состоит в том, что рукопись второго тома «Мёртвых душ» автор вовсе не уничтожал.

Дело в том, что уже после смерти писателя его рукописи были прибраны к рукам графом А.П. Толстым, в доме которого Николай Васильевич провёл последние дни своей жизни. Таким образом, мы просто могли бы и не знать, куда рукопись запропастилась, а Н.В. Гоголь уничтожал лишь ставшие ненужными черновики, политически опасные для него бумаги (ведь в то время судили не только за распространение запрещённых материалов, но и за «недонесение» о них) и личные письма сокровенного характера.

Известный норвежский славист Г. Хьетсо в этом вопросе настроен более радикально. Он обосновывает тот факт, что миф о сожжении второго тома принадлежит графу Толстому, который для повышения уровня доверия к нему привлёк малолетнего слугу писателя – Семёна, якобы присутствовавшего при сожжении. По его версии, здесь можно думать, что если у самого Гоголя веских причин для уничтожения текста не было, то у графа они быть вполне могли. Г. Хьетсо считает, что в тексте второго тома с графа Толстого мог быть «списан» один из персонажей. (Допустим, тот же довольно беспомощный генерал-губернатор, каких «не бывает»). И если бы даже некоторые черты графа были приписаны этому литературному персонажу, то такая прозрачность уже создавала бы Толстому нежелательные проблемы. К этому мы добавим, что к графу был обращён ряд писем в «Выбранных местах из переписки с друзьями», причём два из них были запрещены цензурой. Понятное дело, что попадать на страницы произведения Гоголя ещё раз ему было ни к чему, тем более что, как сказали бы сегодня, граф «состоял в резерве на выдвижение». (И в 1856 году это «выдвижение» свершилось – он стал обер-прокурором Святейшего Синода, то есть чиновником с правами министра.)

Заявив же об уничтожении второго тома поэмы «Мёртвые души», граф совершенно ничем не рисковал, всего лишь подтверждая ещё раз, что писатель Гоголь от своей привычки уничтожать рукописи так и не отказался.

Может быть, так оно и было. Ведь А.П. Толстой свидетелем «казни» рукописи не был, и уже сам факт того, что он опирался на рассказ

слуги Семёна, достоверности его версии не добавлял. Скорее наоборот. Испуганный мальчик (свидетель сожжения), попав под «прицел» всеобщего внимания, вскоре запутался. Вот что пишет историк и журналист Е.М. Феоктистов И.С. Тургеневу 25 февраля 1852 года: «Теперь все расспрашивают гоголевского мальчика о подробностях его жизни, но он, кажется, понял своё интересное положение и развивает в себе Хлестакова...»

Возможно вы примете это за ещё один миф, скучающий по своему развенчанию. Но может оказаться и так, что кому-то удастся ещё раз подтвердить на примере народную мудрость о том, что действительно «цыплят по осени считают». Всё дело только в том, когда она наступит...

И ещё одна немаловажная деталь. Несколько недель (писатель скончался 21 февраля) граф Толстой был полным хозяином гоголевских бумаг, и только 1 мая он передал рукописи писателя профессору С.П. Шевырёву и московскому губернатору И.В. Капнисту. Вот что он тогда написал своей сестре о бумагах Н.В. Гоголя: «Я не знаю достаточно Шевырёва, чтобы доверить ему без меня это дело и оставить его одного хозяином этих бумаг, тем паче, что я нахожу и извлекаю мои письма ко мне и также Ваши, мой дорогой друг».

Почему бы нам не представить, что Толстой мог «извлечь» из архива писателя и нечто другое? Более того, граф ведь мог не только уничтожить, но и наоборот – спасти рукопись, «прибрать» её к рукам на время, тем более что он, и это отмечают многие его современники, имел репутацию вполне порядочного человека. И тогда наших слов окажется вполне достаточно, чтобы как минимум обратить внимание и на эту версию.

Вместе с тем граф А.П. Толстой вспоминает, как после сожжения рукописей он пришёл к Гоголю и застал его грустным. «А вот, – сказал ему Николай Васильевич, – ведь лукавый меня таки попутал: я сжёг «Мёртвые души». Он не раз говорил, что ему представлялось какое-то видение. Дня за три до кончины он был уверен в своей скорой смерти. В четверг сказал: «Надо меня оставить; я знаю, что должен умереть».

Понятное дело, что свидетелей этого разговора не было и нет. И, конечно, Толстому можно как верить, так и не верить. Так кто же всё-таки довёл Н.В. Гоголя до смерти – лукавый, отец Матвей, кто-то ещё? Или вообще эта легенда кем-то выдумана и теперь уже гуляет сама по себе? Трудно сказать...

Здесь мы приведём вам ещё одно высказывание на злобу дня. Оно принадлежит В.В. Набо-

кову: «Если Гоголь, в самом деле, написал часть об искуплении, где «положительный священник» (с католическим налётом) спасает душу Чичикова в глубине Сибири (существуют обрывочные сведения, что Гоголь изучал сибирскую флору по Палласу, дабы изобразить нужный фон), и если Чичикову было суждено окончить свои дни в качестве измождённого монаха в дальнем монастыре, то неудивительно, что последнее озарение, последняя вспышка художественной правды заставила писателя уничтожить конец «Мёртвых душ». Отец Матвей мог порадоваться, что незадолго до смерти Гоголь отрёкся от литературы; но короткая вспышка огня, которую можно было бы счесть доказательством и символом этого отречения, на деле выражала совсем обратное: когда, пригнувшись к огню, он рыдал возле той печи (где? – вопрошает мой издатель; в Москве), где были уничтожены плоды многолетнего труда, ему уже было ясно, что оконченная книга предавала его гений; и Чичиков, вместо того, чтобы набожно угасать в деревянной часовне среди суровых елей на берегу легендарного озера, был возвращён своей природной стихии – синим огонькам домашнего пекла...»

Ко всему сказанному об отце Матвее добавим ложку конспирологии. Почти все до-

революционные высказывания о нём (когда религия была, естественно, в «почёте») – позитивные. Послереволюционные же характеристики, после провозглашения тезиса «бога нет», – со знаком минус. И, конечно, в этом факте нет ничего странного. Госполитика была тогда, была всегда, как и сегодня, когда даже Карлсон в сказке уже завязал с курением, юные сыщики вместо окурков собирают фантики от конфет, шампанское заменяется минеральной водой, а дура становится «нехорошей глупой девочкой». (Такое мелкотемье в этих сравнениях получилось, что нам даже неудобно перед вами, простите, но любой поворот государственного «руля» всегда заканчивается суетой по обоснованию правильности нового курса.)

Мы думаем, что история с причинами утраты рукописи и глубинный смысл некоторых решений и поступков Н.В. Гоголя не будут разгаданы никогда. Ответы здесь лежат в области всевозможных теорий познания вечно живых или мёртвых душ человеческих.

Напоследок приведём высказывания о писателе двух известных наших литераторов. С.Т. Аксаков заявлял: «Я признаю Гоголя святым, это истинный мученик нашего времени и в то же время мученик христианства». Андрей Белый чуть позднее, в 1909-м году, говорил, что

более всех писателей русских Гоголь связан с Россией не прошлого, а сегодняшнего и завтрашнего дня...

От «небрежной естественности» до разметавшейся Эллис

Мало кто сомневается в том, что история «приключений», связанных с написанием второго тома «Мёртвых душ», расположена совсем близко к блестящей литературной критике и таинственной мистике. В пользу этого тезиса есть сотни исследований и трудов литературных экспертов и писателей, заметок читателей, их гипотез о судьбах процветающих или прозябающих на утраченных страницах текста Н.В. Гоголя героев. Известно и то, что каких-либо сведений от тех людей, которые хотя бы как-то раз держали в своих руках полный текст второго тома поэмы, даже не открывая его, тоже нет. Молва живёт и здравствует всё новыми и новыми кругами, расходящимися по сотням страниц от очередных прочтений мемуаров и воспоминаний людей, которым автор свои рукописи читал лично, или других его современников, которые слышали что-то от кого-то.

«Загляните в свои собственные души и найдите в них искру правды, которую боги поместили в каждое сердце и из которой только вы сами сможете раздуть пламя», – это высказывание историки приписывают Сократу. В 1828–1829 годы декабрист А.И. Одоевский в стихотворении на пушкинское «Во глубине сибирских руд...» высказался о том, что из «искры возгорится пламя». Гоголь – современник декабристов. Он, конечно, к революции никого не кликал, но так же, как и Сократ, наверное, заглянул в свою душу и увидел искру жизненной правды, обернувшейся, к нашему общему сожалению, пламенем камина в доме графа Толстого. Вероятно, так и пропали те страницы, на которых гоголевские персонажи оказались именно там: во глубине сибирских руд... Почему же так произошло? Кроме фантазий, у нас нет ни-че-го...

Многие наши соплеменники постарше, вероятно, помнят, как убивался герой телерекламы Лёня Голубков: «Куда ни кинь – всюду клин». Но потом он породнился с финпирамидой МММ и мигом решил все свои проблемы. Кто-то посмеётся: «Даже Лёню приплёл». Но вы-то уже точно убедились: со вторым томом «Мёртвых душ» у нас везде такой «клин», где и пирамиды не помогут. Нет и того клина, который клином вышибают. И как тут не вспомнить слова нашего искусствоведа и журналиста А.М. Минкина, который в «Немом Онегине» писал о другом великом классике: «Некоторым пушкинистам

угодить совершенно невозможно». Перекроив его высказывание на свой лад, заметим, что и здесь сам факт того, что «не пойми кто» пишет о Гоголе и Чичикове, нередко вызывает у наших профи что-то вроде презрения или неудержимого гнева как на публичных мероприятиях, так и в сетях. Порой даже думается, что была бы в каком-то из кодексов статья об ответственности за оскорбление чувств гоголеведов, то тутошний автор (ГД.) уж давно бы мог под гитару и шум падающих стволов сосен напевать себе что-то из шансона. Так и хочется пролепетать им: «Простите, что сел не в свои сани. Извините, я лишь подумал, что герои Гоголя на самом деле могли бы выглядеть так-то». Да кто же вас слушать-то будет? Даже сейчас, если вы не Чичиков, то никто с вами не пожелает и разговаривать...

Напомним нашим читателям (может быть, хоть здесь никто не обвинит нас в том, что списано и это): Николай Васильевич Гоголь скончался утром 21 февраля 1852 год в четверг, не дожив до своего 43-летия одного месяца. Сохранившаяся часть второго тома «Мёртвых душ» впервые появилась в печати в 1855 году в качестве дополнений ко второму собранию сочинений писателя. Если точнее, то они назывались так: «Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти.

Похождения Чичикова, или Мёртвые души. Поэма Н.В. Гоголя. Том второй (5 глав). Москва. Университетская типография, 1855».

Специалисты уверены, что уцелевшие от последнего сожжения главы второго тома принадлежат ко второй редакции поэмы, если первой считать тот текст, который Н.В. Гоголь сжёг ещё в 1845 году. Мы не исключаем, что достопочтенный наш читатель и без нас приобрёл своё мнение о том, почему рукопись погибла. А мы, как и прежде, пребываем в нескончаемом изумлении от того, что этот том был так немилосердно выхвачен из нашей литературной сокровищницы. Под данным фактом, якобы свершившимся, мы, тем не менее, ставим вопросительный знак. Пускай он всё-таки остаётся, хотя мы и отдаём себе отчёт в том, что наше собственное весьма наивное и легкомысленное «следствие» без каких-либо улик и доказательств на его существование (или отсутствие) не повлияет.

С тем, почему писатель избрал такой способ истребления рукописи – нам всё более-менее понятно. Шредеров типа «Экспресс» или «Офис кит» тогда, понятное дело, не было. Это неоспоримо. Ясно, что банальное уничтожение рукописи кухонным или перочинным ножом совсем нехудожественно и не поэтично, да и занятие это потребовало бы большей сосредоточенности на процессе, оно довольно нудное

и заняло бы достаточно много времени. Тут можно и одуматься, остановиться: зачем уничтожать? Чего совсем не скажешь об огне – бумага горит почти с той же стремительностью, с которой проносится в сознании разрушительная мысль.

Так мы считали и даже написали то, что вы только что прочли. Но потом всё же спросили о том, что думают на этот счёт наши друзья из Калужского музея-заповедника. Спросили и поняли: в то время Н.В. Гоголь писал на тряпичной бумаге, которая была гораздо плотнее нынешней, она была намного гигроскопичнее современной целлюлозной бумаги, и потому стопка её листов не могла гореть быстрее «разрушительной мысли». Так что участникам событий той ночи можно было бы вполне одуматься.

Как бы то ни было, огонь есть огонь, что в печке, что в камине... А вот с вопросом «почему сжёг» ясности, как мы уже все поняли, так ни у кого и не наступило. У гоголевского Рудого Панька, допустим, старуха какие-то страницы его творений использовала в качестве подложки под пироги. У писателя семьи не было, а стало быть, не было ни старухи, ни молодухи. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» автор пишет: «Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что

бы такое завернуть в неё». То есть даже на хуторе было её изобилие. У Гоголя все его вещи помещались в одном чемодане, заворачивать ему особенно-то было и нечего. О бумаге для самокруток в его текстах – тоже ни слова. Все курят люльки, а в кругу приятелей Чичикова – трубки. Большинство из тех современников Н.В. Гоголя, которые слышали главы второго тома «Мёртвых душ», отзывались о них восторженно. Уже поэтому нам всё-таки позволительно думать либо о случайности трагедии, либо об умопомрачении вследствие болезни автора. Версия о том, что качество текста не удовлетворяло Гоголя, бесспорной не выглядит, хотя и в этом есть риск «бесспорного» оскорбления выводов некоторых наших «правильных» гоголеведов.

Традиционно или, скажем так, обобщённо, – критика второго тома «Мёртвых душ» и взаправду сводилась к констатации отдельных творческих удач Гоголя или же его потрясающих неудач. Удач в изображении «отрицательной» стороны происходящего на его страницах и неудач в изображении «светлой» стороны случающегося, а также утверждениям того, что на смену великому поэту «пришёл» воспитатель, идеолог или нравоучитель. (Последнее звучало больше всего.) Одна из «бригад» знатоков больше всего сил затратила на

то, чтобы разложить на атомы «идеализацию» автором его литературных персон, остановиться на «ложной тенденции», «нехорошей струе» или «априорной цели» даже в самом замысле сюжета или найти изъяны в её различных редакциях и строках.

Все эти обвинения и подозрения по черновым рукописям можно было бы перечеркнуть тем, что их (черновики) по-хорошему без разрешения автора, попадись такая возможность, не то что вслюдно разбирать, но и читать было бы порядочным людям неловко. Ну, это если бы да кабы...

Из первого тома поэмы «Мёртвые души» нам известно, что Н.В. Гоголь имел намерения определить некоторым своим героям центровые места для «мужа, одарённого доблестями» и «чудной русской девицы». Такую задумку во втором томе поэмы он осуществил. Там же отчётливо проявилась и «поднялась» тема морально-нравственного обновления его «низких» литературных личностей или персонажей. Позднее в «Четырёх письмах к разным лицам по поводу «Мёртвых душ», а именно в письме четвёртом Н.В. Гоголя, не названным адресатом которого, без всякого сомнения, являлась А.О. Смирнова-Россет, основное содержание второго тома раскрывается более точно. Речь шла уже не только об изображении

«прекрасных характеров», но и об указании «путей и дорог» к «высокому и прекрасному», то есть именно к нравственному возрождению. Если это так, то, в чём же тогда можно искать «ложную тенденцию»? Наверное, не в том, что писатель встретил «свою» А.О. Смирнову-Россет? Или «свою» А.М. Виельгорскую. А они «своего» Николая Гоголя – не заметили? Действительно, могли ли в жизни этих дам с их запредельно высокими «я», о которых мы вам тоже расскажем, такие встречи считаться встречами со «своим» мужчиной? Мужчиной, отождествляющим собой стремление к повышению уровня духовного развития личности и с всевозрастающим обновлением общества? В этом мы пока ещё тоже совершенно не уверены... Так или иначе, но во втором томе поэмы «Мёртвые души» Н.В. Гоголь в полной мере выступает последовательным продолжателем тех же творческих тенденций, которых он придерживался в этом произведении и ранее.

Вместе с тем здесь он выстраивает и представляет нам новые линии некоторых мотивов и тем. И хотя утрата последней рукописи этого тома не позволяет нам утверждать что-либо с категоричной убеждённостью, но факт остаётся фактом: во втором томе провозглашается тема любви, которая занимает уже гораздо более заметное место, чем это случалось в его

произведениях ранее. Тут, пожалуй, впервые в его творчестве (исключая разве что «Вечера на хуторе близ Диканьки») чётко обозначается полноценный и вполне экстремальный любовный сюжет с традиционно непростым, но в основе своей всё же счастливым для влюблённых финалом.

Отличие здесь состоит лишь в том, что препятствием на пути влюблённых – Андрея Тентетникова и Уленьки Бетрищевой – выступает уже не какой-нибудь кривой сельский голова, хоть он и власть. И не Солоха, хоть она и ведьма. Да и не чёрт, которого здесь никто не видел, а государственная машина по надзору за благонадёжностью граждан и выявлению инакомыслия. Здесь уж, конечно, ничего не спишешь на какой-то «Экспресс», хоть он и шредер, или качество бумаги. Здесь нам уже придётся вспоминать даже о политике, хотя Н.В. Гоголь всегда сторонился этого важного, но неприятного для многих направления в деятельности государства.

Известно, что тема любви для писателя была весьма болезненной и отличалась от других тем некоторым своеобразием. Многие специалисты утверждают, что в жизни Гоголя не было страсти к женщине, а в его биографии действительно не выявлено обычных любовных романов. Но так сложилось не от недостатка

страстности, а скорее от её избытка. И в страсти, и в своих переживаниях Н.В. Гоголь мог идти только до предела. Перед ним всегда стоял соблазн «заглянуть в пропасть». Каждое чувство в нём грозило разгореться в такое пламя, которое могло бы в одно мгновение обратить его в прах. Это всё то же «томительно-страшное наслаждение», что и в его «Вие». Это чувство, которого Гоголь почему-то боится. Ему по-прежнему и всегда «дева светится сквозь воду, как будто бы сквозь стеклянную рубашку; уста чудно усмехаются, щёки пылают. Очи выманивают душу... она сгорела бы от любви, она зацеловала бы». Сгорел бы и он, как тот псарь Микита, который «сгорел, совсем сгорел сам собою».

Отметим, что во втором томе «Мёртвых душ» и любовный сюжет не лишён определённых особенностей в силу всё той же оригинальности его автора. Художник словно бы осторожничает в том, чтобы использовать всю мощь своей кисти и многоцветие красок для показа читателям и прекрасной девушки Уленьки, и её избранника Андрея, и счастливой пары влюблённых, и пламени их отношений. Выверяя каждое слово, каждую метафору, он во всём великолепии представляет нам своё высочайшее мастерство, неторопливо раскрывая характеры героев, словно бы вовлекая нас в дегуста-

цию выдержанного напитка. Юная Уленька, о которой мы стремимся написать более всего, у него выглядит совершенной максималисткой. И, да простит нас писатель и гоголеведы всея Руси, это девушка своей энергией слегка напоминает нам идеальную старшую пионервожатую из недавнего советского прошлого. (Заметим, что о советской пионерии автор поэмы ничего знать никак не мог.) Её возлюбленный Андрей Тентетников на страницах поэмы выступает далеко не идеальным юношей во всех оттенках даже не серого, а порой почти что дегтярного цвета. Тем не менее здесь молодым людям, как и в других произведениях Н.В. Гоголя, за счастье приходится бороться безо всякого участия каких-либо продвинутых педагогов и психологов, да и сами они серьёзно меняются, что в жизни, наполненной любовью, случается довольно часто.

Об этой истории мы тоже хотим поговорить, размышляя о втором томе «Мёртвых душ», и рассказать так, как мы это понимаем, что неизбежно ведёт к главному герою второго тома поэмы, к её автору – Николаю Васильевичу Гоголю. Пытаясь представить образы Уленьки Бетрищевой и Андрея Тентетникова, мы вынуждены опираться на те главы, подлинность которых, к сожалению, тоже не бесспорна, и на отрывочные воспоминания современников писателя,

которые нам удалось найти и осмыслить. Не удивляйтесь, но в значительной части наших рассуждений речь пойдёт и о тех страницах Н.В. Гоголя, которые им были уничтожены. Из текста писателя о помещике Тентетникове сведений в его строках сохранилось достаточно много. О девушке, его избраннице Уленьке, от Н.В. Гоголя до нашего времени долетело лишь несколько страниц его текста, где она заходит в кабинет отца, о чём-то высказывается, рассуждает или спорит. Примечательно, что в каждой строке об Уленьке и Тентетникове зримо или незримо присутствует автор поэмы, биография которого, как и любых других людей, имеет немало страниц, наполненных стремлением к обретению любви, семьи и счастья...

У литературоведов имеется немало свидетельств о прототипах литературных образов второго тома «Мёртвых душ». Так, например, в основе образа Уленьки многие гоголеведы очень часто и уверенно находят черты Анны Михайловны Виельгорской, с которой у Гоголя могли бы сложиться и семейные узы, но в силу определённых обстоятельств, и прежде всего социального неравенства, – не сложились. (К этому вопросу мы обязательно вернёмся.) Имя Уленька Гоголь пишет как «Улинька», о чём мы уже говорили, и впервые, с особым ударением на его русском характере, он упоминает

его в 1847 году в письме от 18 марта к супругам Данилевским: «...Моя добрая Юлия, или по-русски Улинька, что звучит ещё приятней». Значит ли это, что в той редакции второго тома поэмы, которая превратилась в пепел в 1845 году, героини с таким именем ещё не было? Мы этого не знаем, но помним, что «чудная русская девица» была обещана автором ещё в первом томе. Поэтому думаем и даже уверены в том, что она там уже была.

Возвращаясь к критикам, заметим, что в числе первых печатных откликов на второй том писателя была статья А.Ф. Писемского, где образу Уленьки отводилась оценка нелицеприятная. Некоторые другие критики тоже называют этот девичий образ «бледным», «схематичным» или «незавершённым». (Здесь нам совсем непонятно, как он может быть «завершённым» или ярким, если от второго тома остались «рожки да ножки»?) Подобная оценка может быть нам понятной только на фоне обозначившихся противоречий между реализмом Гоголя и его так называемыми реакционно-моралистическими идеями. При этом заметим, что такими «доблестями» писателя наделили всё те же критики, что отразилось на оценках и других героев второго тома «Мёртвых душ».

И ещё одно. Что значит их «нелицеприятная» оценка или высказывания о «бледности»

образа? Кто же Уленька: истеричка, избалованная фифа, распутная девица или глупая и невоспитанная девка? Когда мы читаем о ней, то ничего подобного не замечаем. Ни первого, ни второго, ни третьего – нет. Она из семьи генерала, и здесь можно было бы приплести (простите), что она даже мажорка. Но есть ли в ней хоть какая-то черта золотой молодёжи того времени, которая, наверное, и тогда чем-то выделялась? Да нет! Можно ли её сравнивать с нынешними it-girl или cosmo-girl? Нет! Стремится ли она к тому, чтобы «быть в тренде», подобно обитательницам, например, современной Рублёвки? Ответ тот же, да и «навигатор» Н.В. Гоголя в то время чаще всего прокладывал маршрут не по Рублёвке, а через Тверскую, а далее по Ленинградке, через Химки и в Петербург. На Рублёвку писатель не заезжал. Тогда в чём же дело? Может быть, внешние качества: на её щёчках недостаёт румянца, хоть и живёт на свежем воздухе, губы или грудь слабо накачаны или сарафана с кокошником нет?.. Разве что этого, может быть, кому-то и не хватило. А нам яснее ясного, что не хватает именно тех страниц, на которых Гоголь описал и раскрыл её образ.

Вам может показаться странным то, что до настоящего времени мы не привели вам ни одного слова о ней из числа написанных Гоголем Николаем Васильевичем. Отвечаем. Сделали

так потому, что хотели бы надеяться, что гоголевские строки о ней, а их совсем мало, вы будете читать с повышенным вниманием.

Загадочная главная героиня поэмы или страницы о ней получили от современников писателя немало самых различных суждений и оценок. Впрочем, то же получил и второй том «Мёртвых душ» или всё, что от него в целом осталось. Так, Аксаковы, например, безоговорочно приняли эту часть «Мёртвых душ». В.С. Аксакова 29 августа 1849 года писала М.Г. Карташевской, что «Гоголь всё тот же, и ещё выше и глубже во втором томе». Более конкретно высказался К.С. Аксаков, который, сообщая брату Ивану Сергеевичу о чтении Гоголем второй главы второго тома поэмы в январе 1850 года, писал: «Она для меня несравненно выше первой. Улинька, генерал, жизненные отношения и столкновения этих и других лиц не выходят у меня из головы. Чем дальше, тем лучше».

На И.С. Тургенева второй том «Мёртвых душ» также произвел сильное впечатление. Но в противоположность Аксаковым он смог заметить там другие его стороны. П.В. Анненкову 2 апреля 1853 года Тургенев писал: «Довелось мне слышать отрывки из первых двух глав продолжения «Мёртвых душ» – вещь удивительная, громадная – но что такое фантастический наставник Тентетникова – Александр Петрович – что за лицо – и какое его значение? Не нравится мне также Улинька: ложью – (виноват!) ложью несёт от неё – тою особенно неприятною ложью, которая с какой-то ***небрежной естественностью*** (выделено мною. – Г.Д.) становится перед вами в виде самой настоящей истины».

У Ивана Сергеевича, как видите, чуть ли не приговор: «небрежная естественность». Допустим, философ и политик Фрэнсис Бэкон писал, «если проявлять слишком большие старания в манерах, то они потеряют своё изящество, которое должно быть естественным и непринуждённым», а другой философ – Сенека – отмечал: «Что естественно, то не безобразно». Небрежность проще всего определить как отсутствие тщательности или старания. Давайте запомним и тургеневскую формулировку, быть может, вам она впоследствии покажется ещё ближе или, напротив, – неприемлемой, хоть материалы нашего поиска и достаточно бедны и заезжены, но даже это может оказаться забавным.

И вот что мы читаем у Андрея Белого («Мастерство Гоголя»). Он пишет так: «Отметив огромность влияния Гоголя на всю нашу литературу и перейдя к отметке влияния в тесном смысле, – видишь: Гоголь, мало влияя на Тургенева, – таки влиял в прямом смысле:

тургеневская разработка пейзажа – не что иное, как перекраска до фотографии общих линий его, прочерченных в «Мёртвых душах» (плюшкинский сад, ландшафт имения Тентетникова и т. д.); иные из типов Тургенева – трудолюбивая докраска мутных контуров «простокваши» второго тома «Мёртвых душ» (Хлобуев, Платонов, Тентетников); из контура Улиньки выпорхнула тургеневская героиня; тургеневская романтика (описание разметавшейся полупрозрачной Эллис из «Призраков») – прямое и обезвкушенное заимствование из «Вия» и «Майской ночи»; в фабуле «Песни торжествующей любви» явный след фабулы «Страшной мести».

Конечно, мы могли бы привести вам мнения и других уважаемых людей и «за», и «против» Гоголя, но уймёмся и на этом... И согласитесь, достаточно любопытно получается, если присоединиться к мнению Белого. Тургенев Гоголя «раскатывает» на чём свет стоит, и тут же сам радостно «сажает» на своё перо гоголевские идеи для своих произведений... Безусловно, все наши соображения кто-то сочтёт мелкотемьем. Да не осудит нас уважаемый читатель, если мы позволим себе иметь и своё мнение.

Имена совсем уж ультрасовременных гоголеведов мы здесь нарочно не приводим, чтоб при случае, если кто из них к автору этой брошюры прицепится, сказануть, что имелся в виду другой современный классик. Их у нас, как и лауреатов всех немыслимых премий, сейчас видимо-невидимо...

Один очень уважаемый нами литератор (И.П. Золотусский) пишет: «Как предвестники всей последующей русской литературы встают с этих страниц и грядущий Обломов (Тентетников), и Штольц (Костанжогло), и старец Зосима (схимник), и ***Улинька, давшая начало женщинам Тургенева и Толстого*** (выделено мною. – Г.Д.), и кающийся грешник (который станет центральной фигурой романов Достоевского), и прекрасный идеальный и беззащитный русский Дон Кихот, чьё единственное оружие слово, тот же Тентетников (которому Гоголь отдал много своего), и князь». И как с ним не согласиться?

Гоголевская поэма, кроме всего прочего, ещё и безупречный образец приключенческой литературы, самый что ни на есть экшн. Обо всех этих особенностях, как и о её героях, мы здесь и попытаемся пофантазировать. Для этого автору этих нефилософских строк в чём-то и придётся прикинуться писателем в попытках примерить на себя образ Чичикова Павла Ивановича. Тот ведь всегда играл роль врождённого неудачника, всеми обижаемого, будучи при этом хитрым стратегом и изощрённым пиар-

щиком. До него, конечно, не дотянуться, но попытка не пытка...

Для тех, кто Гоголя знает лучше, а их, увы, в результате победного марша по российским школам ЕГЭ больше не становится, наши рассуждения могут оказаться бесполезными. И вряд ли здесь нам в помощь то, что ЕГЭ по русскому языку сегодня пишут в обстановке, приближённой к спецоперации: с охраной, конвоем и камерами наблюдения. О блеске и нищете ЕГЭ люди старшего возраста, понятное дело, знают только по отзывам своих детей и внуков или по сообщениям в СМИ... Мы-то помним, как нам раньше говорили, что мёртвые души – это маниловы и прочие собакевичи. С наивностью детсадовских воспитанников мы в это всегда свято верили и думали, что так оно и есть. Наверное, нынешние школьники ровно так же думают и сегодня. Но то, что они думают, мы думаем из вежливости к ним. Вникните в ЕГЭ и поймёте, что наша вежливость не имеет границ. Так думать ни к чему...

А теперь, если вы глубокими знаниями, так же как и мы, не отягощены, читаем второй том «Мёртвых душ» вместе и одновременно вникаем в некоторые детали биографии Н.В. Гоголя, которая неразрывно связана с жизнью его литературных героев...

ГЛАВА II. СТРАДАНИЯ И СТРАХИ АНДРЕЯ ТЕНТЕТНИКОВА

Под косынкой радужных цветов

Вы не можете себе представить, как стремительно взлетает интерес к чему-либо незнаемому, когда вспоминается, что по соседству с вашим домом лучезарно сияет окнами и манит к себе вековыми тайнами филиал знаменитой Ленинки с диссертациями всех времён и народов России. И когда за окном вступают в свои права дождь или вьюга, а ты сидишь себе в уютном читальном зале, погрузившись в сладко творческий кураж, и думаешь: а не узнать ли чего-то этакого новенького, например, о Гоголе Николае Васильевиче? А то пишут тут о нём сейчас каким-то уж совсем унылым канцелярским языком, как, например, в первой главе нашей книжки.

И когда в твои руки наконец-то попадают монографии диссертаций или сами диссертации, лёгкая дрожь охватывает всю твою плоть и дух. Но ненадолго... Оказывается, что даже через 168 лет со дня смерти писателя «что-то»

из Гоголя пока ещё «не стало предметом специального исследования». Сразу же задумываешься, когда ж оно всё-таки станет этим «предметом»? Жуткое разочарование приходит, и сплошная обида охватывает нас за классика. После того, «что пока ещё не стало», ощущается явственный привкус горького сожаления, с которым так и хочется вступить в строгие дебаты или добавить горестное «эх»: «Эх, так и не стала предметом специального исследования эта проблема. Эх, времени у нас так и не нашлось на то, чтоб она «стала». Эх, куды ж мы теперь идём, и что же с нами будет-то, господа хорошие? Как страдал Гоголь при жизни, так и теперь мается, но уже с нами...»

Ладно, будем пытаться, чтобы сейчас, например, хоть одна проблема стала предметом: предметом одушевлённым, юным, красивым, дерзким и наивным, – невеста Андрея Тентетникова – Уленька. Без диссертаций и уже без библиотеки, но и без слёз, и без привкуса безнадёги...

К ней мы будем подбираться постепенно...

Многие наши читатели или телезрители давно уже привыкли к тому, что в самом конце современных мелодрам появляется мужчина, который блестяще решает накопившиеся у их героев проблемы. В жизни чаще всё происходит наоборот. И надо отметить, что Н.В. Гоголь, в какой уж раз, но снова предстаёт перед нами великолепным знатоком правды жизни, оставившим далеко позади многих даже современных сценаристов и продюсеров. Мужчина появляется в самом начале второго тома «Мёртвых душ», и с него-то как раз все завихрения сюжета и начинаются. Таким человеком перед читателями выступает Андрей Иванович Тентетников, помещик.

У каждого из нас, что вполне закономерно, может возникнуть вопрос: дескать, почему же мы обращаем свои взоры к этому помещику, а не к девушке, о которой так хотим рассказать? А вот почему! Во-первых, образ Уленьки Бетрищевой впервые в тексте второго тома поэмы появляется через призму её восприятия помещиком Тентетниковым. То есть девушку мы пока ещё не встречаем, не видим, но уже узнаём, что она есть и что о ней думает влюблённый в неё Андрей Иванович. Мало того, ещё до встречи с ней мы узнаём некоторые особенности, черты и качества, которыми её наделяет автор поэмы. Кроме того, мнение о ней начинает формироваться и у такого «инженера человеческих душ», каким является господин Чичиков. И это тоже становится нам известным благодаря Тентетникову. Всё это происходит, повторимся ещё раз, до появления «на сцене» самой Уленьки. Такие кудрявые пути изучения

литературной героини второго тома поэмы нами избраны в силу сложившихся обстоятельств.

Теперь можно остановиться и на них.

Следует заметить, что в те минуты, когда мы впервые встречаем этого молодого человека в тексте поэмы, помещик совершенно ничем выдающимся не блещет и нас не удивляет. Он только изумляет нас своей аномальной прокрастинацией, причём с самого начала знакомства с ним. Тентетников предпочитает лишь созерцать и предаваться пустопорожним мечтам о том, что бы ему можно было такое-этакое сделать. Поэтому всё своё время-препровождение он втискивает в воспетый в анекдотах диапазон: газета – кофе – сигарета. В его «созерцательной» светлице есть и диван, что позволяет легко припомнить на нём кого-то даже и из наших современников, например, но уже с планшетом, смартфоном и, естественно, перед телевизором. Словом, по первым страницам поэмы талантов у помещика и днём с огнём не найти, да и харизмы не обнаружить. Согласитесь, что такие люди каждому из нас когда-то встречались и до сих пор встречаются.

Естественно, что в тех краях, где Тентетникову посчастливилось жить и здравствовать, завоевать какой-либо авторитет у соседей он тоже не смог. «Генерал (будущий его тесть. – Г.Д.), проживавший в десяти верстах, говорил: «Молодой человек неглупый, но много забрал себе в голову. Я бы мог быть ему полезным, потому что у меня не без связей и в Петербурге, и даже при...» – генерал речи не оканчивал, – пишет Гоголь и продолжает. – Капитан-исправник давал такой оборот ответу: «А вот я завтра же к нему за недоимкой!» Мужик его деревни на вопрос о том, какой у них барин, ничего не отвечал. Стало быть, мненье о нём было неблагоприятное». Ранний Тентетников – это стопроцентный предшественник «лишних» людей, которых мы часто встречали в нашей уже послегоголевской литературе. В этом вы убедитесь и сами, когда теснее познакомитесь с Тентетниковым Андреем Ивановичем. Во втором томе «Мёртвых душ» людей этого типа двое. Второй «лишний» – Платон Платонов, он тоже из помещичьей семьи, но до рассказа о нём у нас очередь пока ещё не дошла.

Как эволюционировал Тентетников? На тех страницах, которые ему посвятил Н.В. Гоголь, в годы учёбы мы видим его как грамотного, воспитанного, энергичного молодого человека, стремящегося к знаниям, к карьере и к тому, чтобы принести пользу отечеству. Здесь Гоголь рассказывает нам о том времени, когда Андрей Иванович не только сам стремился к

знаниям, но и получал очень полезные уроки жизни от идеального педагога. (Мы уже упоминали этого педагога: его, если помните, сильно невзлюбил писатель И.С. Тургенев.) Тем не менее этот «необыкновенный» учитель юноши – Александр Петрович – сумел заложить в его душу именно стремление к знаниям, желание быть лучше и чувство собственного достоинства. И, как мы убеждаемся, Тентетников здесь действительно выглядит человеком «просвещённым», да и дворянство в этом случае предстаёт перед нами теперь уже, пожалуй, в более приятном или, скажем так, обновлённом виде.

После завершения учёбы и не без протекции своего дяди-чиновника Тентетников устроился в один из столичных «департаментов», где столкнулся с самыми несимпатичными сторонами чиновничьего ремесла. Он не захотел и не смог мириться с царившими там порядками, которые лучше назвать беспорядками: с унижениями, бестолковщиной, культом чинопочитания и бюрократизма, – а потому вскоре вышел в отставку, причём тоже не без скандала. Как видите, в этом литературном герое и здесь какого-либо героизма чего-то уж совсем не видно, как и ни одного подвига за спиной, хотя свой характер на госслужбе он уже показал. Андрей Иванович – типичный либерал, но

сейчас мы и без него в курсе дела, что либералы всегда в курсе дела, как подвиги готовятся и совершаются, хотя руки у них до этих самых подвигов, как правило, никогда не доходят.

Вскоре мы знакомимся с молодым помещиком более детально, но он уже в своей родной деревеньке, где выступает в качестве совершенно некомпетентного и бездарного руководителя. Здесь мы уже вглядываемся в него как в исключительно бездеятельную и ту ленивую натуру, о которой уже в этой главе упоминали. Так на начальном этапе аграрно-управленческой «деятельности» Андрея Ивановича озаряет идея посвятить себя «улучшению участи вверенных людей» – своих крепостных. Он тут же произвёл ряд либеральных реформ – убавил барщину, «прибавил времени мужику», выгнал дурака управляющего. Вскоре оказалось, что все эти меры успеха ему не приносят, и наступает период буйного «расцвета» полного развала его хозяйствования. Вполне ожидаемо, что в результате реформ Тентетников опустился практически до того самого уровня, на котором в первом томе «Мёртвых душ» «процветал» и блаженствовал, надеемся, известный каждому из наших читателей и читательниц господин Манилов, помещик, муж Лизаньки, отец Алкида и Фемистоклюса. Последнее сообщаем только для того, чтоб вы не спутали его с

кем-то из его знаменитых однофамильцев, поскольку имени-отчества этого помещика Гоголь Н.В. нам в первом томе так и не сообщил.

Писатель относит Тентетникова к «семейству тех людей, которые на Руси не переводятся, которым прежде имена были: увальни, лежебоки, байбаки и которых теперь, право, не знаю, как назвать», – пишет он. Данную характеристику Андрею Тентетникову мы чуть было не начали беспощадно редактировать, заметив, что местоимение «который» в предыдущем предложении употребляется трижды, но вовремя спохватились, поняв, что оно из текста поэмы самого писателя Н.В. Гоголя, а не от соображений нашего ума непомерного... Недаром многие наши литературоведы заметили, что Николай Васильевич умел написать так, что его слова отчеканятся в памяти на веки вечные. Казалось бы, и здесь, как просто сказано и даже чуток не очень хорошо, а в памяти все эти «байбаки» у нас – навсегда.

Пока что мы не будем увлекаться воспоминаниями о других действующих лицах из первого тома «Мёртвых душ», хотя каждому понятно, что там «живёт» немало и других всяческих моральных уродцев, инвалидов по части нравственности и других калек, чудом выживших после ампутации обязательных

для порядочных людей человеческих начал и качеств. А вот без Чичикова Павла Ивановича нам здесь уже никак не обойтись, потому что он по страницам второго тома шагает так же уверенно, как и ранее. Впрочем, преждевременно восхищаться его навыками, и аплодировать ему пока что тоже не будем, как и расстраиваться из-за его новых афер. Чичиков и без нашего участия неплохо уже и опоэтизирован, и воспет тоже.

Помещик Андрей Тентетников почти что с самого начала повествования выступает не положительным героем, а, как можно было бы сказать, «героем недостатков» или типичным выразителем пустого небокоптительства. Он молод и, может быть, уже потому чего-то в жизни не понимает, однако даже и то, что он уже понимает, у него не вызывает никакого стремления изменить жизнь к лучшему. Всё, что с ним происходит, выглядит забавно, но с доблестью и авторитетом нормального человека оно совершенно не в ладах. Это видит и крепостной «человек» Михайло, терпеливо выполняющий потешные прихоти своего барина, и развращённая праздностью дворня, да и весь повседневный уклад крепостного хозяйства способствует тому, чтобы их руководителю не напрягаться ни умственно, ни физически. Н.В. Гоголь далёк от того, чтобы Тентетникова

в чём-то приукрасить. Напротив, он с колючей иронией рассказывает нам обо всех его промашках, а потом ещё и останавливается на его «колоссальном предприятии», на его затее написания сочинения, «долженствовавшего обнять всю Россию со всех точек – с гражданской, политической, религиозной, философической... которое, впрочем, ограничивалось одним обдумыванием».

Следует коротко заметить, что ещё в годы петербургского служения царю и отечеству этот юноша как-то ненароком, а может быть, и по глупости своей сдружился с участниками кружка «огорчённых людей», что, наверное, уже тогда сподвигло его на какие-то искания, а позднее ещё и аукнулось неприятностями. Теперь же «обнять Россию со всех точек» помещику не удалось, а обдумывание – ни к чему не привело. Рукопись не заладилась, рвения не хватило. Н.В. Гоголь тонко и изящно высмеивает образовавшуюся в тот период либерально-помещичью идиллию, демонстрируя нам, как из помещика-«реформатора» постепенно поднимается и крепнет именно «байбак» и «коптитель неба». (Кстати, С.И. Ожегов в своём словаре для нас сообщает, что байбак – это «неповоротливый, ленивый человек».) Как видите, как раз таким и оказался этот гоголевский литературный герой.

А.И. Тентетников, как и Платон Платонов, которого мы мимолётно ещё встретим, но чуть позднее, по мнению Н.В. Гоголя, пребывает в «душевной спячке». Для пробуждения у таких людей положительного начала, которым они оба, несомненно, обладают – требуется внешний толчок. Однако в сложившихся условиях из всех их либерально-помещичьих затей, как мы поняли, поначалу ничего путного не получалось: дело не дошло у них даже до осмысления «дорожных карт» предполагаемых действий. Поэтому Тентетников очень скоро остыл к своим новациям, чем писатель подчеркнул ту пропасть, что проходила между помещиками и крестьянами. Конечно, Тентетников в чём-то отличается от приятного во всех отношениях блондина Манилова, хотя они напоминают нам друг друга многим, включая даже их запредельную никотиновую зависимость. И заметим, что в характеристике Андрея Ивановича писатель не выделяет гротескно комических его черт, а наоборот, сопровождает описание помещика лирическими включениями от автора и строками, раскрывающими внутренний мир совсем не глупого человека.

Скорее всего, сейчас вы снова подумали, что эти рассуждения уводят нас от темы куда-то в сторону. Дескать, при чём здесь всё это? От-

нюдь. Очень даже при чём... Логика размышлений Н.В. Гоголя ведёт нас не только по страницам его текста, но и по закоулкам человеческих заблуждений и догм. И мы не будем здесь притворяться, будто бы точно знаем ответы на все те вопросы, которые автор поставил или хотел поставить во втором томе поэмы. (Мы уже не говорим о тех её главах, которые им были сформулированы, написаны, а затем сожжены.) Как бы то ни было, скучно и тоскливо молодому помещику в собственной деревеньке, но его тихая, бесцельная и бездеятельная жизнь в один из таких унылых дней была смертельно разрушена... Как же такое могло произойти в оазисе умиротворённости, безмятежности и покоя?

Прочтём. «В воротах показались кони, точь-в-точь, как лепят иль рисуют их на триумфальных воротах: морда направо, морда налево, морда посередине, – пишет Гоголь. – Свыше их, на козлах кучер и лакей, в широком сертуке, опоясавший себя носовым платком. За ними господин в картузе и шинели, закутанный в косынку радужных цветов. Когда экипаж изворотился перед крыльцом, оказалось, что был он не что другое, как рессорная лёгкая бричка. Господин необыкновенно приличной наружности соскочил на крыльцо с быстротой и ловкостью почти военного человека».

Так мы узнаём, что на этих страницах Н.В. Гоголя снова объявился неутомимый комбинатор Павел Иванович Чичиков. Далее узнаём, что в этот раз:«Андрей Иванович струсил. Он принял его за чиновника от правительства». Отвлечёмся лишь на одну минуточку от текста поэмы и заметим, что даже сейчас о всяческих страхах, вызванных всего лишь словами Н.В. Гоголя, пишут наши современники с некоторым ознобом в строках. Вот вам недавний примерчик, он взят из современной театральной жизни: «Авторам спектакля «Мёртвые души» Свердловского театра музыкальной комедии удалось создать спектакль в жанре «Лайт-опера». Жанровое обозначение: гоголь-моголь. Он адекватный уровню гоголевского замысла и придаёт сюжетной коллизии современное звучание. Потому что сегодня как никогда ***самые безумные пророчества русских классиков*** (выделено мною. – Г.Д.) от Гоголя до Достоевского становятся обыденной реальностью».

Так пишут наши современники. И было бы нам интересно узнать, о каких пророчествах подумали вы сейчас? Страшно представить. Но мы удержались от дурных мыслей, вспомнили только хорошее, а значит, только о дураках и дорогах вспомнили, подумали, что Андрей Иванович уже от этого струсил: дороги – пло-

хие, дураков – много. Потом ещё подумали и всё же решили сообщить вам далее, что думал всё-таки Гоголь о причине страха господина Тентетникова.

История неразумного дела

Мы часто цитируем Н.В. Гоголя. Вот и здесь, как и в последующем, не сможем отказать в удовольствии и себе, и (надеемся) вам – читателям – в том, чтобы продолжить о нашем герое и напомнить вам следующие превосходные строки Николая Васильевича из второго тома поэмы после повтора вопроса: что же всё-таки так испугало Андрея Ивановича?

«Надобно сказать, что в молодости своей он (Тентетников. – Г.Д.) был замешан в одно неразумное дело, – пишет Н.В. Гоголь. – Два философа из гусар, начитавшиеся всяких брошюр, да не докончивший учебного курса эстетик, да промотавшийся игрок затеяли какое-то филантропическое общество, под верховным распоряженьем старого плута и тоже карточного игрока, но красноречивейшего человека. Общество было устроено с обширною целью – доставитъ прочное счастъе всему человечеству от берегов Темзы до Камчатки. Касса денег потребовалась огромная; пожертвования собирались с великодушных членов неимоверные. Куды это всё пошло – знал об этом только один верховный распорядитель. В общество это затянули его два приятеля, принадлежащие к классу огорчённых людей, добрые люди, но которые от частых тостов во имя науки, просвещенья и будущих одолжений человечеству сделались потом формальными пьяницами. Тентетников скоро спохватился и выбыл из этого круга. Но общество успело уже запутаться в каких-то других действиях, даже не совсем приличных дворянину, что потом завязались дела и с полицией... а потому не мудрено, что и вышедши, и разорвавши всякие сношения с ними, Тентетников не мог, однако же, оставаться покоен. На совести у него было не совсем ловко».

Здесь мы позволим себе отметить, что даже «огорчённые люди» у Гоголя – «добрые люди», и он пытается как-то понять причины, сделавшие их «огорчёнными». А мы пока что соображаем и думаем, что это, скорее всего, особый тип людей, для которых недовольство всем и вся (кроме них самих) стало смыслом их жизни. Так оно и оказалось: «Это были те беспокойно-странные характеры, которые не могут переносить неравнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется в их глазах несправедливостью. – Пи-

шет Гоголь. – Добрые поначалу, но беспорядочные сами в своих действиях, требуя к себе снисхождения и в то же время исполненные нетерпимости к другим, они подействовали на него (Тентетникова. – Г.Д.) сильно и пылкой речью, и образом благородного негодования противу общества. Разбудивши в нём нервы и дух раздражительности, они заставили замечать все те мелочи, на которые он прежде и не думал обращать внимания. Фёдор Фёдорович Леницын, начальник одного из отделений, помещавшихся в великолепных залах, вдруг ему (Тентетникову. – Г.Д.) не понравился. Он стал отыскивать в нём бездну недостатков».

(Последняя фраза и следующий далее абзац возвращают нас к тому моменту, когда Андрей Иванович, будучи ещё в столице, поскандалил со своим начальником и тем самым поставил крест на госслужбе.)

Всё это привело Тентетникова к осознанию своего превосходства над своим начальником Леницыным. «Какой-то злой дух толкал его сделать что-нибудь неприятное Фёдору Фёдоровичу. Он на то наискивался с каким-то особым наслаждением и в том успел. Раз поговорил он с ним до того крупно, что ему объявлено было от начальства – либо просить извинения, либо выходить в отставку. Дядя, действительный статский советник (определивший

Тентетникова на службу. – Г.Д.), приехал к нему перепуганный и умоляющий: «Ради самого Христа! Помилуй, Андрей Иванович, что это ты делаешь?.. Помилуй, что ты? Ведь если на это глядеть, тогда и в службе никто бы не остался. Образумься, отринь гордость, самолюбие, поезжай и объяснись с ним!»

Гордыня, как известно, тоже подарок дьявола. Другие «огорчённые люди» из-за неё стали создавать тайные общества, печатать прокламации, а то и стрелять в царя. Счастье Тентетникова, что до этого он не додумался, а удалился в своё имение и остывал уже там.

Что же касается «филантропического общества», то у Гоголя сказано, что его члены собрались доставить прочное счастье человечеству «от Темзы до Камчатки».

Почему Темза? И почему Камчатка?

На Темзе стоит Лондон. В Лондоне вскоре окажется один из «огорчённых» (по терминологии Гоголя) А.И. Герцен, которого мы привыкли ценить за его идеи, за его литературные сочинения, за его знаменитый «Колокол», издаваемый за деньги Джеймса Ротшильда, что ему, как пишут, совершенно не мешало любить и Россию, и вино, и женщин. В 1851 году он опубликует брошюру «О развитии революционных идей в России», в которой причислит автора «Мёртвых душ» к оппозиционерам монархии.

«Революционные идеи» и Гоголь? «Дух раздражительности», «негодование противу общества» и Гоголь? И это говорится человеком, который ещё недавно писал: «Талант его всё тот же, но Гоголь нежен, человечен, полон любви». Встречаясь в 1851 году с А.И. Тургеневым, Н.В. Гоголь скажет, что «не может понять, почему в прежних его сочинениях некоторые люди находят какую-то оппозицию». Был ли дух оппозиции в приведённых нами строках Гоголя или его там не было – каждый из читателей волен думать то, что он думает.

Из истории мы знаем, что на Темзу, в Лондон в 1849 году переберётся из Парижа и Карл Маркс, и столица Англии сделается центром мирового социализма. А «Камчатка», помеченная в одном ряду с Темзой, может означать лишь одно: революционные прожекты Маркса и его друзей распространяются и на Россию. А Камчатка – конечная точка на востоке Российской империи. Всё это очень детально и аргументированно анализирует и разъясняет нам И.П. Золотусский, к комментариям из книги которого «Я человек, ваше сиятельство» мы здесь постоянно обращаемся, пересказываем их, списываем у него, а структуру размышлений и главные выводы от Игоря Петровича берём целиком.

Здесь возникает необходимость всё же напомнить вам о кружке Петрашевского. Перечисляя тех, кто состоял в «филантропическом обществе», Н.В. Гоголь называет двух гусар да недоучившегося эстетика. В кружке Петрашевского действительно состоял бывший гусар. Что же касается «не докончившего учебного курса эстетика», то это понятный намёк на В.Г. Белинского (в 1832 году тот был исключён из МГУ), который к тому времени или в конце сороковых годов разошёлся с Гоголем во взглядах на действительность и провозгласил: «Социальность, социальность – или смерть!»

Намеченный автором во втором томе поэмы арест Тентетникова и его ссылка в Сибирь, от которой молодого человека просит освободить Муразов, близки по времени к аресту петрашевцев (их судили в 1849 году) и к истории с Кирилло-Мефодиевским братством, ставившим целью отделение Украины от России. (Напомним, что Уленька Бетрищева вместе со своим избранником Тентетниковым, что нам известно по свидетельствам современников писателя, в Сибирь поехала тоже.)

В декабре 1847 года, узнав о деле украинофилов (в Киеве было раскрыто Кирилло-Мефодиевское братство), Н.В. Гоголь возмущённо писал: «Я питаю личную вражду к такого рода либералам... Своими дерзкими глупостями они раздражают правительство, делают его подозрительным, готовым видеть бунт там, где

нет ничего ровно, и вызывают меры крутые и гибельные для литературы. Литература ставится Белинским выше глупого либерализма, ибо в ней заключена полная истина. Её вера отличается от той, какою питается либерализм: последний всё хочет «видеть не так, как оно есть на самом деле, а так, как нам хочется и нужно...»

В период работы Гоголя над окончанием второго тома вопрос о тайных обществах, приутихший было после расправы над декабристами 1825 года, усиливается. За кирилло-мефодиевцами, как мы уже сказали, следуют петрашевцы. Их арестовали в апреле 1849 года, а 18 мая А.О. Смирнова писала Н.В. Гоголю, что «над ними производится суд». Возглавлял это общество титулярный советник М.В. Буташевич-Петрашевский, но, что больше прочего поразило Гоголя, состоял в нём и писатель, автор романа «Бедные люди» Фёдор Достоевский. Его прочили не только в ученики Гоголя, но и в его наследники. Роман Достоевского Гоголь прочитал, или «перелистнул», как он осторожно признался в одном из писем. Но и этого было достаточно для того, чтобы понять, что на Руси появился ещё один великий писатель. К сему добавим, что в декабре 1849 года суд вынес приговор: «...отставного инженер-поручика Достоевского за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского... подвергнуть смертной казни расстрелянием». К счастью, позднее казнь заменили каторгой.

Сделаем вывод: рассказ о «филантропическом обществе» является прямым откликом Н.В. Гоголя на события, происходившие после 1847 года и революций 1847–1849 годов в Европе. В январе 1848-го Н.В. Гоголь пишет отцу Матвею Константиновскому, которого вы уже знаете: «Из Неаполя меня выгнали раньше, чем я полагал, разные политические смуты и бестолковщина». Он чувствует себя «посреди потрясающей бестолковщины», «у всякого ночь и тьма вокруг». В декабре 1849 года: «Здесь все, и молодёжь, и старость, до того запутались в понятиях... Одни в полном невежестве дожёвывают европейские уже выплюнутые жваки. Другие изблёвывают своё собственное несварёное. Редкие, очень редкие слышат и ценят то, что, в самом деле, составляет нашу силу».

Эпитет «огорчённые» в отношении членов филантропического общества звучит снисходительно иронически, но опасность опьянения социалистическими теориями (у петрашевцев – теорией Фурье) уже осознана автором «Мёртвых душ». Слишком хорошо Н.В. Гоголь знает Запад, чтоб сочувствовать этому порождению европейской цивилиза-

ции. Он сопоставляет её с цивилизацией русской, для которой религия долга выше религии свободы. «Нынешнее поколение, – пишет Гоголь Жуковскому, – обмороченное политическими брожениями». Его надо «засадить... за чтение светлое и успокаивающее душу».

Генерал-губернатор в речи перед чиновниками (это тоже во втором томе) касается будущего их детей, которых «европейское» просвещение вряд ли доведёт до добра. Его апологеты могут «последовать за первым крикуном, за первой необдуманной брошюрой», пишет он.

Это предупреждение слово в слово повторяет ответ Гоголя В.Г. Белинскому в 1847 году: «Нужно сызнова прочитать с размышленьем всю историю человечества в источниках, а не в нынешних лёгких брошюрах, написанных бог весть кем». Кстати сказать, и «Коммунистический манифест» (1848) был издан в виде брошюры исключительно для того, чтобы его легче было распространять.

Гоголь говорит о «невежестве, блещущем» у Белинского «на каждой странице», о «малом запасе сведений», с которым нельзя толковать о великих вещах, «о лёгком журнальном образовании», о «занятиях лёгкими журнальными статейками» или «всегдашних занятьях фельетонными статьями», о том, что «журнальные

занятья выветривают душу», и заканчивает призывом: «Начните сызнова ученье», «вы учились кое-как (видимо, здесь имеется в виду его отчисление из МГУ по неуспеваемости, хотя на самом деле по состоянию здоровья), и вознаградите это чтеньем больших сочинений, а не современных брошюр, писанных разгорячённым умом, совращающим с прямого взгляда».

Второй том создавался под впечатлением от всех этих споров. «Мутное время» – называет конец сороковых годов Н.В. Гоголь. «Соединяются только проповедники разрушенья». «Человечество нынешнего века свихнуло с пути только оттого, что вообразило, будто нужно работать на себя, не для Бога». «Время опасно, все шаги наши опасны», «никто не в силах вынесть страшной тоски этого рокового переходного времени», «...до сих пор ещё не догадались, что следует призвать Того, Кто Один строитель порядка!»

Всё это – из писем 1848–1849 годов.

Гоголь надеется, что «это мгновенное общее опьянение века» (пьянство членов «филантропического общества» не столько пьянство в прямом смысле, сколько опьянение идеями), но век не внемлет предостережениям «отходящих людей», как называет он себя и В.А. Жуковского. В России наступило новое время, и то, что происходит в душах людей, уже не может не

повлиять на общество. Уже собираются кружки и партии, где читают Фурье и Сен-Симона, прозревает молодой автор «Бедных людей» Ф.М. Достоевский, который пока ещё не знает, что его ожидает. Герцен, который через несколько лет опубликует в «Полярной звезде» переписку Гоголя и Белинского, размышляет об издании вольного русского журнала.

Гоголь это понял раньше Белинского. Но вовремя поняли это и объединили их как врагов, как разносчиков духа критики и отрицанья те, которым этот дух угрожал. В 1848 году один из экспертов Третьего отделения по литературе доносил в это учреждение: «Белинский и его последователи... нисколько не имеют в виду коммунизма, но в их сочинениях есть что-то, похожее на коммунизм». Белинский «не признаёт никаких достоинств ни в Ломоносове, ни в Державине, ни в Карамзине, ни в Жуковском, ни во всех прочих литераторах, восхищается произведеньями одного Гоголя, которого писатели натуральной школы считают своим главою... Превознося одного Гоголя... они хвалят только те сочинения, в которых описываются пьяницы, развратники, порочные и отвратительные люди, и сами пишут в этом же роде. Такое направление имеет свою вредную сторону, ибо в народе... могут усилиться дурные привычки и даже дурные мысли...»

Мы уже упоминали о карательных санкциях в отношении Достоевского, а здесь скажем о том, что одним лишь Фёдором Михайловичем дело, конечно, не обошлось. В эти же годы репрессиям был подвергнут публицист и философ Ю.Ф. Самарин. Он напечатал в газете отчёт о своей поездке по остзейским губерниям, куда вошли и некоторые самостоятельные мысли о состоянии государственного механизма. Возможно, это не совсем точно, но на встрече самодержца с Самариным произошёл примерно такой диалог. «Знаешь ли ты, что могло произвести твоё сочинение?» – спросил царь. – «Нет, ваше величество». – «Новое четырнадцатое декабря», – сказал Николай. Четырнадцатое декабря ему мерещилось всюду: и в университетах, где чересчур увлекались преподаванием философии (последовало указание: сократить), и в переводах с иностранного (профессор Московского университета О.М. Бодянский, земляк и знакомый Гоголя, за напечатание в редактируемом им журнале сочинения историка Флетчера «О государстве русском» был отстранён от должности), и, наконец, в частной переписке. Вскрывши переписку И.С. Аксакова, Третье отделение решило, что и его пора взять под арест. Младшего сына Сергея Тимофеевича (и его очень хорошо знал Гоголь) заподозрили в намере-

нии установить отношения с панславистами на Западе. И.С. Аксакова заставили письменно отвечать на вопросы царя. «По вежливому приглашению» Дубельта, как пишет П.В. Анненков, он должен был изложить свои взгляды на современное положение России. Записка была составлена. Николай прочел её и сказал шефу жандармов графу А.Ф. Орлову: «Прочти и вразуми». «Вразумлённый» И.С. Аксаков отправился служить в Ярославль (то была ссылка), ещё ранее выехал в Симбирск Ю.Ф. Самарин. Это было поколение русской интеллигенции, воспитанной уже Гоголем. С Самарина и таких, как он, Гоголь и писал своего Тентетникова. Мог ли он не волноваться волнениями этих людей? Вряд ли...

Родство настроения Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» и во втором томе поэмы очевидно. И здесь и там слышна тревога о том, что грёзы «огорчённых людей» могут превратиться во взрывы бомб и выстрелы.

Конечно, Чичиков об этом никогда не задумывается, но как человек, перебравшийся в сороковые годы, он становится свидетелем дебатов о будущем России. Но ему-то Россия зачем? У неукротимого льстеца с тонкой деликатностью и неисправимо жульнической репутацией все интересы за пределы реального сектора экономики никогда не выходили. А вот Тентетникову забыть об этом было невозможно. «А потому не мудрено, – пишет Н.В. Гоголь», – что, и вышедши и разорвавши всякие сношения с ними, Тентетников не мог, однако же, оставаться покоен. На совести у него было не совсем ловко. Не без страха глядел он и теперь на растворявшуюся дверь...»

Мы к тому, что на сцене не просто так появляется «господин в картузе и шинели, закутанный в косынку радужных цветов». Чичиков – это деятельная фигура, и понятно, что она будет генерировать. Как, когда, в чьих интересах – не знаем, а потому будем читать дальше...

А здесь уже «что-то похожее на любовь»

Уже в наше время замечательный философ, культуролог и литературовед Г.Д. Гачев с убеждением утверждал, что в русской литературе XIX века чаще всего изображалась любовь платоническая, трагическая, несбывшаяся и что именно такой она чаще всего и бывает. Если принять его точку зрения и рассматривать её относительно стержневой фигуры поэмы «Мёртвые души» Чичикова П.И., то имело бы смысл заметить, что он прав. Этот драматический или даже трагический, но совершенно не комический, как некоторые считают, пер-

сонаж заполнен до самого предела страданиями своей одинокой души. Скорее всего, именно таким его представлял себе и Гоголь. Ведь это он открывал нам душевные терзания главного героя произведения, понимающего и ощущающего быстротечность времени, его безвозвратность, сжатость жизненного цикла человека, который даже за столь короткое время способен многое в жизни успеть и сделать. Ведь Николай Васильевич тоже страдал, страдал и молился, страдал и каялся многие годы.

У Чичикова абсолютно точно прослеживается его постоянная неудовлетворённость не только собственным материальным положением, но и своей холостяцкой жизнью. Павел Иванович очень хорошо понимает жизнь. Бесконечно мотаясь по России «по своим надобностям» в поисках своих оригинальных инвестиций, он видит, что жизнь неудержимо проходит. «Коллекционер» мёртвых душ постоянно думает о том, как преодолеть те препятствия, которые мешают ему достичь полноты и комфорта земного существования.

Если вы над этим вопросом пока ещё не задумывались, то обратите внимание на то, что подобного рода идеи Чичикова открывают нам строки автора о его мыслях. Здесь мы подчеркнём и общее: во втором томе поэмы Па-

вел Иванович Чичиков заметно «постарел» и смотрит на оставшиеся ему годы как на «вечер жизни». Он много ходит пешком, подолгу живёт в гостях, по поручению хозяев ездит с визитами, всех знакомит между собой, при этом оставаясь совершенно одиноким.

«Не раз, посреди таких прогулок (а теперь уже они происходят в имении помещика Тентетникова. – Г.Д.), приходило ему на мысль сделаться когда-нибудь самому, т. е., разумеется, не теперь, но после, когда обделается главное дело, и будут средства в руках, – сделаться самому мирным владельцем подобного поместья, – пишет Н.В. Гоголь. – Тут, разумеется, сейчас представлялась ему даже и молодая, свежая, белолицая бабёнка, из купеческого или другого богатого сословия, которая бы даже знала и музыку. Представлялось ему и молодое поколение, долженствовавшее увековечить фамилью Чичиковых: резвунчик мальчишка и красавица дочка, или даже два мальчугана, две и даже три девчонки, чтобы было всем известно, что он действительно жил и существовал, а не то, что прошёл какой-нибудь тенью или призраком по земле, – чтобы не было стыдно и перед отечеством. Тогда ему начинало представляться даже и то, что недурно бы и к чину некоторое прибавление: статский советник, например, чин почтенный и уважительный...

Мало ли чего не приходит в ум во время прогулок человеку, что так часто уносит человека от скучной настоящей минуты, теребит, дразнит, шевелит воображенье и бывает ему любо даже тогда, когда уверен он сам, что это никогда не сбудется».

Следует также заметить, что по аллеям, дорожкам, тротуарам и прочим тропинкам помещика Тентетникова Павел Иванович Чичиков не просто гулял. Так он набирался сил для своих новых проектов, и происходило это как раз в то время, когда у Андрея Тентетникова, мягко скажем, дела обстояли неважно. Хотя и в его положении было чем заняться, чем заинтересоваться, к чему приложить руки, как расти и развиваться, в чём отыскать себе реальное дело, как тот же Чичиков, например. Но нет! Тентетников целыми днями состоял в сильных грустях и волнениях, потеряв всякий интерес к жизни и безрадостно проходящим дням, он совсем поник и упал духом. Обманутые надежды в настоящем постоянно заставляли его искать ошибки и промахи в прошлом.

Что же его так лишало покоя? Генерал, проживавший по соседству, разъясняет нам Н.В. Гоголь, «***…имел дочь, существо дотоле невиданное, странное.*** (Здесь и далее выделено мною. – Г.Д.) Оно <было> что-то ***живое, как сама жизнь.*** Имя ей было Улинька. Воспиталась она как-то странно. Её учила англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она ещё в детстве. Отцу было некогда. Впрочем, любя дочь до безумия, он мог только избаловать её. Как в ребёнке, возросшем на свободе, ***в ней было всё своенравно***». Андрей Тентетников однажды познакомился с этой девушкой, не раз виделся с нею, и стала она для него целью всех его жизненных устремлений и объектом восхищения, радости и надежд...

Уленька юношу очаровала. Наверное, он не мог не обнаружить в девушке её благонравия, честности, красоты и искренности. Наверное, ещё что-то привлекательное он в ней заметил, и она оказалась именно той, о которой молодой человек грезил в своих юношеских фантазиях во снах и наяву. К чему же привело его увлечение генеральской дочерью? Мы всё ближе и ближе к Уленьке, к тому литературному образу, который, по мнению многих критиков, Н.В. Гоголю совершенно не удался. (И слава богу, что в те дни господин Тентетников не знал мнения наших критиков о девушке Уленьке, с чем ему тогда очень сильно повезло.)

«Одно обстоятельство чуть было не разбудило его, – пишет Гоголь о Тентетникове, – чуть было не произвело переворота в его характере. Случилось что-то похожее на любовь». «Трудно

было сказать, какой земли она была уроженка. ***Такого чистого, благородного очертанья лица нельзя было отыскать нигде, кроме разве только на одних древних камейках»,*** – продолжает Н.В. Гоголь уже о девушке.

Возьмём ещё один из немногочисленных фрагментов текста, где писатель размышляет об Уленьке: «***Ни перед кем не побоялась бы она обнаружить своих мыслей, и никакая сила не могла бы её заставить молчать, когда ей хотелось говорить. Её очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка была до того бестрепетно-свободна, что всё ей уступало бы невольно дорогу. При ней как-то смущался недобрый человек и немел; самый развязный и бойкий на слова не находил с нею слова и терялся, а застенчивый мог разговориться с нею, как никогда в жизни своей ни с кем, и с первых минут разговора ему уже казалось, что где-то и когда-то он знал её и как бы эти самые черты её ему где-то уже виделись, что случилось это во дни какого-то незапамятного младенчества, в каком-то родном доме, весёлым вечером, при радостных играх детской толпы, и надолго после того становился ему скучным разумный возраст человека».***

И теперь, после этих слов писателя, нам становится ещё понятнее душевное состояние помещика Андрея Ивановича. Ведь девушек столь нежного возраста в семьях чаще всего приходилось настойчиво учить быть искренними, чувственными, решительными, честными, но её, Уленьку, кажется и этому учить не требовалось. Она уже теперь выступает не по годам энергичным и зрелым человеком. «Неизъяснимое новое чувство, – пишет Н.В. Гоголь о помещике Тентетникове, – вошло к нему в душу. Скучная жизнь его на мгновенье озарилась».

И как же нам здесь не вспомнить ту короткую и лаконичную фразу, которую Николай Гоголь написал в 22-летнем возрасте в своей первой публикации «Женщина»: «Мы зреем и совершенствуемся; но, когда? когда глубже и совершеннее постигаем женщину». А разве можно забыть безудержное перо писателя, когда он рисовал свою Аннунциату: «Попробуй взглянуть на молнию, когда, раскроивши чёрные, как уголь, тучи, нестерпимо затрепещет она целым потоком блеска: таковы очи у албанки Аннунциаты... Как ни поворотит она сияющий снег своего лица – образ её весь отпечатлелся в сердце... Обратится ли затылком с подобранными кверху чудесными волосами, показав сверкающую шею и красоту невиданных землёю плеч, – и там она чудо. Но чудеснее всего,

когда глянет она прямо очами в очи, водрузивши хлад и замирание в сердце... Никакой гибкой пантере не сравниться с ней в быстроте, силе и гордости движений. Всё в ней венец создания...»

Ну, так от чего же, спрашивается, Андрей Тентетников, находясь в состоянии влюблённости, потерял интерес к жизни и упал духом? Казалось бы, тут всё должно быть как раз наоборот, появилась цель, и жизнь должна бы налаживаться. Что же его раздражало и угнетало его воображение, выводило из равновесия и погружало в апатию? Что же с ним произошло? И как развивались события? А так... Между помещиком Тентетниковым и отцом Уленьки абсолютно на пустом месте, из-за нелепой обидчивости юноши и солдатской прямоты генерала вспыхнул очаг напряжённости. Грубоватый и прямодушный генерал Бетрищев на одной из встреч, да ещё и в присутствии третьих лиц, а именно своих гостей из столицы, обращается к соседу на «ты». А щепетильный и легкоранимый Тентетников сильно обижается на него за это и потому лишает себя возможности посещать Бетрищевых, а следовательно, и видеться с его дочерью. Любовь, которая, казалось бы, уже не только зародилась, но и разгорелась между молодым человеком и Уленькой, из-за этого досадного инцидента во взаимоотношениях мужчин обрывается на самом взлёте. Н.В. Гоголь об этом пишет так: «Разумеется, с этих пор знакомство между ними прекратилось, и любовь кончилась при самом начале. Потухнул свет, на минуту было блеснувший, и последовавшие за ним сумерки стали ещё сумрачней. Всё поворотило на жизнь, которую читатель видел в начале главы, – на лежанье и бездействие».

Каких-то других препятствий для продолжения и укрепления отношений между влюблёнными не существовало. И хотя фраза генерала, которую Тентетников принял за оскорбление, была совершенно пустячной, в голове у молодого человека она «укоренилась и отпечаталась» с необыкновенной остротой. Согласитесь, что тот скандал выглядит надуманным даже для любителей самых мрачных антиутопий. Тем не менее в результате него и Андрей, и Уленька оказались потерпевшими...

Нам ничего неизвестно о том, что в эти дни думала девушка, о юноше же Гоголь пишет так: «И до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но чуть не клевали домашние куры. Взявши перо, бессмысленно чертил он на бумаге по целым часам рогульки, домики, избы, телеги, тройки. Но иногда, всё позабывши, перо чертило само собой, без ведома хо-

зяина, маленькую головку с тонкими чертами, с быстрым пронзительным взглядом и приподнятой прядью волос, и в изумленьи видел хозяин, как выходил портрет той, с которой портрета не написал бы никакой знам<енитый> художник. И ещё грустнее ему становилось, и, веря тому, что нет на земле счастья, оставался он ещё более после того скучным и безответным».

Потерпевшими Уленька и Андрей так бы и остались, если бы не он: Павел Иванович Чичиков...

«Странное состоянье!» – сказал он...

Напомним вам, что настроение Андрея Ивановича Тентетникова и то его душевное состояние, что мы только что воспроизвели вам по тексту поэмы, характеризовало молодого помещика и в те мгновения, когда во дворе поднялась суета и поварёнок с поломойкой побежали открывать ворота экипажу господина Чичикова Павла Ивановича. Вы, вероятно, помните, что Андрей вспомнил дела давно минувших дней в компании огорчённых людей и запаниковал.

Но теперь-то мы уже прочли без малого целую главу поэмы и знаем, что Чичиков уже давно живёт, столуется в доме помещика, прекрасно себя чувствует и занимает себя приятными прогулками по живописным окрестностям имения Тентетникова, по его улочкам, дорожкам и тропинкам. Павел Иванович не только дышит свежим воздухом и наслаждается природой. Он ещё и работает, анализирует в привычной для себя манере матёрого финансового разведчика обстановку, размышляет над своими новыми проектами.

«Разговаривая по часу с дворовыми людьми, – пишет Н.В. Гоголь, – он, между прочим, от них разведал, что барин ездил прежде довольно нередко к соседу генералу, что у генерала барышня, что барин было к барышне, да и барышня тоже к барину... но потом вдруг за что-то не поладили и разошлись». Совсем скоро Чичиков владел уже всеми деталями и тонкостями складывающейся вокруг Тентетникова ситуации, знал особенности его характера, морально-психологического состояния, и даже «всю историю знакомства с генералом и разрыва» тоже узнал. Причины образовавшейся заминки в отношениях между молодыми людьми Чичиков выведал от самого Андрея Ивановича. Тот недолго скрывал свою оппозиционную позицию к генералу, не пыхтел в его сторону злыднем из тёмного угла, а честно раскрыл историю сложившегося пасьян-

са, чем поверг Павла Ивановича в огромное удивление. Веских причин для ссоры с генералом Чичиков, как и мы, тогда тоже не нашёл. К позиции Тентетникова он отнёсся крайне неодобрительно, однако своё мнение об этом предусмотрительно оставил при себе.

Раз мы тут немножечко чуть ли не о картах упомянули, то о них и добавим. Неутомимый Чичиков во втором томе поэмы постоянно козыряет своим талантом «решальщика» как самой дорогой козырной и не побиваемой картой. Это мы в качестве ремарки. Примеров много, и первый из них в том, что Павел Иванович тут же раз за разом принялся убеждать барина в необходимости восстановления былых отношений с генералом и даже в необходимости жениться на его дочери, чтобы уж совсем не упасть «в ипохондрию», предлагая в этом проекте свои услуги. Чичиков, как всегда: участлив, корректен, предупредителен, доброжелателен.

Наверное, нам мог бы прийти в голову самый простецкий вопрос: «Ему-то какое дело до всего этого?» Об этом мы уже мельком упоминали. Читайте Н.В. Гоголя, а у него целые россыпи и других историй, где Павел Иванович уже не раз виртуозно выступал в роли компетентного переговорщика или изворотливого профессионального дипломата, извлекая из своего таланта конкретную выгоду. И только её! Чичиков

эти качества не растерял. Поэтому и теперь его опыт и редкостный коммуникативный талант подвигают его к тому, чтобы устранить все препятствия на пути Тентетникова к Уленьке. (Авось что-то и ему выпадет!) Он и теперь легко берёт инициативу в свои руки.

Павел Иванович с неуёмной энергией берётся за роль посредника и спасителя молодого и неопытного мужчины в этом сердобольном деле, хотя по аналогии, наверное, исполняет ту же роль, которую в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» когда-то выполняла бесовская сила. Вместе с тем даже поверхностное осмысление ситуации позволяет нам утверждать, что в данном случае П.И. Чичиков пока что выглядит более чем достойно. «Андрей Иванович! я буду с вами говорить, как брат с братом. Вы человек неопытный – позвольте мне обделать <это дело>. Я съезжу к его превосходительству и объясню, что случилось это с вашей стороны по недоразумению, по молодости и незнанью людей и света», – заявляет он помещику о своей готовности к незамедлительным действиям.

А.И. Тентетников понимал, что он не сможет переступить через себя. Он пока ещё не знал Чичикова, но всецело доверился ему. И мы тоже прекрасно понимаем, что Чичиков берётся за то, что у него получается превосходно, за то, в чём он силён. Он виртуозно умеет нравиться

чиновникам, помещикам, генералам, в чём его превзойти, тем более в этой глуши – некому. И теперь Чичиков снова погружается в свою стихию.

«Чудная, однако же, вещь: на другой день, когда подали Чичикову лошадей и вскочил он в коляску с лёгкостью почти военного человека, одетый в новый фрак, белый галстук и жилет, и покатился свидетельствовать почтенье генералу, Тентетников пришёл в такое волненье духа, какого давно не испытывал, – пишет Н.В. Гоголь. – Весь этот ржавый и дремлющий ход его мыслей превратился в деятельно-беспокойный. Возмущенье нервическое обуяло вдруг всеми чувствами доселе погружённого в беспечную лень байбака. То садился он на диван, то подходил к окну, то принимался за книгу, то хотел мыслить. Безуспешное хотенье! Мысль не лезла к нему в голову. То старался ни о чём не мыслить – безуспешное старание! Отрывки чего-то похожего на мысли, концы и хвостики мыслей лезли и отовсюду наклёвывались к нему в голову. «Странное состоянье!» – сказал он и придвинулся к окну глядеть на дорогу, прорезавшую дуброву, в конце которой ещё курилась не успевшая улечься пыль».

И уже здесь всё то, что казалось барину утлым, неудачным, даже трагическим, вгонявшим в постоянную хандру и депрессию, у него

стало вдруг выстраиваться в последовательную, логически оправданную и блистающую дневными гранями чуть ли не сошедшую свыше череду прекрасных мгновений. По нашему представлению любовь, к Уленьке и являлась той главной силой, которая возвратила Тентетникова к жизни. И, видимо, именно это обстоятельство, по разумению Н.В. Гоголя, должно было бы позволить ему занять более значительное место в последующих, к сожалению, утраченных главах поэмы. А намечающиеся уже здесь в Тентетникове положительные линии в определённой мере сближали его с такими известными в русской литературе персонажами, как Рудин и Лаврецкий, позднее появившимися у И.С. Тургенева.

Мы ничуть не сомневаемся в том, что Уленька могла бы вырасти в ту «чудную русскую девицу», появление которой Н.В. Гоголем было анонсировано в первой части поэмы. Девушка благородна, чиста и добра. И то «стремительное», что было в ней стремительно, выделяет её из неподвижности мёртводушия и косности дворянского прозябания. Хорошо сказал о писателе Ю.В. Манн: «Гоголь был очень отзывчив на женскую красоту. В первую очередь на духовную, но и, конечно, на физическую, телесную. В этом не приходится сомневаться, когда читаешь гоголевские описания красавиц. Его отно-

шение к женской красоте равносильно отношению к соблазну, а соблазн требует защиты или преодоления. Он преодолевает соблазн и тем самым реализует зароненную в нём с детства идею самовоспитания».

Мы постоянно напоминаем вам о том, что сама девушка на страницах поэмы ещё не появилась. Мы прочли только отзывы о ней и впечатления: Гоголя, Тентетникова, Чичикова... Но мы твёрдо уверены в том, что, работая над образом Уленьки, писатель точно знал, какой она будет. Он собирался конструировать идеал русской девушки, и эти её качества должны были бы раскрыться уже в новых обстоятельствах.

В этой связи у нас постоянно возникает вопрос: зачем же надо было серьёзным людям подвергать убийственной критике тот литературный образ, о котором мы можем судить лишь по тем фрагментам поэмы, которые каким-то чудом избежали огня? Позволительно ли кому-либо выносить вердикт тому литературному персонажу, о котором мы меньше всего знаем, да и прочесть можем меньше малого, и то лишь опираясь на впечатления Чичикова или воображение Тентетникова? Можем ли мы присоединиться к тем, кто столь размашисто и безудержно клеймит те строки, которые они не имели возможности прочесть?

Конечно могли бы и мы поступать точно так же, как и некоторые критики и литературоведы. «Так же» – то есть искать чёрную кошку в тёмной комнате. Для этого нам надо было бы быть всего лишь уверенными в том, что Н.В. Гоголь «исписался», в том, что его талант увял, что в силу каких-то внутренних или внешних обстоятельств, в конце концов, в силу болезни он уже не способен создать нечто поистине великое или незабываемое.

Но этого не произошло, этого нет и ещё раз нет...

«Трудно было сказать, какой земли она была уроженка», – цитируем мы эти слова Н.В. Гоголя ещё раз. И действительно, трудно. Даже нельзя, если поверить ещё и другим словам. «Потому что нет такой земли, на какой родились бы такие ***бесплотно-идеальные существа.*** (Здесь и далее мы выделяем слова теперь уже маститого критика.) И их самих тоже не бывает. В этом всё дело», – красочно запечатлевает в строках и заканчивает этим очередной абзац своих размышлений писатель, литературовед и литературный критик Бенедикт Михайлович Сарнов, царство ему небесное. Теперь благодаря ему мы знаем – Андрею Тентетникову не позавидуешь, угораздило же его втюриться в ***существо,*** да ещё и ***бесплотно-идеальное.*** Но ***идеальное*** – ещё, куда ни шло, так было бы

даже к лучшему. А вот ***бесплотное?*** То есть не имеющее плоти, бестелесное (по религиозным представлениям о раздельном существовании тела и души). Как дальше жить?.. И потом: ***существо?..*** То ли человек, то ли тварь, то ли кентавр с троллем?.. Есть даже песенка такая, которую Сарнов вполне мог слышать. Вспомните: «То ли девушка, а то ли виденье...» О ведьмах Гоголь вроде бы к тому времени уже давно ничего не писал, хотя чертовщины побаивался, а тут что-то малопонятное, да ещё и на девушку смахивает!

«Если бы кто увидал, как внезапный гнев собирал вдруг строгие морщины на прекрасном челе её (это у ***бесплотно-идеального существа***. – *Г.Д. от Сарнова*) и как она спорила пылко с отцом своим, он бы подумал, что это было капризнейшее создание (***бесплотно-идеальное существо***. – *Г.Д. от Сарнова*), – пишет Гоголь. – Но гнев её вспыхивал только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или дурном поступке с кем бы то ни было. Но никогда не гневалась и никогда не спорила она за себя самоё и не оправдывала себя. Гнев этот исчезнул бы в минуту, если бы она увидела в несчастии того самого, на кого гневалась (гневалось – если это ***существо***. – Г.Д.). При первой просьбе о подаянии кого бы то ни было она

готова была бросить ему весь свой кошелёк, со всем, что в нём ни <было>, не вдаваясь ни в какие рассуждения и расчёты. Было в ней что-то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, всё стремилось вослед за мыслью – выраженье лица, выраженье разговора, движенье рук; самые складки платья как бы стремились в ту же сторону и, казалось, как бы она сама вот улетит вослед за собственными словами. Ничего не было в ней *(**у бесплотно-идеального существа**. – Г.Д. от Сарнова)* утаённого».

Мы больше не будем устраивать заочную полемику именитого критика с великим поэтом и постараемся больше не утомлять вас сердитым недовольством всё того же действительного члена Академии русской современной словесности Бенедикта Михайловича, пусть будет ему такое же царство небесное, как и великому Гоголю.

Не подумайте только, что и последующие строки мы относим именно к академику Б.М. Сарнову, нет. Просто для себя мы уже давно и так поняли, что, имея дело с благородными лауреатами и заслуженными орденоносцами, следует категорически избегать таких грубых слов, как «бред», «ахинея» и т. п. Это правило. Лучше наивно спросить что-то и добавить свои размышления с обязательным реверансом в сторону самоликвидации. Ведь

почтение к знаменитым комментаторам у нас так велико, обаяние славных имён столь могущественно, что их утверждения мы просто обязаны принимать на веру, ни в чем не сомневаясь и не задумываясь. А ведь напрасно! Мы могли бы отыскать и представить вам самые суровые оценки Гоголя от множества олауреаченных светил. Но мы не будем затенять кружевные строки великого классика сумраком социалистического реализма от наших великих современников. Их у нас сейчас действительно немало. Порой так и думаешь, то ли с раскаянием, то ли с угрызениями совести: настоящие классики уже давно упокоились и ушли в мир иной, а некоторые «корифеи» из числа процветающих всё никак не решатся, хотя их фамилии знают разве что их жёны. Так что прости нас ещё раз, Господи.

Ну что ж, пора бы и нам увидеть Ульяну Александровну Бетрищеву и прочесть наконец о том, что она делала на страницах поэмы...

ГЛАВА III. ДОЧЬ ГЕНЕРАЛА

Девушка «блистающего» роста

Теперь мы прочтём те странички и поговорим о тех строках Гоголя, где Уленьку Бетрищеву представляет читателям сам Николай Васильевич. В сохранившейся рукописи второго тома «Мёртвых душ» их осталось совсем мало. Но нам приходится радоваться даже тому, что хоть они уцелели; удивляться тем обстоятельствам, что уберегли их от пламени и оставили доступными для читателей и сегодня. Затерялись ли они и правда за книгами в шкафу и благодаря этому не попали в огонь? Предумышленно ли они были оставлены автором? Или случилось нечто третье? Этого мы не знаем. Будем их читать и изучать, но прежде напомним ещё раз, что в той части поэмы, которую мы с вами уже прочли, Уленька пока ещё не появлялась. Там мы ознакомились лишь только с впечатлениями о ней Андрея Ивановича Тентетникова, узнали, что думает о ней рассказчик – Николай Васильевич Гоголь, незримо участвующий во всех развёртывающихся там событиях.

Нам понятно, что «дело» о втором томе поэмы, как и многие другие туманности, связанные с судьбой творческого наследия писателя, глубоко и скрупулёзно проанализированы и изучены нашими славными профессиональными литературоведами. Соревноваться с ними нам абсолютно не с руки. Для нас это напрасный труд, бесполезный и бесперспективный. Тем не менее даже в их изысканиях, как нам показалось, многие неясности сохраняются до сих пор, хотя рядом с ними и располагаются, как правило, обоснованные версии их происхождения. К мнениям критиков нам легко присоединиться всегда, как и отмежеваться от них, что нередко и происходит у въедливых читателей или запальчивых обожателей творчества писателя. (Пусть это покажется вам не очень скромным, но мы изо всей мочи силимся причислить к когорте последних и себя любимых.)

Наряду с этим нам очень хочется и колется освободиться от плена давно устоявшихся версий, что, как вы понимаете, практически сделать невозможно. Во всяком случае, сейчас мы не рискнём даже угадывать, какая из версий текста поэмы ближе всего к её финишной версии. К какой из редакций поэмы или слою рукописи рассматриваемые абзацы относятся. Мы постараемся сказать о том или ином

фрагменте лишь то, что поняли сами... Для нас наиболее ценным будет являться не то, что нам сказали критики, а то, что о литературной героине поэмы «положено» на бумагу пером великого Гоголя Николая Васильевича.

Итак, Н.В. Гоголь рассказывает, что отец Уленьки, генерал Бетрищев Александр Дмитриевич, был воспитан «полуиностранным воспитанием». Он всегда хотел исполнять, и, как мы вскоре убеждаемся сами, успешно исполняет роль хлебосольного русского барина. Его прежние заслуги, материальное состояние и положение в обществе позволяли ему быть заметным в этих краях, крепким и беззаботным хозяином, живущим в своё удовольствие. В силу особенностей его профессии до выхода в отставку заниматься дочерью генералу чаще всего не хватало времени, а может быть, он попросту мало представлял себе, как это должно быть, потому что он уже давно был вдовцом. По такой причине уровень самостоятельности Уленьки на протяжении длительного периода был достаточно высоким, почему она и росла у него, как пишет Гоголь, «баловницей». Из этого же следует, что для любимой и единственной дочери у Александра Дмитриевича, наверное, отказа не существовало ни в чём.

В сохранившейся части второго тома поэмы (это уже её вторая глава) дочь отставного

генерала Уленьку мы наконец-то встречаем, и эта встреча с ней, дошедшая до нас в рукописи, – ***единственная.*** Здесь мы видим её такой, какой её представляет читателям Н.В. Гоголь, такой, какой она показалась нашему вездесущему «индивидуальному предпринимателю» П.И. Чичикову. Других свидетелей этой встречи нет: там лишь Чичиков и Гоголь. Восторгов о дочери от её отца Александра Дмитриевича мы учитывать не будем – на них он запрограммирован пожизненно. Да это и понятно: отец есть отец.

Перед Павлом Ивановичем, заполненным до краёв грёзами о своём будущем с аппетитной «бабёнкой», в кабинете появляется хрупкая девчонка, дочь генерала Бетрищева. Мы читаем о ней и понимаем, что видим её глазами Чичикова, а потому считаем возможным именно здесь напомнить читателям о том, какое впечатление на Павла Ивановича в первом томе поэмы произвела дочь губернатора в окрестностях губернского города N. Как известно, там после ДТП двух экипажей перед его глазами предстала такая же юная и чистая, пока ещё не знающая суровой прозы жизни девчушка из обеспеченной семьи. Н.В. Гоголь так описывал девушку, которую там заприметил господин Чичиков. Она была «...молоденькая, шестнадцатилетняя, с золотистыми волосами, весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головке. Хорошенький овал её лица круглился, как свеженькое яичко, и, подобно ему, белел какою-то прозрачною белизною, когда свежее, только что снесённое, оно держится против света в смуглых руках испытующей её ключницы и пропускает сквозь себя лучи сияющего солнца; её тоненькие ушки также сквозили, рдея проникавшим их тёплым светом».

Как можно заметить, Чичикова очаровали в той незнакомке её юная красота, свежесть, чистота, и мы понимаем, что в тот раз Павел Иванович неслучайно положил глаз на губернаторскую дочку: глаз Чичикова и его профессиональное чутьё были намётаны профессионально, и этот факт неоспорим. В такие мгновения Чичиков всегда мечтал о своём будущем, не забывая снова и снова анализировать своё настоящее.

Дальше мы продолжаем чтение второго тома поэмы, погружаясь снова в те события, которые происходят в кабинете господина генерала Бетрищева.

«В кабинете послышался шорох, пишет Н.В. Гоголь. – Ореховая дверь резного шкафа отворилась сама собою.

На обратной половине растворённой двери, ухватившись ***чудесной рукой*** (здесь и

далее выделено мною. – Г.Д.) за ручку двери, явилась ***живая фигурка.*** Если бы в тёмной комнате вдруг вспыхнула ***прозрачная картина,*** освещённая сзади лампою, она бы не поразила так, как эта ***сиявшая жизнью фигурка,*** которая точно предстала затем, чтобы ***осветить комнату.*** Казалось, ***как бы вместе с нею влетел солнечный луч*** в комнату, озаривши вдруг потолок, карниз и тёмные углы её. Она казалась ***блистающего роста.*** Это было ***обольщенье:*** происходило это ***от необыкновенной стройности и гармонического соотношения между собой всех частей тела, от головы до пальчиков.*** Одноцветное платье, на ней наброшенное, было наброшено с таким ***<вкусом>,*** что казалось, швеи столиц делали совещанье между собой, как бы получше убрать её. Это был обман. Оделась она кое-как, сама собой: в двух, трех местах схватила неизрезанный кусок ткани, и он прильнул и расположился вокруг неё в таких складках, ***что ваятель перенёс бы их тотчас же на мрамор,*** и барышни, одетые по моде, все казались перед ней какими-то пеструшками».

Что можно думать об этих строках Н.В. Гоголя, об их авторе и о девушке? У каждого из нас ответ может оказаться каким угодно, но не похожим на любые другие. Допустим, таким, что

Николай Васильевич в описании девичьей красоты Уленьки больше ваятель, имеющий дело с драгоценными камнями, чем живописец, мастерски пользующийся всеми красками и цветами радуги. (Наверное, такая точка зрения по приведённому выше фрагменту текста среди настоящих гоголеведов будет преобладать.) Безо всяких сомнений, даже в нашем сугубо читательском разуме и на любительском уровне эти строки писателя хорошо напоминают нам о существовании и других строк Гоголя Н.В. о женщинах. Например, о тех, что помещены в его «юношеское» эссе «Женщина», то есть в первую публикацию Н.В. Гоголя под своим именем. Нам и вспомнить легко, да и забыть трудно, что именно там мы впервые встречаем и богоподобное, небесное облачение женщины, и её «мраморную» осанку и «скульптурную» красоту, и то ощущение, которое напоминает дивное сновидение. Там есть слова и о роскошном водопаде света, и о сиянии вокруг женщины, там же идеи о способности зажечь чувством и воплотить в мрамор жизнь, и о возмущении чистого сияния искренней бурей страстей. Описывая прекрасную Алкиною, 22-летний Гоголь там сравнивает её с высокой поэзией. Он замечает и облако печали от светлого её чела, и её мраморную руку, и

колеблющуюся от встревоженных вздохов высокую, божественную грудь, и падающую на помост роскошными, живописными линиями одежду.

«Казалось, – писал тогда юный Гоголь в «Женщине», – тонкий, светлый эфир, в котором купаются небожители, по которому стремится розовое и голубое пламя, разливаясь и переливаясь в бесчисленных лучах, коим и имени нет на земле, в коих дрожит благовонное море неизъяснимой музыки, – казалось, этот эфир облёкся в видимость и стоял перед ними, освятив и обоготворив прекрасную форму человека. Небрежно откинутые назад, тёмные, как вдохновенная ночь, локоны надвигались на лилейное чело её и лилися сумрачным каскадом на блистательные плеча. Молния очей исторгала всю душу... – Нет! никогда сама царица любви не была так прекрасна, даже в то мгновенье, когда так чудно возродилась из пены девственных волн!..»

В облике Уленьки Бетрищевой, как нам это кажется уже здесь и как это действительно получается у Н.В. Гоголя, соединяются самые разносторонние её черты: здесь она тоже – ***сновиденье,*** она – ***грёза,*** она – ***фантастическое виденье,*** и она же – ***«что-то живое, как сама жизнь».*** С её появлением в кабинете отца уже находящимся там Чичикову и генералу могло показаться, будто бы свет там становится ярче. Наверное, Гоголь и здесь образ девушки идеализирует, но он ничуть не преклоняется перед деталями её внешности. Сегодня они и для нас кажутся совершенно необычными. Но они понятны, потому что писатель всего лишь сравнивает её с теми античными образами женщин, фигуры которых мы можем видеть в музеях или в альбомных иллюстрациях даже сейчас. С этой «картинки» писатель предлагает начать наше знакомство с девушкой, а уже потом он останавливается на особенностях её характера и показывает нам некоторые её душевные качества. Мы уже немало увидели тех литературных героинь, которых Н.В. Гоголь своим пером провёл через помещичьи хоромы, гостиные, их светские рауты, вечеринки, балы и другие тусовки первого тома «Мёртвых душ». Там всякую минуту мы находились под воздействием хорошо продуманных, но, тем не менее, нередко парадоксальных действий его героинь, а также запахов и цветов, их окружающих, их нарядов или забавных, а порой и любострастных фантазий. Их притворная недоступность или потешная естественность пробуждали дремлющие желания и шаловливые чувства даже у таких амортизированных прагматиков, как господин Чичиков.

Павел Иванович, что мы уже отмечали, тоже здесь, он в кабинете генерала Бетрищева и так же, как и мы, рассматривает Уленьку. Он и раньше, путешествуя по своим надобностям, встречал немало ярких барышень в жизни. Но сейчас и он восхищается девушкой. Он «фотографирует» её взглядом в привычных только ему деталях. Он сопоставляет её с ранее обнаруженными им «экземплярами» и типами женской красоты, но остаётся очарованным именно этой. И это удивительно? Это поразительно!

Мы пытаемся рассмотреть очень короткий эпизод появления Уленьки Бетрищевой во втором томе «Мёртвых душ» и ещё раз перенацеливаем свой взор на первую фразу Н.В. Гоголя, связанную с появлением девушки. Мы повторяемся в этом и читаем ещё раз: «В кабинете послышался шорох. Ореховая дверь резного шкафа отворилась сама собою».

Что пишут критики об этом (что они замечают, с чем сопоставляют или что они утверждают)? Например: «У плохого писателя прочтёшь: «Отворилась дверь, и вошёл человек...» И не веришь! А у Гоголя прочтёшь: «Отворилась дверь, и вошёл чёрт...» Веришь!» Действительно, талант Гоголя так огромен, что, казалось бы, для него нет ничего невозможного. Самое невероятное, самое фантастическое он может

изобразить так, что оно покажется реальным». С этим мы легко соглашаемся, хотя нашего согласия в этом не требуется ровным счётом никому.

Какой же вывод делается ими из вышесказанного? (Он касается этого же эпизода). А такой: «Гоголь, который может заставить нас поверить в то, что отворилась дверь, и вошел чёрт, однажды не сумел нас заставить поверить в гораздо более простую и правдоподобную ситуацию, – пишут те же критики. – Поверить в то, что отворилась дверь и вошла Уленька, молоденькая девушка, дочь генерала Бетрищева, одного из персонажей «Мёртвых душ». Мы сказали, что так «пишут они», но это не они, а он – один из самых уважаемых аналитиков и литературоведов Б.М. Сарнов – так видит ситуацию в «Рассказах о литературе». Бенедикт Михайлович считал, что «Гоголь, которому порой хватает одной фразы, одного меткого слова, чтобы описываемый им персонаж вдруг, как живой, явился перед нашими глазами, – этот самый Гоголь затрачивает там так много ничего не говорящих слов», – и пишет о появлении дочери генерала Бетрищева, утверждает, что «...эта идеальная Улинька ***бесплотна и безжизненна***».

В иных случаях, размышляет этот же критик, Гоголю достаточно сказать про Чичикова, что

он одет во фрак «брусничного цвета с искрой» или «наваринского пламени с дымом», и мы уже явственно видим перед собою этого провинциального щёголя, обожающего в одежде броские тона. Больше того: за франтоватой и круглой фигурой Чичикова мы различаем то общество, к которому он так тянется. Он из кожи вон лезет, чтобы показать свою верноподданность, и ужасно кичится своим показным патриотизмом. Он заказывает у портного такой цвет фрака, который напоминал бы тем, кто готов им восхищаться, о победах российского флота при Наварине, и делает это совершенно безвкусно и примитивно. (Кстати, с утверждением о примитивности и безвкусице тоже поспорить можно, поскольку уж Чичиков-то всегда отличался образцовым внешним видом и уделял этому вопросу первостатейное внимание!)

Или другой пример (больше их не будет, а то мы могли бы привести вам пример и третий, и четвёртый, и...): «Платье сидело на ней (на Уленьке. – Г.Д.) так, что, казалось, лучшие швеи совещались между собой: как бы получше убрать её...» И все эти безликие «лучшие швеи» появляются у писателя, который так сумел описать портного Петровича, сшившего Акакию Акакиевичу шинель, словно сам специально изучал портновское ремесло...» – пишет критик.

Конечно, любой другой критик и не-критик, творческий и не очень, а хотя бы только лишь наблюдательный человек имеет полное право на своё мнение. Это ясно. Но мы попробуем из того же эпизода «выжать» повышенный градус критики. Ореховая дверь «отворилась сама собою», – пишет Гоголь. Это правда или не совсем? Без ветра и сквозняка – неправда. Но хорошо, что Гоголь быстро и вовремя это заметил и написал, что на самом деле «чудесная ручка» ухватилась за ручку этой двери. Теперь понимаем: дверь открыла «чудесная ручка», – иначе зачем бы она за неё хваталась? Вот это уже правда. Дверь из ореховой древесины, то есть, видимо, из той, что ввозили по импорту Россией из Европы. Для российской сельской глубинки такая дверь могла быть предметом редкостным. Могла ли такая дверь быть у Бетрищева? Может быть, и да. А может быть, Гоголь насмотрелся на подобные ореховые декоры в столицах да италиях и перенёс замеченное там в сельскую глушь? Будем это обсуждать? Ладно, воздержимся... хотя и здесь фантазию критики включить можно... Не очень понятным будет только одно: зачем?

Явилась «живая фигурка», строкою ниже – «сиявшая жизнью фигурка». Из дальнейшего описания мы не видим ничего такого, что бы нам напоминало бездыханное тело, напри-

мер панночки из «Вия» или русалки из окрестностей одного из хуторов близ Диканьки. Она живая: это хорошо или плохо? Почему же тогда кому-то может не нравиться, что вошла не просто девушка, но ещё и «живая»? Её появление «осветило комнату», с нею в комнату словно бы «влетел солнечный луч». В чём здесь Гоголь промахнулся? Да ни в чём, если мы и здесь не начнём ёрничать: как влетал лучик? С нею вместе – это как? Плечом к плечу, над её головой или с отставанием на полшага? Гоголь не уточнил. Что же он не додумался?..

Вспомните случай, хотя бы из своей жизни, а он у вас точно найдётся: сидят какие-то друзья или соседи, беседуют чинно и мирно. Но вдруг появляется мама или семья с маленьким ребёнком, и в комнате мгновенно изменяется обстановка. Внимание фокусируется на ребёнке. От элементарного «у тю-тю» и «у сю-сю», «как зовут твою маму» – до полного изменения характера и в разговорах, и в поведении присутствующих, и в конфигурации зоны внимания собеседников... Теперь ребёнок становится центром всего того, что там происходит. Точно то же произошло и в кабинете Бетрищева, где и для генерала, что вполне естественно, и для импозантного мужчины средних лет, Чичикова, Уленька – ребёнок, она чистый ангел. Этот ребёнок вошёл в помещение – и всё здесь, вплоть до обстановки,

освещения и «температуры» психологического климата, совершенно видоизменилось. И вряд ли мы ошибёмся, если скажем: в том, что Гоголем написано здесь, нет ни единой натяжки или промаха. Всё это выглядит очень правдиво и реалистично.

«Блистающий» рост? Тоже занимательное причастие, образованное от глагола «блистать». У Гоголя оно в числе любимчиков. Об этом полной страницей рассказывал нам Андрей Белый в «Мастерстве Гоголя». Он заметил настойчивое стремление писателя с помощью него и его вариаций к изображению неизображаемого, к описанию неописуемого, к восторженному желанию превзойти себя «тщетным тщением». Именно такова, по его мнению, к чему мы с удовольствием присоединяемся, природа взлёта гоголевского блеска. Примеров этому сколько угодно: «поток ***блеска***», «её... ***блеск***», «***блиставшее***... царским убранством», «руки... ***блистая***, заворачивали бумажки конфет», «вся нация ***блестящая*** виньетка в воздухе», «***блиставшем*** голубизной», «***блестящая*** эпоха... ***блистает*** в красавицах мира», «***блистающие*** волосы», «***блеск*** молнии, а не женщина». Наверное, этого вполне достаточно для того, чтобы и вы так же восторженно отнеслись к ***блистающе*** безупречному, но неизображаемому и неописуемому росту, что может быть

изображено и описано лишь художником либо скульптором.

«Гармоническое строение тела» – его тоже при желании можно разобрать до «молекул». Ограничимся лишь тем понятием, которое нам более знакомо и чаще употребляется сегодня. Гоголь хотел сказать, что Уленька совершенна. Что она превосходит многих других дам своей образцовой, а именно – модельной фигуркой. Сегодня о таких девушках говорят, что это 90/60/90. Конечно, Гоголь такого словосочетания, как и цифровых параметров, тогда не знал, может быть, их и не существовало или бытовали другие, но писатель ясно представлял себе, что Уленька могла быть моделью красоты. И ещё одно слово: «обольщение». Самое простое, что можно было бы предположить за ним, это очаровывающая присутствующих притягательность в улыбке, в жестах, во взгляде, в походке, в манерах, в речи – при том, что внешняя красота здесь доминирующего значения уже не имеет... Разве это толкование не претендует на то, чтобы соответствовать строкам Гоголя?..

Вернёмся к «швеям», которых в этой главе некоторые товарищи уже успели заклеймить несмываемым позором. В произведениях Николая Васильевича мы можем найти десятки примеров описания самых оригинальных и изысканных эталонов и трафаретов женской

моды. Они на любой вкус, цвет и фасон, но здесь автор снова вернулся к образу Алкинои. Кажется, что в описании Уленьки Гоголь и впрямь вспомнил тот образ, что создавал ещё в юношеские годы. И мы ведь тоже не забыли, что у Алкинои «...одежда трепетала и падала роскошными, живописными линиями на помост», как «...розовое и голубое пламя, разливаясь и переливаясь в бесчисленных лучах» и как «небрежно откинутые назад, тёмные, как вдохновенная ночь, локоны надвигались на лилейное чело её и лилися сумрачным каскадом на блистательные плеча». В этой связи мы снова могли бы вспомнить о современности, например, о стиле oversize, который уже несколько сезонов не сдаёт своих позиций. А в нём женщин привлекают именно большая свобода кроя, непринуждённость и комфорт, который так важен в повседневной жизни. Оверсайз не только подчёркивает женственность и достоинства дамы, но и позволяет скрыть имеющиеся несовершенства её фигуры, если они есть. Конечно, Уленьке, как мы видим, скрывать было нечего, но и гоголевских швей, как и самого Гоголя, критиковать, наверное, здесь тоже совершенно ни к чему, как это уже сделал известный критик. Будем только восхищаться тем, как автору поэмы удалось предугадать развитие женской

моды, которая придёт в Европу и Азию почти через два века. И ещё одно. Немецкий философ Иммануил Кант в сочинении «О вкусе, отвечающим моде» относил её к «рубрике тщеславия», а также «и к рубрике глупости, так как при этом имеется некоторое принуждение поступать в рабской зависимости исключительно от примера, который дают нам в обществе многие». Почему бы и нам здесь не выдвинуть такую версию, например, что Н.В. Гоголь не считал правильным «ставить» свою Уленьку в положение известных нам от него же «пеструшек», которых мы уже встречали в губернском городе N? Правда, мы не знаем, читал ли Гоголь произведения Канта, хотя точно так же мы не можем утверждать, что он их не читал...

И всё же. Почему Гоголь, создавая образцовую русскую девицу, вернулся к тому типажу, о котором писал в юности? Может быть, Уленька, по его замыслу, действительно должна была стать богиней красоты или верности, в чём она себя на страницах второго тома обязательно и точно проявила в тех главах, которые, к нашему сожалению, сожжены? Мы этого не знаем. Правда, здесь нам следует сказать, что образ Алкинои по части её женской верности является не самым безупречным. В тексте «Женщины» юный ученик Платона Телеклес как раз жалуется своему учителю на неё, на её телесную измену – и проклинает за это коварную женскую природу... Вместе с тем здесь мы говорим только о внешнем сходстве женщин, что не относится к любого рода их эротическим приключениям или «врождённому» коварству...

К тому, что вы уже успели прочитать сейчас, восстановите в своей памяти и добавьте и то, что об отдельных качествах Уленьки мы вам уже рассказывали тогда, когда рассматривали морально-психологическое состояние молодого помещика Тентетникова в связи с временным обострением его отношений с генералом. Там ведь тоже в её отношении выражался абсолютный позитив, как в авторских наблюдениях Н.В. Гоголя, так и в горестных размышлениях самого Андрея Ивановича. И заметим, что тогда с дочерью генерала Уленькой хоть и заочно, то есть ещё до встречи с ней, Чичиков уже слегка познакомился, и не только по рассказам молодого помещика, но и по тем эскизам, которые на бумаге непроизвольно выводил влюблённый в неё Андрей Иванович. Н.В. Гоголь подробно рассказал нам об этом факте. А Чичиков и сам видел, как «Андрей Иванович карандашом и пером всё рисовал какие-то головки, одна на другую похожие». Рассказывая нам о том, как перо молодого барина «...чертило само собой, без ведома хозяина, ма-

ленькую головку с тонкими, острыми чертами, с приподнятой легкой прядью волос, упадавшей из-под гребня длинными тонкими кудрями, молодыми обнажёнными руками...» Такое описание указывает и на то, что и сам Тентетников, как и Гоголь Николай Васильевич, обладал приличными художественными навыками. У этого самодеятельного зодчего, как мы видим, отменно получался даже «...портрет той, с которой портрета не мог бы написать никакой живописец». Так что в кабинете генерала эту девушку Чичиков не только увидел, но и узнал по увиденным им ранее картинкам...

Всё, что мы только что смогли сообщить вам об Уленьке, является не чем иным, как нашим глубоко субъективным личным впечатлением от прочитанного, с некоторым налётом воображения, того, что замечено нами в авторских строках, в размышлениях и сердечных переживаниях Тентетникова, в восприятии Чичикова при появлении девушки в кабинете своего отца. И заметьте, что до настоящей минуты в тексте Гоголя, да и в нашем пересказе Уленька пока ещё ***не произнесла ни одного слова.*** И читатели и мы вместе с ними знаем лишь то, как она выглядела.

Как же можно было критиковать великого Н.В. Гоголя за те строки о литературной героине, что мы только что успели прочесть?

Их можно было бы критиковать разве что за отсутствие в них вычурной внешней притягательности, заманчивой прелести или нарочито небрежно и изящно заретушированного соблазна. Всё это нам можно было бы легко дофантазировать, поскольку о каких-либо физических несовершенствах девушки или её внешней неприглядности тоже ведь нет ни слова. И у нас остаётся не так уж много возможностей: разве что подвергать этот литературный образ критике за отсутствие яркого и сочного по своей цветовой гамме русского сарафана или оригинального кокошника, расшитого золотой нитью и украшенного жемчугом или бисером... Впрочем, эти элементы убранства мы уже как-то упоминали...

«Он (Гоголь. – Г.Д.) сам иногда проговаривается о «последней ретуши» живописца, любит – в лирических местах – повторять о «резце художника» и «дивном мраморе, вышедшем из его рук», – пишет В.В. Розанов («Гений формы»). «Разве есть женщины, похожие на Афродиту Милосскую? – продолжает Василий Васильевич. – Но все живые женщины, какие ни есть, со своей жизнью, со своею действительностью, не сотворили того впечатления, того облагораживающего, возвышающего влияния, какое сделал и делает вторую тысячу лет этот недвижный, бездушный мрамор. Так ещё без-

душен ли он по этой силе своего действия, нет ли тайной особой души в формальном начале, в простых, бледных, бесцветных формах? Они бессодержательны, но прекрасны. Снимите самые верные портреты с живых женщин. Пусть их рисуют Брюллов, Иванов, Репин, Серов: человечество, на минуту взглянув на них, пройдёт мимо и не задумается, не вспомянет, не воспитается и не разовьётся в них. А на Афродите Милосской воспитываются: об этом сказали нам Тургенев и Глеб Успенский, такие несходимые люди, несходные в направлении, во всех взглядах! И сказали через 2000 лет после того, как неизвестный художник сделал резцом это холодное тело.

Гоголь делал подобное же. Афродита Милосская не думает, не желает. Она стоит. В ней нет даже смотрящего зрачка. Она вся недвижна, вот как воздух у Гоголя. Так же и лица у Гоголя не думают, не желают, если не считать покупку мёртвых душ, что можно счесть за предлог, за повод и придирку к написанию поэмы, вроде «потери носа» для 25 страниц другого рассказа. У Гоголя нет нигде мысли, никакой, но у него есть то, что в искусстве гораздо выше мысли, – красота, оконченность формы, совершенство создания. Здесь он недосягаем, и его никто не превзошёл. И как Афродита Милосская воспитывает и научает, так и Гоголь... потряс Россию особенным потрясением. Глеб Успенский, грубоватый, простой человек, записал, однако, о греческой статуе: «Она выпрямляет каждого, кто на неё долго смотрит»... Возвращает к норме, к естественности, к Эдему, к Богу.

«Стало легче, и я выпрямился», – говорит бедный человек, европейский человек XIX века, взглянув на греческий мрамор».

Лакомый кусочек недостаточной толщины

Итак, пока что мы напомнили вам лишь некоторые черты такой Уленьки Бетрищевой, какую мы заметили сами и какой её представлял себе Н.В. Гоголь. Отметим ещё одно обстоятельство. Из произведений Н.В. Гоголя мы знаем не так уж много литературных героинь, которые бы отличались исключительно позитивными качествами или вызывали бы только положительные эмоции читателей. Напротив, в его произведениях как раз больше всего бед приносят именно женщины, его литературные героини, а как уж оценивать каждую из них – дело за читателем. И, конечно, каждый из нас понимает, что все эти образы вышли из-под пера Н.В. Гоголя. Сейчас мы не будем даже пытаться говорить о причинах этого, напомним вам лишь некоторые примеры.

Служанка Ивана Никифоровича («Как поссорились...») нечаянно устраивает скандал своего хозяина с самым близким ему соседом Иваном Ивановичем. Панночка в «Вие» уничтожает Хому Брута. Поступки Катерины в «Страшной мести» приводят к смерти её мужа, сына и святого схимника. Андрий сокрушает своего отца Тараса Бульбу, предпочтя и родине, и ему прекрасную полячку. В «Шинели» беду приносит шинель, в которой Башмачкин видит «подругу, жену». В «Записках сумасшедшего» Поприщин сходит с ума из-за любви к генеральской дочери. В «Невском проспекте» художник Пискарёв, влюбившийся в проститутку, заканчивает жизнь самоубийством, а смазливая немочка становится повинной в надругательстве над поручиком Пироговым. Падение художника Чарткова в «Портрете» начинается со встречи с невзрачной светской девицей, которую он изображает прекрасной Психеей, а заканчивается всё его творческим крушением и тоже самоубийством. В «Игроках» шулера Ихарёва подставляет под удар колода карт, зовущаяся «Аделаидой Ивановной». В «Коляске» Чертокуцкого доводит до позора «крепкая и дикая, как южная красавица», кобыла Аграфена Ивановна. В «Женитьбе» тон всей круговерти задаёт не вызывающая никаких симпатий и похожая на «подушку» невеста. И если попытаться

охарактеризовать коротко галантёрную часть рода человеческого, как называл женщин Н.В. Гоголь, то придётся ещё раз обратиться к Поприщину Аксентию Ивановичу из «Записок сумасшедшего» и вспомнить его формулу: «Женщина любит чёрта».

В то же время, как бы Гоголь о дамочках ни отзывался, «его» женщины, его литературные героини даже второго плана никогда не уходили с первого. Они никогда не отставали от трендов, всегда задорно принимали вызовы времени и моды, изматывая себя и публику бесконечными экспериментами с формой подачи себя. Везде и всюду это им удавалось блестяще, потому что над их образами «потрудилось» перо великого мастера, того человека, о котором многие критики говорят: «Гоголь не знал женщин».

Поставить чёрта в параллели с женщиной и успокоиться – значит ошибиться. И вот вам ещё один пример из первого тома «Мёртвых душ», где пассаж писателя о дамах завершается его комическим апофеозом о глазах красавиц. В одной из редакций поэмы это выглядит примерно так (некоторые фразы автором не дописаны. – ГД.): «Ведь это просто такое государство, куда заехавши, уже никак оттуда не выедет человек. Просто служи по нём панихиду. Один блеск их, во-первых, влажный, потом бархатный, острый, мягкий, томный, весь со-

вершенно в неге, потом без неги, но пророчащий блаженства нездешних миров, потом... но нет, не приберёшь сказать далее совершенно ничего». И уже поэтому, наверное, совершенно не случайно то, что у Н.В. Гоголя есть слова, где он женщину сравнивает с Божественным совершенством, ниспосланным на землю...

Только что мы напомнили вам обширную цитату из творчества В.В. Розанова, где критик о писателе Н.В. Гоголе отзывался с явным восхищением. Николай Васильевич такие оценки от него получал не часто. На протяжении многих лет Розанов, как он сам же не раз об этом заявлял, с Гоголем «боролся». Как боролся? Конечно, это происходило в критических статьях, зарисовках, репликах, в переписке с другими литераторами, как, например, в этом случае. Далее мы приводим мнение господина критика В.В. Розанова о любимой девушке помещика Андрея Ивановича Тентетникова. «Замечательно, что нравственный идеал (Гоголя. – Г.Д.) – Уленька – похожа на покойницу, – пишет Василий Васильевич. – Бледна, прозрачна, почти не говорит и только плачет. «Точно её вытащили из воды», а она взяла да (для удовольствия Гоголя) и ожила, но самая жизнь проявилась в прелести капающих слёз, напоминающих, как каплет вода с утопленницы, вытащенной и поставленной на ноги».

Нам, конечно, давно понятно, что в приличном обществе выражаться не салонными словами не следует. Слова-то, конечно, у нас салонные все, а вот те из них, что к тому же и не совсем цензурные, – никак не позволительны. Цензура для того и существует, чтобы мы не переходили красную черту. Но если бы нужно было, не нарушая её требований прокомментировать мнение В.В. Розанова об Уленьке, то нам точно хватило бы и двух слов. Например: «совсем офигел» Василий (Василий Васильевич Розанов. – Г.Д.). Но ограничения и в головах наших, и в законе, а потому разъяснять свои взгляды и писать нам приходится длинно, иногда путанно, а порой даже с надеждой на рассеянного читателя. Тем более в ситуации, когда мало высокохудожественные выражения часто льются из всех щелей...

Скорее всего, мы, читатели, с выводами из оценок литературных персонажей маститых критиков любого писателя, включая и тех, которые есть о произведениях Гоголя, соглашаемся часто. Как не поверить тем людям, для которых критика не только профессия, но и жизнь? Небезупречна и Уленька Бетрищева, дочь генерала. Наверное, в этом даже сомневаться не стоит. В её образе действительно хотелось бы видеть и знать больше того, что есть в тексте поэмы. А там мы не находим каких-либо её действий и

поступков за пределами её семьи, не видим её отношения к своему возлюбленному, к людям, её окружающим, к обществу... (О её положении в обществе ввиду её нежного возраста говорить не будем.) В образе Уленьки нет не то что каких-то сокровенных жизненных помыслов и устремлений в будущее, но и тайных, явных или даже самых смутных и туманных девичьих фантазий и мечтаний. Гоголь просто не успел это сделать в тех главах, которые нам сегодня известны. И это тоже, правда. Вместе с тем, даже отчасти согласившись с тем, что критик может видеть так, как он видит, поставим вопрос: а что же Розанов Василий Васильевич? Он же не в космосе и не в самоизоляции от мира сего жил и творил на границе веков? Ему ли не было известно о том, что второй том поэмы сожжён? Неужто он надеялся на то, что образ девушки будет широко раскрыт на тех трёх страницах Н.В. Гоголя, которые мы можем прочесть? Или он уповал на что-то другое?.. На что? Стоило ли ему, да и нам тоже надеяться на такую же полноту образа Уленьки как, например, Коробочки Настасьи Петровны, о которой мы можем прочесть целую главу в первом томе поэмы с «довеском» о её прибытии в город N?..

В.В. Розанов действительно всю жизнь боролся с Гоголем. (Кстати, и с собой он тоже всю жизнь боролся.) Всей мощью своего таланта

даровитого критика и блестящего стилиста Василий Васильевич всячески принижал творческие удачи Гоголя. Он искал и находил у него всё новые и новые промахи и даже оскорблял писателя, называя его «манекеном, моргающим глазами в бесплодных поисках смысла того, что он написал», «дьяволом» и даже «идиотом». Он так вжился в роль главного обвинителя писателя и проникся идеей сатанической интерпретации творчества Гоголя, что призывал себе на помощь даже крестную силу: «С нами крестная сила! чем оборониться от тебя?» – взывал он. Для полной ясности тем, кто не знает, скажем, или напомним, что вся эта безумная психическая атака вершилась Розановым тогда, когда Николая Васильевича уже не было в живых. Тем не менее, что будет любопытным знать тоже, тезис о том, что Гоголь направил русскую литературу «не в ту сторону» (расширять его не будем), с подачи этого критика стал живучим, и определённая часть литераторов этой идеей была «инфицирована» на десятилетия. Мы не будем вдаваться в детали этой борьбы, но приведём вам ещё один факт, теперь уже с другой полярностью. В 1918 году в письме к П.Б. Струве В.В. Розанов написал следующее: «Я всю жизнь боролся и ненавидел Гоголя: и в 62 года думаю: «Ты победил, ужасный хохол». Нет, он увидел русскую

душеньку в её «преисподнем содержании». Как видите, бывает и так. Конечно, мы ни в коем разе не имеем в виду, что критик, признавая своё поражение, изменил своё мнение и об образе генеральской дочери Ульяны Александровны. Этот факт мы лишь напоминаем вам, надеясь лишь на то, что он в чём-то повлияет и на ваше мнение об анализируемом нами вопросе.

И ещё одно. Если вам вдруг покажется, будто мы в чём-то недостаточно почтительны к нашим критикам, то тогда вспомните, что и они в нередких случаях почтительностью в отношении Гоголя совершенно не блещут. Это ничуть не значит, что мы собираемся «дружить» против кого-то. Так получилось, потому что жизни вне греха не существует. А перед критиками на самом деле мы чаще всего преклоняемся и завидуем им, хотя бы уже потому, что они знают несравненно больше нашего...

Ну а теперь продолжим о «страничках» Н.В. Гоголя с девушкой. Мы возвращаемся к тому моменту в тексте второй главы второго тома поэмы, когда в кабинет А.Д. Бетрищева входит его дочь – Уленька. В этом эпизоде, вынужденно повторимся, мы видим её глазами Чичикова и сразу же удивляемся тому, что, оказывается, Павел Иванович может воспринимать женщину уже не только сквозь при-

зму двухсот тысяч рублей приданого, как это было ранее, и было уже не раз.

В то мгновенье Чичиков «...смотрел на неё как оторопелый», – пишет Н.В. Гоголь. И мы понимаем, что Павлу Ивановичу эта девушка понравилась, он смотрел на неё уже не как на кошелёк с деньгами. Вместе с тем он не был бы Чичиковым, если бы тут же, очнувшись от созерцания столь приятной картинки, не позволил бы себе обратить внимание и на её несовершенства. Так, под его «прицелом» в образе этой милашки проявляется дефект в виде «недостатка толщины». Других критериев оценки женщин, которые П.И. Чичиков рассматривал в первой главе второго тома «Мёртвых душ», он даже не вспоминает. А «недостатком толщины» Павел Иванович здесь всего лишь подтверждает свою убеждённость в том, что даже образование не должно наносить вред полноте стана женщины, ибо только при наличии свежести и полноты дети родятся здоровыми... Удивительно, но и о молодой хозяйке «из купеческого сословия, однако ж, образованной и воспитанной, как дворянка» здесь он тоже уже не задумывается. Возможно, годы берут своё...

Если ещё раз заглянуть в первый том «Мёртвых душ», то на память приходят те слова, которые Н.В. Гоголь там писал о внутренних

ощущениях и предвкушениях приятной дамы города N. Там эта приятная женщина жаждала услышать «...что-то очень необыкновенное», а мы ведь помним и знаем, что идеал Павла Ивановича всегда выделялся повышенной чувственностью. Там Н.В. Гоголь сравнивал чувства той дамы с чувствами опытного охотника. Николай Васильевич пишет: «...подъезжая к лесу, из которого, знает, сию минуту выбежит заяц (охотник. – Г.Д.), обращается весь со своим конём и поднятым арапником в один застывший <миг>, в порох, к которому вот-вот поднесут огонь. Недвижен стоит он один <среди?> блистающей снежной равнины, сливающейся с горизонтом, а зимний суровый и упругий, как девичьи перси, холод дразнит и колет его молодую кровь, а ветер, поднявшись из лесу, метёт ему вихри снежного пуха в усы, в очи, в брови и в бобровую его шапку».

Павел Иванович Чичиков, как известно, был точно таким же и опытным, и неутомимым охотником во всех аспектах своей жизни и бизнеса. Мы напомнили вам об этом только потому, что Уленьку рассматривает не просто бизнесмен Чичиков, а многоопытный и очень азартный человек, который повидал на своём веку немало дамочек и девиц, а потому и способен здесь наиболее объективно оценить ту, которая вошла в кабинет своего отца.

Мы уже отмечали: Уленька «существо невиданное, странное». Это слова Гоголя. Теперь попытаемся понять, к чему же господин Чичиков здесь именно в толщину упёрся? Не в этом ли «невиданность или странность» девушки? Вспомним, что Чичиков «упёрся», но писал-то Гоголь Николай Васильевич. И мы уже точно ведь знаем, что Уленька стремительная, энергичная, стройная и воздушная девушка. Может быть, дело здесь в том что, как отмечено во второй редакции этого тома, Чичиков совсем недавно «имел, по мере надобности, обращенье с женщинами»? А те, должно быть, как раз и радовали его своими пышными формами, и потому ***недостаток толщины*** (выделено мною. – Г.Д.) у любых других женщин, по его мнению, и являлся весьма нежелательным дефектом. Понятное дело, что для ведения домохозяйства и воспитания детей Чичиков, конечно, мечтал иметь специально обученных людей, а потому и в своей будущей семье он мог ориентироваться исключительно на толстушку.

Наверное, делать такой разворот в сторону предпочтений Чичикова нам легче всего. Но где же автор? Тем более что мы уже видели немало его литературных героинь, которые чаще всего выглядят притягательными прелестницами со «спортивной» статью. Так вот. «Таинственная незнакомка, встречавшаяся с Гоголем

в Одессе в 1850–1851 годах и оставившая воспоминания о нём (они известны под названием «Записки неизвестной»), – пишет И.П. Золотусский, – не забыла упомянуть о пристрастии творца «Мёртвых душ» к женской полноте». А в одном из писем к Н.В. Гоголю А.М. Виельгорская однажды обмолвилась такой фразой: «Вы, которые столько любите, чтобы женщины были полны, сильны и свежего цвета лица...», что ещё раз подтверждает нами уже отмеченное. Надо сказать, что Анна Михайловна Виельгорская имела такой же «недостаток», как и Уленька. Она была очень худенькой девушкой. Подводя итог нашим пояснениям, мы склоняемся к выводу о том, что Н.В. Гоголь в осмыслении женской красоты свои собственные взгляды и предпочтения «делегировал» господину Чичикову, который так озаботился Уленькиной худобой. Могло быть такое? Вполне. Лишь бы это не помешало девушке в дальнейшей борьбе за своё будущее...

Продолжаем чтение второго тома поэмы и замечаем, как в глазах Уленьки отражаются то гнев, то огорчение, то внутренние смятения, то нетерпимость к несправедливости. Всё это происходит тогда, когда девушка слушает разговор отца с Чичиковым, а затем и сама вклинивается в него, чтобы по существу высказать собственное мнение. Здесь снова проявляются её бойкость

и уверенность в своей правоте, открытость, доброжелательность и чуткость, в чём мы вскоре убеждаемся и сами. Несколько ранее мы вам приводили цитату о глазах женщины, «...куда заехавши, уже никак оттуда не выедет человек». Точно такие же мы видим здесь и у Уленьки, и уже даже поэтому ещё больше понимаем влюбившегося в неё Тентетникова Андрея. И здесь снова заметим: правда в том, что других подобного рода примеров в творчестве Гоголя, где бы образ женщины открывался в столь коротком отрывке текста и помещал бы в себе такую широкую полосу самых живых и красочных чувств, проявляющихся во внешних и внутренних её характеристиках, – нет! Как же можно было тому же В.В. Розанову не заметить хотя бы этого? Для нас это совершенно непонятно.

Чичиков чувствует себя у Бетрищивых уверенно. Он и здесь выглядит объектом отдельного восхищения. По привычке он умело заискивает перед хозяином и превозносит отставного генерала, умаляет собственные достоинства, но и о своих пристрастиях к душам усопших – не забывает. По ходу беседы он виртуозно импровизирует, сочиняет побасёнку о том, как помещик Тентетников одержим историей генералов двенадцатого года, и тем самым ещё сильнее располагает Бетрищева к себе. «– Улинька! – восторженно заявляет ге-

нерал вошедшей девушке. – Павел Иванович сейчас сказал преинтересную новость. Сосед наш совсем не такой глупый человек, как мы полагали. Он занимается довольно важным делом...»

И что же девушка? «Улинька вдруг как бы ***вспыхнула и оживилась,*** – пишет Гоголь.– Да кто же думал, что он глупый человек? – проговорила она быстро. – Это мог думать разве один только Вишнепокромов, которому ты веришь, папа, который и пустой и низкий человек!» Эпитеты, которыми девушка наделяет Вишнепокромова, не оставляют здесь камня на камне. Он и «пустоват», и «подловат», и «гадковат», он даже «...обидел своих братьев и выгнал из дому родную сестру», заявляет она. «У тебя, отец, добрейшая душа и редкое сердце, но ты поступаешь так, что иной подумает о тебе совсем другое. Ты будешь принимать человека, о котором сам знаешь, что он дурён, потому что он только краснобай и мастер перед тобой увиваться». (Здесь нам снова вспоминается случай, когда Тентетников не стал «увиваться» перед генералом и тем самым лишил себя возможности наносить визиты в дом Бетрищевых.)

В справедливости же столь жёсткой и нелицеприятной её оценки Вишнепокромову легко убедиться, вернувшись к первым дням пребывания помещика Тентетникова в деревне

после его прибытия из столицы. Там, если вы помните, Н.В. Гоголь представителю всех полковников-брандеров Варвару Николаичу даёт короткую и меткую характеристику. Наверное, только он способен на то, чтобы одной фразой рассказать о человеке всё. Вот и здесь писатель отмечает, что Вишнепокромов – «...наиприятнейший во всех поверхностных разговорах обо всём» человек, который, если уж и приезжает к соседям, то лишь затем, чтобы «наговориться вдоволь, коснувшись и политики, и философии, и литературы, и морали, и даже состоянья финансов в Англии...» То есть это обычный болтун, пустомеля, словоблуд. В этот ряд можно легко добавить ещё 134 термина из словаря синонимов, и каждый из них для характеристики этого человека будет точным попаданием в яблочко.

Как случалось и ранее в новых для Чичикова коллективах, Павел Иванович у генерала нашёл время для шуток, прибауток и анекдотов. Здесь Н.В. Гоголь «погрузил» талант Павла Ивановича в строки, где тот рассказывает историю, иллюстрирующую суть поговорки «полюби нас чёрненькими, а беленькими нас всякий полюбит». (Возможно, это одна из тех историй, которую писатель когда-то слышал от М.С. Щепкина.) А по соображениям Чичикова из этой истории получился «преказусный

анекдот» и поэтому Павел Иванович рассказывает его генералу, как заметил Н.В. Гоголь, «с плутоватой улыбкой».

Суть анекдота такова. Судейские чиновники, не дождавшись радостного и хлебосольного приёма от управителя-немца, упекли этого ни в чём не повинного руководителя среднего звена в тюрьму, а впоследствии «сорвали» с несчастного за его освобождение две тысячи рублей и «угостительный обед». На этом обеде в угаре хмельного застолья они так поучали бедного немца жизни: «Ты всё бы хотел видеть нас прибранными, да выбритыми, да во фраках. Нет, ты *полюби нас чёрненькими, а беленькими нас всякий полюбит* (курсив Гоголя. – Г.Д.). Ха, ха, ха, и ха!»

Чичиков – неудержим. Он с упоением посвящает генерала в самые мелкие и уморительные, по его мнению, детали происшедшего с управителем-немцем. Рассказывает, как тот перед этими забавными для него событиями только что женился на «...институтке, молоденькой, субтильной (Чичиков выразил в лице своём субтильность)». И там, где жена управителя-немца, «неопытная молодая женщина», страдает, плачет, хлопочет, как бы вернуть себе мужа, – он заливается самодовольным смехом. Генерал Бетрищев хохочет и того больше. Уленька же страдает: «Улинька всплеснула руками»; «болезненно застонала Улинька»; «Гнев отемнил прекрасный лоб её... – Бесчестнейший поступок, за который я не знаю, куда бы их следовало всех услать...» – приводит её слова Н.В. Гоголь. «Улинька опустилась в кресла и закрыла рукой прекрасные глаза; как бы досадуя на то, что не с кем поделиться негодованием... Я не знаю, меня только берёт одна досада».

Вероятно, что за этим весельем мужчин Н.В. Гоголь видел такую глубину драматизма, о которой никто и не задумывался. Ведь «заодно они же смеются и над Евангелием, утверждающим, что грешный человек не менее дорог Господу, чем праведный, – комментирует этот эпизод И.П. Золотусский. – Несмотря на то, что афоризм о «чёрненьких и беленьких» озвучивают те, кто чуть не сгноил целую семью немца-управителя, слова эти, как горящие письмена на пиру Валтасара, бросают свет на всю поэму Гоголя».

«В самом деле, необыкновенно странны были своею противуположностью те чувства, которые родились в сердцах троих беседовавших людей. Одному была смешна неповоротливая ненаходчивость немца, – пишет Н.В. Гоголь. – Другому смешно было оттого, что смешно изворотились плуты. Третьему было грустно, что безнаказанно совершился

несправедливый поступок. (В эту минуту одна лишь Уленька даже не улыбнулась, а, как вы помните, лишь «...закрыла рукой прекрасные глаза». – Г.Д.) Не было только четвёртого, который задумался бы над этими словами, произведшими смех в одном и грусть в другом». Но четвёртый, как можно было бы нам здесь представить, всё-таки был, и это автор поэмы – Н.В. Гоголь, которому тяжелее всего была мысль о погибающей душе человека.

В этой главе, кроме того, что мы уже успели вам рассказать о девушке, Уленька произнесла ещё одну фразу. Вот она: «Папа, что с тобой случилось?» Разъяснение обстоятельств её произнесения мы приберегли для другой истории, которой коснёмся несколько позднее. А сейчас заметим, что, в конце концов, Чичикову удалось успешно завершить свою миссию по примирению Тентетникова с генералом. Мы с нетерпением ждём, что вот-вот перед нами взвихрится новая волна любви между Уленькой и Андреем, как она поднимется на небывалую высоту, как их жизнь расцветёт ярчайшими красками. Однако именно здесь нас поджидает горькое и жестокое разочарование. Последняя фраза главы выглядит так: «И генеральский смех (о тех же чёрненьких и беленьких. – Г.Д.) пошёл отдаваться вновь по генеральским покоям». На этом рукопись второй главы поэмы обрывается, а в других главах об Уленьке Бетрищевой от Н.В. Гоголя больше мы не увидим ни-че-го!

В первом издании второго тома «Мёртвых душ» (1855 год) есть примечание. Ввиду отсутствия других сведений приводим вам его полностью: «Здесь пропущено примирение генерала Бетрищева с Тентетниковым; обед у генерала и беседа их о двенадцатом годе; помолвка Улиньки за Тентетниковым; молитва её и плач на гробе матери; беседа помолвленных в саду. Чичиков отправляется, по поручению генерала Бетрищева, к родственникам его, для извещения о помолвке дочери, и едет к одному из этих родственников, полковнику Кошкарёву».

В нашем рассказе мы старались не пропустить ни одной из тех строк Н.В. Гоголя, где словами или всего лишь мимикой и жестами Ульяна Александровна Бетрищева выражала своё отношение к происходящему. Нам понятно, что любая реакция человека на чьи-то слова, пусть она даже будет жестом или взглядом, – это уже не монолог говорящего, а диалог между людьми. В наш рассказ мы включили размышления Н.В. Гоголя о девушке, а также раздумья о ней А.И. Тентетникова. И понятно, что у нас нет тех страниц второго тома, которые поглотил камин в доме графа А.П. Толсто-

го, хотя мы слышали и о версиях, что вторая часть поэмы Н.В. Гоголем якобы вообще не завершена или написана не была.

Наряду с этим у нас остаётся хоть какая-то возможность на некоторых событиях с участием Уленьки и Андрея из числа тех, что излагались на утраченных листах, остановиться. Не требуйте от нас изложения строгого и точного – оно покамест ещё не в нашей власти. Образ дочери генерала во второй главе поэмы действительно оказался лишь только слегка обозначенным автором в самом дальнем приближении, что открывает необозримые перспективы как для критики этого литературного образа, так и для критики писателя, его создавшего (и сжёгшего). Разумеется, разобиженные фанаты Гоголя, безапелляционно верящие в святость своего кумира и его талант, к которым мы смущённо примыкаем и сами, смертельно возмущены поруганием святыни (читай – критикой образа девушки). Здесь у нас, наверное, того же разлива гнев, что и у красавицы-депутатки Натальи Поклонской в отношении «Матильды». Депутат Наталья Владимировна, как вы помните, не видела фильма «Матильда», но с первой минуты активизации этой темы находила его плохим и вредным. Мы же больше того, что прочли во второй главе об Уленьке, у Гоголя не нашли, зато подобно прокурорше

считаем и верим, что и ранее сожжённое автором было написано о ней восхитительно!

Нам не всегда дано понимать новое, и так бывает нередко. Ровно это, как утверждает Ю.Н. Говорухо-Отрок, случилось с нашим отношением к наследию Н.В. Гоголя: «Он (Гоголь. – Г.Д.) слишком велик и вместе с тем слишком близок к нам. Его трудно рассмотреть всего, как невозможно рассмотреть весь Исаакиевский собор, подойдя к нему слишком близко. Для этого нужно отойти на известное расстояние, точно так же, как необходимо, чтобы Гоголь отошёл от нас на известное расстояние, а пока этого нет, его ещё долго будут видеть по частям, а не всего сразу, во всей его совокупности».

Есть критики, считающие Уленьку «иллюзией женщины» или «аналогом губернаторской дочки». Поэтому мы губернаторскую дочку в восприятии Чичикова здесь и упоминали. Человеческий мозг действительно способен создавать видимость того, чего не существует, как и не замечать очевидное. Думаем, что в отношении «иллюзии» критики погорячились. Что же касается губернаторской дочки, то она действительно похожа на Уленьку. Этих литературных героинь и впрямь объединяют молодость, свежесть и девичья чистота, в чём они поразительно сходны. Возникает вопрос: а в

чём бы эти юные создания могли бы быть не похожими? В их толщине или в каких-то других физических несовершенствах? Конечно, смешно...

«Великие психологи и те не могли понять, где кончается гениальность и начинается безумие», – писал Сальвадор Дали. Может быть, это и критиков касается? Вспомните, как Уленька в присутствии Чичикова возмущалась отцовским смехом. «Болезненное чувство выразилось на благородном, милом лице девушки, – пишет Гоголь. – Ах, папа! Я не понимаю, как ты можешь смеяться! На меня эти бесчестные поступки наводят уныние и ничего более. Когда я вижу, что в глазах совершается обман в виду всех и не наказываются эти люди всеобщим презреньем, я не знаю, что со мной делается, я на ту пору становлюсь зла, даже дурна: я думаю, думаю... – И чуть сама не заплакала».

При встрече с губернаторской дочерью в строках Н.В. Гоголя мы тоже видим совсем не бездушную и вышколенную красавицу и не вертихвостку. Пробегая глазами по строкам с её описанием, мы ничего не замечаем и не узнаём о её нарядах или украшениях. Губернаторская дочка предстаёт перед нами естественной, юной, ещё не умеющей кокетничать девочкой. Именно такова женщина в идеале, но именно такой её в жизни встретить трудно, ибо промежуток, где она уже не ребёнок, но ещё и не взрослая дама или даже девица на выданье, слишком короток. Другие барышни и даже крестьянки Н.В. Гоголя уже умеют хорошо «подавать» себя, наряжаться, умеют лгать или приукрашивать, и этими качествами их сущность мастерски искажена автором до того состояния, в котором он их замыслил и исполнил для того, чтобы представить нам участницами тех или иных событий.

И надо заметить, что простоту и естественность губернаторской дочки замечает даже Чичиков, и именно это ему кажется очень привлекательным в этой маленькой дамочке, хотя и он понимает, что она обречена стать такой же, как и остальные дамы известного города N. Встреча с ней раскрыла в Чичикове некий духовный потенциал. Он осознаёт её прелесть и очарование, на что жизнь, общество, окружение ещё не наложили своего стандартного отпечатка. (Согласитесь, что именно это мы действительно можем сказать и об Уленьке.) Тем не менее Чичиков уже давно привык к другой шкале ценностей – отсюда и его пошлость относительно женщины, отсюда и все его прежние «стандартные» размышления из первого тома поэмы о том, что «если, положим, этой девушке да придать тысячонок двести приданого, из неё бы мог выйти очень, очень лако-

мый кусочек». Такой гастрономизм полностью разрушает саму тенденцию к его выходу из заколдованного круга любви к вещам и деньгам. Однако здесь мы ещё раз заострим ваше внимание: губернаторская дочка и её восприятие Чичиковым – это первый том «Мёртвых душ». Во втором – Чичиков уже другой. Персонажи тоже другие.

Вернёмся же к словам писателя о болезненных чувствах на благородном лице Уленьки, её возмущении смехом отца-генерала и их неожиданного гостя Чичикова над чужим горем и бесчестных поступках судейских чиновников. Здесь мы вынужденно даже повторим её слова: «Когда я вижу, что в глазах совершается обман в виду всех и не наказываются эти люди всеобщим презреньем, я не знаю, что со мной делается, я на ту пору становлюсь зла, даже дурна: я думаю, думаю... – И чуть сама не заплакала».

Вспомните, что ни в одной строке, ни в одном слове вы не увидели, чтобы губернаторская дочка нелицеприятно высказывалась или даже заикнулась с критикой в отношении своего папеньки-губернатора или маменьки-губернаторши. Такого вы не найдёте. Но в этом-то и ещё одно важное различие этих девушек, и оно весьма существенное. Уленька имеет своё собственное мнение, она не скрывает его, и мы совершенно оправданно можем полагать, что она умеет его отстаивать, невзирая на авторитет лиц, её окружающих.

И ещё одно. Последняя здесь цитата из рукописи Гоголя, о слезах Уленьки, что так сильно не понравились господину критику В.В. Розанову, заставляют нас вспомнить одну из строк письма Николая Васильевича Гоголя к Анне Михайловне Виельгорской. «Ведь вы нехороши собой», – написал он, а далее продолжил: «Вы бываете хороши только тогда, когда в лице вашем является благородное движенье; видно, черты лица вашего затем уж так устроены, чтобы выражать благородство душевное: как скоро же нет у вас этого выражения, вы становитесь дурны». Сейчас мы их пока лишь сопоставляем с фразой Уленьки Бетрищевой: «...я не знаю, что со мной делается, я на ту пору становлюсь зла, даже дурна: я думаю, думаю...»

Рассуждая о дочери генерала Бетрищева, мы никак не сможем пройти мимо другой интересной женщины. Запомните её имя – Виельгорская Анна Михайловна, графиня... Она не является литературной героиней второго тома поэмы, но нам, размышляя об этом томе, без неё не обойтись. Однако о ней пока ещё говорить рано...

ГЛАВА IV. КАК ХОРОШО, ЧТО ПАМЯТЬ ЛЬВА НЕ ПОДВЕЛА

О времени, когда Уленька стала счастливой

Как нам удалось выяснить, и мы уже это отмечали, имя «Улинька» (именно так оно было автором поэмы написано) впервые и с особым ударением на его русском характере Н.В. Гоголь упоминал в письме из Неаполя к супругам Данилевским от 18 марта 1847 года. Здесь мы добавим лишь несколько строк с некоторыми обстоятельствами его появления в том тексте. «А вас прошу, – писал Гоголь Данилевскому, – моя добрая Юлия, или по-русски Улинька, что звучит ещё приятней (вашего отечества вы не захотели мне объявить, желая остаться и в моих мыслях под тем же именем, каким называет вас супруг ваш), вас прошу, если у вас будет свободное время в вашем доме, набрасывать для меня слегка маленькие портретики людей, которых вы знали или видаете теперь...» Заметим, что в том случае писатель ошибся. На самом деле супругу Данилевского звали Ульяной (Иулианией), а не Юлией. Это, во-первых. А во-вторых, к тому времени, когда Н.В. Гоголь это писал, с Ульяной Григорьевной Данилевской он ещё знаком не был. Поэтому во втором томе поэмы писатель для своей литературной героини, скорее всего, использовал всего лишь понравившееся ему женское имя. И хотя повторимся, но всё же подчеркнём, что все эти обстоятельства ничуть не приближают, а напротив, отдаляют госпожу У.Г. Данилевскую от того, чтобы «зачислять» её кандидатом в прототипы юной дочери генерала Бетрищева. Позднее в такие кандидаты мы предложим вам других соискателей.

Далее если вы нам позволите, ну а если даже и не позволите, то мы всё же попытаемся навязать вам страничку, на которой зачем-то устремимся к оракулу нашей восхитительной современности – к Интернету. Давайте бегло просмотрим его находки «в районе» антропонимики. Мы представим вам лишь некоторые идеи о происхождении приглянувшегося Н.В. Гоголю имени, беспощадно сократив их содержание.

Ульяна – русское имя латинского происхождения. Julianus – «Юлиев» или «принадлежащий Юлию». Существует и такая версия, что имя Юлия – это латинизированный вариант

имени Ульяна (Иулиана), и это не разные имена, а одно и то же. Это имя могло бы происходить и от Julius, что в данном случае означает «пушистая» или «кудрявая». Его ангел-хранитель и покровитель – святая мученица Иулия. Имя Улина указывает на предрасположенность к жизни подвижника. Там приводятся и другие объяснения, которые как каждое по отдельности, так и в общей совокупности для постижения выбора Н.В. Гоголя нам ничего не добавляют. Всем и так понятно, что стоит лишь открыть страничку Всемирной паутины, и тогда не только происхождение имени, но и судьба его носителя будет проступать перед глазами любознательного читателя по всей дистанции его жизненного пути вплоть до того возраста, куда даже чемпиону среди долгожителей доползти нереально.

Так получается и с Уленькой. Чего мы только там о её имени не начитались: на энциклопедию потянет! И жажду к самосовершенствованию нашли, и способность на отречение от личного счастья ради другого человека, что, кстати, применительно к воспоминаниям тех людей, которые слышали от Гоголя главы второго тома поэмы, вполне подходит. Ульянам, Улям, Улечкам, Уленькам, Ульянкам предсказывается стремление к доброте и щедрости, умение уживаться с людьми самых разных

типажей, успех в достижении поставленных целей, общественное признание, судьбу быть любимой... А вот Юлии, как оказалось, плохо относятся к тем мужчинам, которые не ценят их женское мнение. Кроме того, Юлии, как утверждают прорицатели обозначенного нами профиля, почти что ненавидят завистливых и хитрых людей, избегают тех, кто склонен к корысти и обману...

Согласитесь, как бы забавно было нам обнаружить утверждения, если бы в подобных пророчествах мы наткнулись и на таких Юличек или Улечек, которые не хотели бы быть желанными, возбуждались от любви к завистливым подругам или сохли по лживым и корыстолюбивым мужчинам. В общем, пройдясь по страницам Интернета, мы сочинили здесь парочку таких абзацев, которые, как вы понимаете, не имеют ни малейшего касательства, ни к Гоголю Николаю Васильевичу, ни к его литературной героине дочери генерала Бетрищева. Зачем мы такой оборот выдумали и нашли – сами не ведаем, но больше фантазировать об отношении Гоголя к именам, иным версиям их возникновения, предсказаниям или опасностям для тех, кто дрожит от пророчеств из глубин созвездий Зодиака, мы уже не будем. Успокоимся на том, что такое имя девушке дал сам писатель.

Подчеркнём ещё раз, что все строки Н.В. Гоголя о девушке Уленьке из числа тех, что сохранились в рукописях, – мы уже прочли. Больше о ней «от Гоголя» ничего нет. С целью углубления наших знаний и поддержания дальнейшего читательского интереса к её персоне у нас остаются возможности ознакомиться с воспоминаниями тех современников Николая Васильевича, которым писатель сам читал те главы второго тома поэмы, что закончили своё существование в камине графа Толстого.

И, кстати сказать, утром следующего после сожжения рукописи дня Гоголь говорил графу: «Вот что я сделал! Хотел было сжечь некоторые вещи, давно на то приготовленные, а сжёг всё. Как лукавый силён – вот он к чему меня подвинул! А я было там много дельного уяснил и изложил... Думал разослать друзьям на память по тетрадке: пусть бы делали, что хотели. Теперь всё пропало». Трагедии в этих словах писателя, как нам здесь почему-то показалось, совсем не чувствуется. Наверное, в них есть лишь досада от происшедшего, а может быть, даже и безразличие уставшего от жизни человека. Возможно, что такое настроение в предчувствии близкой смерти у Николая Васильевича и правда тогда уже преобладало. Как бы то ни было, но современники писателя не раз

заявляли: в разговоре с ними Гоголь твердил, что хотел сжечь только черновики и ненужные бумаги, а второй том «Мёртвых душ» был им уничтожен по его недосмотру. И как мы знаем, спустя девять дней после той роковой, может быть, и правда ошибки, писатель умер. Подчеркнём только одно: слова, которые мы привели вам в форме прямой речи писателя, слышал только один человек – граф, и это уже позволяет нам иметь, по крайней мере при себе, сомнения...

А для того чтобы хотя бы опосредованно прикоснуться к литературным образам и событиям, запечатлённым на утраченных страницах и в главах рукописи второго тома «Мёртвых душ» мы в первую очередь обратимся к воспоминаниям Льва Ивановича Арнольди. Об этом человеке известно совсем немного. Арнольди был младшим братом (по матери) Александры Осиповны Смирновой-Россет, состоявшей в тесной дружбе с Н.В. Гоголем на протяжении многих лет. Известно, что какое-то время Л.И. Арнольди служил чиновником при калужском губернаторе – её муже. Он неоднократно встречался с писателем, вместе с ним ездил к своей сестре в Калугу. Может быть, кому-то будет интересно прочитать, что в Калуге на Золотарёвской улице (ныне это улица Пушкина) Лев Ивано-

вич проживал в то же самое время и в том же самом доме, что и семья Корвин-Крюковских. Будет не лишним знать и нам, что их дочь, Софья Васильевна (по мужу – Ковалевская), впоследствии стала выдающимся математиком мирового уровня, первой в истории женщиной-профессором и членом корреспондентом Петербургской академии наук.

С Гоголем Арнольди познакомился у своей сестры Александры (этой дивной женщине мы посвятим отдельную главу) и был в числе тех немногих людей, которым Николай Васильевич читал некоторые главы впоследствии сожжённого второго тома «Мёртвых душ». В литературоведении эти события часто и по праву называют «Калужскими чтениями». Ценность мемуаров Л.И. Арнольди, как это принято считать, состоит в том, что его пересказ является наиболее полным и детальным. Лев Иванович описываемые им события относил к концу июня – началу июля 1849 года. Считаем важным также обратить ваше внимание и на то, что записи Л.И. Арнольди и обширные выдержки из них мы приводим вам в его авторском изложении. Это оправдано тем, что пересказывать чьи бы то ни было воспоминания 170-летней давности своими словами – значит ещё больше отдалять так давно им услышанное от прочитанного самим

писателем. Далее мы помещаем большущую выдержку из его рассказа о содержании второго тома «Мёртвых душ» («Моё знакомство с Гоголем»). Просим вас не обижаться на нас, поскольку это давно известная многим нашим читателям перепечатка ранее изданных воспоминаний с небольшими сокращениями.

«Сестра села за пяльцы, я покойно поместился в кресле против Гоголя, и он начал читать нам сначала ту первую главу второго тома, которая вышла в свет после его смерти уже, – пишет Л.И. Арнольди. – Сколько мне помнится, она начиналась иначе и вообще была лучше обработана, хотя содержание было то же. Хохотом генерала Бетрищева оканчивалась эта глава, а за нею следовала другая, в которой описан весь день в генеральском доме. Чичиков остался обедать. К столу явились, кроме Уленьки, ещё два лица: англичанка, исправлявшая при ней должность гувернантки, и какой-то испанец или португалец, проживавший у Бетрищева в деревне с незапамятных времён и неизвестно для какой надобности. Первая была девица средних лет, существо бесцветное, некрасивой наружности, с большим тонким носом и необыкновенно быстрыми глазами. Она держалась прямо, молчала по целым дням и только беспрерывно вертела глазами в разные стороны

с глупо-вопросительным взглядом. Португалец, сколько я помню, назывался Экспантон, Эситендон или что-то в этом роде; но помню твёрдо, что вся дворня генерала называла его просто – Эскадрон. Он тоже постоянно молчал, но после обеда должен был играть с генералом в шахматы. За обедом не произошло ничего необыкновенного. Генерал был весел и шутил с Чичиковым, который ел с большим аппетитом, ***Уленька была задумчива, и лицо её оживлялось только тогда, когда упоминали о Тентетникове».*** (У нас больше нет других возможностей, кроме как через воспоминания участников гоголевских чтений найти хоть какие-то детали, расширяющие образ Уленьки, поэтому здесь и далее некоторые из фраз о ней выделены мною. – Г.Д.) «После обеда генерал сел играть с испанцем в шахматы и, подвигая шашки вперёд, беспрерывно...» вспоминал историю о «чёрненьких и беленьких».

«После нескольких партий с испанцем генерал предложил Чичикову сыграть одну или две партии, и тут Чичиков выказал необыкновенную ловкость. Он играл очень хорошо, затруднял генерала своими ходами, и кончил тем, что проиграл; генерал был очень доволен тем, что победил такого сильного игрока, и ещё более полюбил за это Чичикова. Прощаясь с ним, он просил его возвратиться скорее и привезти с собою Тентетникова. Приехав к Тентетникову в деревню, Чичиков рассказывает ему, ***как грустна Уленька,*** как жалеет генерал, что его не видит, что генерал совершенно раскаивается, и, чтобы кончить недоразумение, намерен сам первый к нему приехать с визитом и просить у него прощения. Всё это Чичиков выдумал.

Но Тентетников, влюблённый в Уленьку, разумеется, радуется предлогу и говорит, что если всё это так, то он не допустит генерала до этого, а сам завтра же готов ехать, чтобы предупредить его визит. Чичиков это одобряет, и они условливаются ехать вместе на другой день к генералу Бетрищеву. Вечером того же дня Чичиков признается Тентетникову, что соврал, рассказав Бетрищеву, что будто бы Тентетников пишет историю о генералах. Тот не понимает, зачем это Чичиков выдумал, и не знает, что ему делать, если генерал заговорит с ним об этой истории. Чичиков объясняет, что и сам не знает, как это у него сорвалось с языка; но что дело уже сделано, а потому убедительно просит его, ежели он уже не намерен лгать, то чтобы ничего не говорил, а только бы не отказывался решительно от этой истории, чтоб его не скомпрометировать перед генералом. За этим следует поездка их в деревню ге-

нерала; встреча Тентетникова с Бетрищевым, с Уленькой и, наконец, обед. Описание этого обеда, по моему мнению, было лучшее место второго тома. Генерал сидел посредине, по правую его руку Тентетников, по левую Чичиков, подле Чичикова Уленька, подле Тентетникова испанец, а между испанцем и Уленькой англичанка; все казались довольны и веселы. Генерал был доволен, что помирился с Тентетниковым и что мог поболтать с человеком, который пишет историю отечественных генералов; Тентетников тем, что почти против него сидела Уленька, с которою он по временам встречался взглядами; ***Уленька была счастлива тем, что тот, кого она любила, опять с ними и что отец опять с ним в хороших отношениях,*** и наконец, Чичиков был доволен своим положением примирителя в этой знатной и богатой семье. Англичанка свободно вращала глазами, испанец глядел в тарелку и поднимал свои глаза только тогда, как вносили новое блюдо. Приметив лучший кусок, он не спускал с него глаз во всё время, покуда блюдо обходило кругом стола, или покуда лакомый кусок не попадал к кому-нибудь на тарелку. После второго блюда генерал заговорил с Тентетниковым о его сочинении и коснулся 12-го года. Чичиков струхнул и со вниманием ждал ответа. Тентетников ловко

вывернулся. Он отвечал, что не его дело писать историю кампании, отдельных сражений и отдельных личностей, игравших роль в этой войне, что не этими геройскими подвигами замечателен 12-й год, что много было историков этого времени и без него; но что надобно взглянуть на эту эпоху с другой стороны; важно, по его мнению, то, что весь народ встал как один человек в защиту отечества; что все расчёты, интриги и страсти умолкли на это время; важно, как все сословия соединились в одном чувстве любви к отечеству, как каждый спешил отдать последнее своё достояние и жертвовал всем для спасения общего дела; вот что важно в этой войне, и вот что желал он описать в одной яркой картине, со всеми подробностями этих невидимых подвигов и высоких, но тайных жертв! Тентетников говорил довольно долго и с увлечением, весь проникнулся в эту минуту чувством любви к России.

Бетрищев слушал его с восторгом, и в первый раз такое живое, тёплое слово коснулось его слуха. Слеза, как бриллиант чистейшей воды, повисла на седых усах. Генерал был прекрасен; ***а Уленька? Она вся впилась глазами в Тентетникова, она, казалось, ловила с жадностью каждое его слово, она, как музыкой, упивалась его речами, она любила его, она гордилась им!*** Испанец

ещё более потупился в тарелку, англичанка с глупым видом оглядывала всех, ничего не понимая. Когда Тентетников кончил, водворилась тишина, все были взволнованы... Чичиков, желая поместить и своё слово, первый прервал молчание: «Да, сказал он, страшные холода были в 12-м году!». – «Не о холодах тут речь», заметил генерал, взглянув на него строго. Чичиков сконфузился. Генерал протянул руку Тентетникову и дружески благодарил его; но ***Тентетников был совершенно счастлив тем уже, что в глазах Уленьки прочёл себе одобрение.*** История о генералах была забыта. День прошёл тихо и приятно для всех. – После этого я не помню порядка, в котором следовали главы; помню, что после этого дня ***Уленька решилась говорить с отцом своим серьёзно о Тентетникове. Перед этим решительным разговором, вечером, она ходила на могилу матери и в молитве искала подкрепления своей решимости. После молитвы вошла она к отцу в кабинет, стала перед ним на колени и просила его согласия и благословения на брак с Тентетниковым. Генерал долго колебался и, наконец, согласился.***

Был призван Тентетников, и ему объявили о согласии генерала. Это было через несколько дней после мировой. Получив согласие, ***Тентетников, вне себя от счастия,*** он оставил на минутку Уленьку и выбежал в сад. Ему нужно было остаться одному, с самим собою: ***счастье его душило!..*** Тут у Гоголя были две чудные лирические страницы. – В жаркий летний день, в самый полдень, Тентетников – в густом, тенистом саду, и кругом его мёртвая, глубокая тишина. Мастерскою кистью описан был этот сад, каждая ветка на деревьях, палящий зной в воздухе, кузнечики в траве, и все насекомые, и, наконец, всё то, что чувствовал ***Тентетников, счастливый, любящий и взаимно любимый!*** – Я живо помню, что это описание было так хорошо, в нём было столько силы, колорита, поэзии, что у меня захватило дыхание. Гоголь читал превосходно! ***В избытке чувств от полноты счастья, Тентетников плакал и тут же поклялся посвятить всю свою жизнь своей невесте.*** В эту минуту в конце аллеи показывается Чичиков. Тентетников бросается к нему на шею и благодарит его. «Вы мой благодетель, вам обязан я моим счастьем; чем могу возблагодарить вас?.. всей моей жизни мало для этого...»

У Чичикова в голове тотчас блеснула своя мысль: «Я ничего для вас не сделал; это случай, – отвечал он, – я очень счастлив, но вы легко можете отблагодарить меня!» – «Чем,

чем? – повторял Тентетников, – скажите скорее, и я всё сделаю». Тут Чичиков рассказывает о своём мнимом дяде и о том, что ему необходимо хотя на бумаге иметь 300 душ. (С восхищением замечаем: Чичиков снова идёт на риск. Какой смельчак! – Г.Д.) «Да зачем же непременно мёртвых? – говорит Тентетников, не хорошо понявший, чего собственно добивается Чичиков. – Я вам на бумаге отдам все мои 300 душ, и вы можете показать наше условие вашему дядюшке, а после, когда получите от него имение, мы уничтожим купчую». Чичиков остолбенел от удивления. «Как? вы не боитесь сделать это?.. вы не боитесь, что я могу вас обмануть... употребить во зло ваше доверие?» Но Тентетников не дал ему кончить. «Как? – воскликнул он, – сомневаться в вас, которому я обязан более чем жизнью!» Тут они обнялись, и дело было решено между ними. Чичиков заснул сладко в этот вечер. На другой день в генеральском доме было совещание, как объявить родным генерала о помолвке его дочери, письменно или через кого-нибудь, или самим ехать. Видно, что Бетрищев очень беспокоился о том, как примут княгиня Зюзюкина и другие знатные его родные эту новость. Чичиков и тут оказался очень полезен: он предложил объехать всех родных генерала и известить о помолвке Уленьки и Тентетникова. Разумеется, он имел в виду при этом всё те же мёртвые души. Его предложение принято с благодарностью. Чего лучше? – подумал генерал, – он человек умный, приличный; он сумеет объявить об этой свадьбе таким образом, что все будут довольны».

«Генерал для этой поездки предложил Чичикову дорожную двухместную коляску заграничной работы, – продолжает Л.И. Арнольди, – а Тентетников четвёртую лошадь. Чичиков должен был отправиться через несколько дней. С этой минуты на него все стали смотреть в доме генерала Бетрищева как на домашнего, как на друга дома. Вернувшись к Тентетникову, Чичиков тотчас же позвал к себе Селифана и Петрушку и объявил им, чтоб они готовились к отъезду. Селифан в деревне Тентетникова совсем изленился, спился и не походил вовсе на кучера, а лошади совсем оставались без присмотра. Петрушка же совершенно предался волокитству за крестьянскими девками. Когда же привезли от генерала лёгкую, почти новую коляску и Селифан увидел, что он будет сидеть на широких козлах и править четырьмя лошадьми в ряд, то все кучерские побуждения в нём проснулись, и он стал с большим вниманием и с видом знатока осматривать экипаж и требовать от генеральских людей разных запасных винтов и таких ключей, каких даже никогда и

не бывает. Чичиков тоже думал с удовольствием о своей поездке: как он разляжется на эластических с пружинами подушках и как четверня в ряд понесёт его лёгкую, как пёрышко, коляску.

Вот всё, что читал при мне Гоголь из второго тома «Мёртвых душ». Сестре же моей он прочёл, кажется, девять глав». (По свидетельству современников Н.В. Гоголя, во втором томе «Мёртвых душ», как и в первом, было 11 глав. – Г.Д.)

«Удивительно было описано их счастие...»

«Она (то есть сводная сестра Л.И. Арнольди – А.О. Смирнова-Россет, и мы продолжаем знакомить вас с воспоминаниями Льва Ивановича. – Г.Д.) рассказывала мне после, что удивительно хорошо отделано было одно лицо в одной из глав; это лицо: эмансипированная женщина-красавица, избалованная светом, кокетка, проведшая свою молодость в столице, при дворе и за границей. Судьба привела её в провинцию; ей уже за тридцать пять лет, она начинает это чувствовать, ей скучно, жизнь ей в тягость. В это время она встречается с везде и всегда скучающим Платоновым, который также израсходовал всего себя, таскаясь по светским гостиным. Им обоим показалась

их встреча в глуши, среди ничтожных людей, их окружающих, каким-то великим счастием; они начинают привязываться друг к другу, и это новое чувство, им незнакомое, оживляет их; они думают, что любят друг друга, и с восторгом предаются этому чувству. Но это оживление, это счастие было только на минуту, и через месяц после первого признания они замечают, что это была только вспышка, каприз, что истинной любви тут не было, что они и не способны к ней, и затем наступает с обеих сторон охлаждение и потом опять скука и скука, и они, разумеется, начинают скучать в этот раз ещё более, чем прежде. Сестра уверяла меня, а С.П. Шевырёв подтвердил, – продолжает Л.И. Арнольди, – что характер этой женщины и вообще вся её связь с Платоновым изображены были у Гоголя с таким мастерством, что ежели это правда, ***то особенно жаль,*** что именно эта глава не дошла до нас, ***потому что мы все остаёмся теперь в том убеждении, что Гоголь не умел изображать женские характеры; и действительно, везде, где они являлись в его произведениях, они выходили слабы и бледны. Это было замечено даже всеми критиками».*** (Выделено мною. – Г.Д.)

Здесь мы хотели бы обратить ваше внимание на два последних предложения из при-

ведённых ранее записей Арнольди, поскольку женские литературные образы Н.В. Гоголя действительно чаще других попадали и попадают в зону критики. Чего стоит одна лишь наша Уленька, нападки на образ которой не прекращались и, наверное, не будут прекращаться никогда. В этой связи здесь мы отмечаем, что если мнением А.О. Смирновой-Россет даже сейчас можно ещё в чём-то пренебречь, то оценку такого маститого литератора, каким являлся С.П. Шевырёв, нам совершенно ни к чему упускать из виду. А она, как вы видите, абсолютно противоположна тем, которые мы имеем от господина В.В. Розанова и его соратников.

«Когда Гоголь окончил чтение, – пишет Л.И. Арнольди, – то обратился ко мне с вопросом. «Ну, что вы скажете? Нравится ли вам?» – «Удивительно, бесподобно! – воскликнул я. – В этих главах вы гораздо ближе к действительности, чем в первом томе; тут везде слышится жизнь, как она есть, без всяких преувеличений; а описание сада – верх совершенства». – «Ну, а не сделаете ли вы мне какого-либо замечания? Нет ли тут вещи, которая бы вам не совсем понравилась?» – возразил снова Гоголь. Я немного подумал и откровенно отвечал ему, что Уленька кажется мне лицом немного идеальным, бледным, неоконченным. «К тому же, – прибавил я, – вы

изобразили её каким-то совершенством, а не говорите между тем, отчего она вышла такою, кто в этом виноват, каково было её воспитание, кому она этим обязана... Не отцу же своему и глупой молчаливой англичанке». Гоголь немного задумался и прибавил: «Может быть, и так. Впрочем, ***в последующих главах она выйдет у меня рельефнее. Я вообще не совсем доволен; ещё много надо будет дополнить, чтобы характеры вышли покрупнее».*** (Выделено мною. – Г.Д.)

Он не был доволен, а мне казалось, что я не выбросил бы ни единого слова, не прибавил ни одной черты: так всё было обработано и окончено, кроме одной Уленьки».

Здесь мы снова говорим о том факте, о котором уже не раз напоминали вам. Разве мы вправе безоглядно говорить о достоинствах или недостатках того или иного литературного образа, располагая всего лишь отдельными страницами авторского текста о нём? Конечно же, нет. Надеемся, что вы думаете так же, как и мы.

Заметим, что Л.И. Арнольди описывает свои впечатления об услышанном от Гоголя содержании «Мёртвых душ» в июне – июле 1849 года. Поэтому добавим к выше обозначенным им событиям и ещё одну деталь. Сводная сестра Льва Ивановича А.О. Смирнова-Россет уже

1 августа того же года, отвечая Н.В. Гоголю на его письмо, из той же Калуги, ему советует: «Уленьку немного сведите с идеала и дайте работу жене Костанжогло: она уже слишком жалка. А впрочем, всё хорошо». Сравнивая последующую переработку Н.В. Гоголем тех мест, где появлялась Уленька, многие литературоведы пришли к выводу, что писатель советам и Арнольди, и Смирновой по корректировке образа девушки в дальнейшем последовал и отдельные моменты её пребывания на сюжетной сцене поэмы изменил.

К теме о событиях, по всей вероятности, действительно входивших в утраченные главы рукописи и ставших известными нам по воспоминаниям современников Н.В. Гоголя, добавим следующее. А.О. Смирнова-Россет, излагая П.А. Кулишу содержание читанных ей Гоголем глав второго тома «Мёртвых душ», отмечала и другие эпизоды, отсутствующие в сохранившемся тексте. «В нём очень многого недостаёт, – писала она, – даже в тех сценах, которые остались без перерывов. Так, например, анекдот о чёрненьких и беленьких рассказывается генералу во время шахматной игры, в которой Чичиков овладевает совершенно благосклонностью Бетрищева; в домашнем быту генерала пропущены лица – пленный французский капитан эскадры и гувернантка англичанка.

(Здесь очевиден повтор рассказа Л.И. Арнольди. – Г.Д.) В дальнейшем развитии поэмы недостает описания деревни Вороного-Дрянного, из которой Чичиков переезжает к Костанжогло. Потом нет ни слова об имении Чегранова, управляемом молодым человеком, недавно выпущенным из университета. Тут Платонов, спутник Чичикова, ко всему равнодушный, заглядывается на портрет, а потом они встречают у брата генерала Бетрищева живой подлинник этого портрета, и начинается роман, из которого Чичиков, как из всех других обстоятельств, каковы б они ни были, извлекает свои выгоды».

Главы с возвращением к рассказу об Уленьке и Тентетникове калужская редакция 1848–1849 годов, вероятно, не знала, считают гоголеведы. И напротив, новые главы, то есть те, что Н.В. Гоголь привёз из Одессы в Москву в июле 1851 года, такую тему уже в себе содержали. О ней со слов Шевырёва князь Оболенский передаёт следующее: «В то время, когда Тентетников, пробуждённый от своей апатии влиянием Уленьки, блаженствует, будучи её женихом, его арестовывают и отправляют в Сибирь; этот арест имеет связь с тем сочинением, которое он готовил о России, и с дружбой с недоучившимся студентом... Оставляя деревню и прощаясь с крестьянами, Тентет-

ников говорит им прощальное слово (которое, по словам Шевырёва, было замечательное художественное произведение). Уленька следует за Тентетниковым в Сибирь, – там они венчаются и проч.».

Существует версия, что эти слова князя упоминаются в связи с прочтением им текста Н.Ф. Ястржембского в первой книжке «Русской старины» за 1872 год, где автор свой собственный текст выдавал за найденную им рукопись Н.В. Гоголя. В редакции «Русской старины» долго не могли поверить, что опубликованные ими отрывки являются литературной подделкой, – настолько талантливо они были написаны. Издатели были убеждены, что за каждой опубликованной ими фразой стоял настоящий Гоголь. Оказалось же, что на самом деле вместо Гоголя там «стоял» действительно умный и симпатичный человек, полковник Корпуса инженеров путей сообщения Николай Феликсович Ястржембский. И уже тогда князь Д.А. Оболенский тот абзац, который вы только что прочли, начинал так: «Ежели г. Ястржембский желает продолжать свою забаву, то я могу указать ему ещё несколько мотивов из последних глав второй части, о которых г. Арнольди не упоминает, но которые я слышал от Шевырёва». А потом уже шло прочтённое вами ранее:

«В то время...» и далее по тексту. (См. об этом двумя абзацами выше.)

Отметим, что высокопоставленный чиновник князь Д.А. Оболенский в тот период был особенно близок к славянофилам и в литературной среде чувствовал себя достаточно свободно и уверенно. Он часто встречался с Н.В. Гоголем, входил в число его слушателей на авторских чтениях глав второго тома «Мёртвых душ», а позднее стал активным участником разрешения всех трудностей, связанных с изданием собрания сочинений писателя 1855 года.

Что же касается следа той (подлинной), но не уцелевшей главы, то он, как считают специалисты, сохранился лишь в черновом наброске «Помещики, они позабыли свою обязанность...» Содержащееся в нём обличительное обращение в торжественном тоне к «власти» от лица, обиженного бюрократическими «ограничениями» помещика, едва ли не входило в упоминаемое Оболенским «прощальное слово». Такое расширение эпизода о Тентетникове в одесский период работы писателя трудно не увязать с официально объявленными в самом конце 1849 года сообщениями о сосланных в Сибирь петрашевцах.

Чтобы ещё больше запутаться самим, да и вас запутать в этом деле окончательно, можно было бы привести сколько душе угодно

потенциальных вариантов поворота гоголевского сюжета второго тома. Они существуют. Мы можем хоть даже и с утроенной силой грешить на фантазии Д.А. Оболенского или на талантливые подделки Ястржембского и других товарищей, однако никак не должны упускать из виду то, что ещё вспоминает Л.И. Арнольди. А он пишет, что перед его совместной с писателем поездкой к сестре А.О. Смирновой в Калугу летом 1849 года, будучи у Гоголя на квартире, однажды он из любопытства заглянул в его тетрадь, лежащую на конторке, и прочитал слово «генерал-губернатор».

«Генерал-губернатор – князь – появляется у Гоголя в конце второго тома, стало быть, уже в середине 1849 года том этот был, по-видимому, вчерне готов, – утверждает И.П. Золотусский. – Готов или набросан во всех своих частях, так как речью князя перед чиновниками города и его отъездом в Петербург, как и отъездами остальных действующих лиц, хотел Гоголь закончить вторую часть поэмы. То был финал всеобщего разъезда – герои Гоголя как бы скрывались в глубине России, выполняя его заветную мечту самому окунуться в неё, попробовать русской жизни и набраться русского духа. Уезжали из Тьфуславля Муразов и Хлобуев, выезжал Павел Иванович Чичиков, и, произнесши перед своими крестьянами

прощальную речь, отбывал в сопровождении жандарма в Сибирь Тентетников. (Эту прощальную речь Тентетникова и читал Гоголь С.П. Шевырёву на его даче летом 1851 года.)».

Конечно, экспертов нашего уровня, сами понимаете, сегодня найти трудно, но всё-таки можно. (К этой фразе мы справедливо добавляем междометие «ха-ха-ха».) Но, если серьёзно, согласитесь, что, погружаясь в события второго тома поэмы, мы с радостью предчувствовали развитие яркой любовной истории, причём счастливой. (Получить такую историю от Гоголя было бы огромной удачей!) В этот момент некоторые из нас, наверное, уже тонко настраивали своё внимание на это или утирали непрошеную слезу умиления от того, что, дескать, вот как бывает... А как в этом случае произошло дальше, оказалось нам совершенно неизвестным, потому что здесь мы вдруг напоролись на Гоголя Николая Васильевича с его нестандартами, сомнениями и камином в центре Москвы...

Обратим внимание ещё на один момент. Начиная с 1845 года предназначавшаяся для второй части «Мёртвых душ» тема революционно-политического подполья, неизменно связывавшаяся с малоизвестным нам персонажем по имени Вороной-Дрянной (и уже одно это указывает на реакционно-памфлет-

ный характер, приданный Н.В. Гоголем данной теме первоначально), теперь уже получила остроту злободневности.

К нашим скупым знаниям о происходящих во втором томе поэмы событиях В.В. Гиппиус добавляет сведения о визитах Чичикова к помещику Чагравину, (в ряде источников он упоминается как «Чегранов») с женой которого у Платонова завязывается любовь, а также к брату генерала Бетрищева – Вороному-Дрянному. Последний персонаж являлся как раз тем политическим заговорщиком, из-за которого и пострадал наш Андрюшка Тентетников. Понятно, что все эти познания приводят нас к тем же отрывочным воспоминаниям людей из ближайшего окружения Н.В. Гоголя. И напомним вам ещё раз, что те люди, которые слышали тексты потерянных глав, – Арнольди, Смирнова, Шевырёв и другие – отзывались о них с полным восторгом.

Первый том, по словам А.О. Смирновой, совершенно побледнел в её воображении перед вторым, где юмор был возведён в высшую степень художественности и соединялся с пафосом, от которого захватывало дух. Когда слушательница спрашивала: «Неужели будут в поэме ещё поразительнейшие явления?», – Гоголь отвечал: «Я очень рад, что это вам так нравится, но погодите, будут у меня ещё лучшие вещи: будет у меня священник, будет откупщик, будет генерал-губернатор».

Таким же образом нам становится известным и тот факт, что идеальный богач и благотворитель – откупщик Муразов хлопочет не только об арестованном Чичикове, но и об Тентетникове, тоже арестованном, но по делу политического заговорщика, которого мы только что упоминали. В.В. Гиппиус считает, что из числа персонажей второго тома к определению «муж, одарённый божескими доблестями» лучше всего годится именно Муразов, задуманный автором «героем добродетели». (Мы по своей наивности поначалу склонялись в этом чуть ли не к генералу Бетрищеву А.Д., пока не вникли в особенности его характера и не узнали о том, с какими потугами и примитивизмом анекдот Чичикова доходит до ума генерала, как мало ему требуется аргументов, чтобы поверить в «легенду» о дяде Павла Ивановича и др.)

Понятно, что Муразов у Гоголя не только идеальный богач, но и безупречный моралист, заботящийся о «душевном хозяйстве» своих ближних – как это требовалось гоголевскими рецептами «Выбранных мест из переписки с друзьями». Вместе с тем, как оказалось, даже Муразову выручить и избавить Тентетникова от неприятностей не уда-

лось, поскольку помещика ссылают в Сибирь. И Уленька следует за ним. По свидетельствам духовника писателя отца М. Константиновского, которого мы уже не раз упоминали, какую-то роль в сюжете второго тома должен был играть священник «будто бы не вполне православного типа». Но какая роль ему была отведена на самом деле? Мы этого тоже не знаем. До нас также не дошло авторское изображение и таких психологически сложных ситуаций, как примирение Тентетникова с Бетрищевым, как картина счастья, «душившего» Тентетникова («две чудные лирические страницы»); как роман между скучающими «героями нашего времени» – Платоновым и Чагравиной («чрез месяц после первого признания они замечают, что это была только вспышка, каприз, что истинной любви тут не было, что они и неспособны к ней, и затем наступает с обеих сторон охлаждение и потом опять скука и скука»).

Наверное, критики всё же не ошибаются в том, что Н.В. Гоголь недостаточно хорошо знал и понимал Россию. Оставаясь в «плену» славянофильского патриархализма и религиозно-моралистических идей одновременно, он придерживался той схемы, которая ходу подлинного общественного развития России не соответствовала. И потому причина художественной неудачи положительных образов второго тома поэмы состоит именно в отношении писателя к изображаемой действительности. Таким образом, рядом с глубокими образами Тентетникова, Бетрищева и Петуха у него и возникли, как принято считать, бледные образы, к которым многие относят и Уленьку, и Платонова, и Хлобуева. Нас, конечно, больше всего интересует первая (среди бледных) – Уленька. О ней В.В. Гиппиус («Творческий путь Гоголя») пишет так: ***«Беспокойством о людях и способностью влиять на них наделена и Уленька, полная гнева на несправедливости. В Уленьке не вполне органически соединены два женских образа Гоголя: один – «вторая дама» из «Театрального разъезда», проникнутая «злостью» против «подлости»; автор «Разъезда», вспоминая её слова, говорит о «нежной красоте великодушной женской души»; другой – адресатка статьи «Женщина в свете», которой придано «небесное беспокойство о людях» и в то же время непосредственная власть «чистоты душевной»; «При ней как-то смущался недобрый человек и немел».*** (Выделено мною. – Г.Д.)

Всё это, по его мнению, заставляет именно в Уленьке видеть ***«чудную русскую девицу»,***

обещанную Н.В. Гоголем в первом томе его поэмы.

Если же мы вспомним историю «эмансипированной» женщины и Платона Платонова, то сможем с полной уверенностью утверждать, что во втором томе Николай Васильевич Гоголь разворачивал уже не одну, а две любовных истории, хотя вторая, как известно, трансформировалась в банальное любовное приключение... Но в этом, конечно, для нас важнее другое. Вокруг второго тома сгруппировалось столько мифов, что с ними лучшим умам нашего литературоведения, наверное, придётся разбираться ещё многие годы. Да и как по-другому, если, увы и ах, ни один гений никогда и ни перед кем не отвечал за присваивающих его интерпретаторов.

Нас, конечно, всё же больше и больше интересует первая любовная история, сведения о развитии которой мы продолжаем по крупицам выискивать. Вот ещё одна крупица. Александра Осиповна Смирнова вспоминала о событиях 1843 года. Там речь велась о той рукописи «Мёртвых душ», которую писатель затем, а именно в мае 1845 года, сжёг во Франкфурте-на-Майне. «Гоголь был очень нервен и боялся грозы, – писала она. – Раз как-то в Ницце, кажется, он читал мне отрывки из второй и третьей части «Мёртвых душ», а это было

нелегко упросить его сделать. Он упирался, как хохол, и чем больше просишь, тем сильнее он упирается. Но тут как-то он растаял, сидел у меня и вдруг вынул из-за пазухи толстую тетрадь и, ничего не говоря, откашлялся и начал читать. Я вся обратилась в слух. ***Дело шло об Уленьке, бывшей уже замужем за Тентетниковым. Удивительно было описано их счастие, взаимное отношение и воздействие одного на другого…***»

Именно в этой связи нам припоминаются размышления Ольги Версе («Мысль семейная») относительно «Аленького цветочка» С.Т. Аксакова и «Мёртвых душ» Н.В. Гоголя. (О том, что в семье Аксакова писатель не раз останавливался и жил, вы, вероятно, помните.) Конечно, размышления Версе всего лишь натолкнули нас на идею, которую можно было бы развивать и дальше, рассуждая о литературной героине второго тома поэмы – Уленьке.

Как замечает Ольга, идеальный женский характер и славянофилом С.Т. Аксаковым, и сохраняющим дистанцию от этого лагеря Н.В. Гоголем мыслился одинаково. «И, хотя Гоголь был вне литературных, тем более политических партий, – пишет она, – ни по какому вопросу он не сходился так близко со славянофилами, к которым принадлежала семья Аксаковых, как по вопросу значения семьи в

системе самых священных славянофильских ценностей. Православная семья, как считали славянофилы, в первую очередь скреплялась духовными узами. Они же это успешно и демонстрировали соблюдением высоких нравственных стандартов в своих семьях, в семьях Аксаковых, Погодиных, Хомяковых». В том числе и поэтому, наверное, мы замечаем, что в «Аленьком цветочке» художественный вымысел тесно сопрягается с семейными обстоятельствами её автора. А содержание «Мёртвых душ» «мыслью семейной» обусловливает движение сюжета поэмы, что и подтверждает солидарность теперь уже обоих авторов.

Несомненно, это продуктивная логика. Следуя ей, можно с полной уверенностью утверждать, что образ Уленьки по-настоящему раскрылся только тогда, когда она вслед за Андреем Тентетниковым поехала в Сибирь, когда во имя любви и семейного счастья её не испугали ни каторга, ни морозы, ни отсутствие привычного комфорта, уюта и достатка. Ведь с ней, как и с героиней «Аленького цветочка», по сути, случались те же самые события, когда волею судьбы, она перенеслась за тридевять земель от батюшки и родного дома. И при этом, как и младшая дочь купца, она тоже не имела матери и являлась отцовской любимицей.

Чем больше мы ищем и находим хоть какие-то упоминания о втором томе поэмы и о событиях, изложенных в нём, тем больше у нас возникает вопросов. И здесь, конечно, читателям надо понимать: мы ищем и находим то, что гоголеведы и другие литературоведы знают давным-давно. Всё это является открытием лишь только для нас.

Напомним, что через несколько недель после похорон Н.В. Гоголя все бумаги, находившиеся в его квартире, графом А.П. Толстым были переданы С.П. Шевырёву. Среди них оказалось несколько глав второго тома «Мёртвых душ» и отрывков из поэмы. Как выяснилось, рукописи были черновыми и с таким множеством помарок и исправлений, что разобраться в них было весьма непросто. С.П. Шевырёв, которому Н.В. Гоголь успел прочесть почти весь второй том, мог только по памяти восстановить тот текст, который ближе всего подходил к утраченной его редакции.

Думается, что нам стоит помнить самим, да и нашим критикам не забывать одного из предостережений от Н.Г. Чернышевского. А он говорил прямо и однозначно, что окончательный приговор второму тому «Мёртвых душ» по случайно уцелевшим от сожжения фрагментам ни в коем случае выносить нельзя. Что там, где Гоголь «переходит в близко знакомые

ему сферы отношений», «талант его является в прежнем своём благородстве, в прежней своей силе и свежести». И ведь действительно, правда жизни состоит в том, что фрагменты рукописи второго тома – это, по сути, симбиоз порой даже противоречивых исканий писателя и эпизодических, а в ряде случаев и, несомненно, блестящих дополнений к литературному наследию великого писателя.

Не забудем и то, что после его смерти цензорам было предписано строго цензуровать всё, что сообщается о Гоголе. Чуть позднее им поступил полный запрет писать о нём. И.С. Тургенев за небольшую статью, напечатанную в «Московских ведомостях» 13 марта 1852 года, где он назвал Гоголя ***великим писателем*** (выделено мною. – Г.Д.), по особому распоряжению был посажен в Петербурге в съезжую и просидел там две недели. Вскоре стали бояться употреблять даже имя Гоголя, ограничиваясь выражением «известный писатель».

Давно уже нет в живых автора, давно уже наши лучшие литературоведы-следопыты ищут, но не могут найти второй том поэмы. Нам бы тоже хотелось в этих поисках не только участвовать, но и победить. Не получается, хотя помечтать об этом ничего не мешает. Или подумать, например, над тем, где бы Н.В. Гоголю можно было

найти те знания, которые позволили бы ему описать такие сложные события, какими является сибириада со всеми вытекающими из неё деталями: от природно-ландшафтных до хозяйственно-бытовых.

И мы думаем, что здесь можно говорить о двух слагаемых. О первом из них нам уже кое-что известно. Гоголь всегда был склонен к чтению и изучению энциклопедий и словарей, он скрупулёзно собирал интересующую его информацию, в многочисленных письмах просил о ней своих друзей и знакомых, педантично заносил мысли, новые для него термины, идеи и факты в эту свою литературную кладовую, то есть записную книжку. Эти записи он вёл постоянно, а когда возникала необходимость, то и саму жизнь он уже воспринимал через эту, как он её назвал сам, «книгу всякой всячины, или подручную энциклопедию». Гоголь всегда стремился к тому, чтобы переработать все свои заметки и пустить их в дело. И всё это было подчинено лишь одной цели: правдиво отобразить тот или иной сюжет в очередном произведении. Порой он даже терял настоящую радость от действительности, как бы чего не упустить, и это вечный вопрос об амбициях и таланте, умноженных на необходимость добиться результата.

Такой подход понятен и нам. Только сегодня человек уже видит события через свой гаджет. Он не воспринимает их напрямую, а смотрит на них через экран телефона. И когда мы замечаем яркий закат солнца или то, как, к примеру, играет уличный музыкант, то тут же хватаемся за телефон, чтобы снять, а не воспринимать это событие один на один. Между нами посредник. И он то же самое, что у Гоголя блокнот или записная книжка. Дело лишь за тем, как и где будет реализован человеком теперь уже этот современный продукт...

И второе слагаемое. Мы думаем и считаем, что важнейшую роль в получении его знаний, относящихся к сибириаде, сыграла одна известная женщина, хотя о событиях, связанных с декабристами, в то время, конечно, знала вся «думающая» страна. Не секрет, что жизнью декабристов в Сибири Н.В. Гоголь тоже живо интересовался, он был осведомлён о ней, и этому, вероятно, способствовала многолетняя дружба писателя с Надеждой Николаевной Шереметевой – тёщей декабриста Ивана Якушкина.

О событиях, связанных с ней, мы продолжим наш рассказ уже в следующей главе...

ГЛАВА V. О ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ГОГОЛЯ

Откуда знать бы о Сибири

Если читателя увлекает книга, то у него почти всегда возникают вопросы. Вот и у нас по мере прочтения второго тома поэмы они появляются. Например, такой: откуда бы Николай Васильевич Гоголь мог знать о Сибири? Ведь Андрей Иванович Тентетников и его невеста Уленька попадают именно туда. И как же тогда писателю можно добиться реалистичного изображения сибирской природы, атмосферы, быта или каких-либо событий в тех условиях, которые он никогда не видел? Понятно, что здесь нами может быть, выдвинута всего лишь версия. Далее мы пишем, что думаем об этом, а потому теперь у нас всплывут новые имена и факты, которые, вероятно, помогут нам поразмыслить о тех главах второго тома поэмы, которых сегодня нет или пока что нет.

Надежда Николаевна Шереметева (Тютчева), тётка поэта Фёдора Ивановича Тютчева

и тёща декабриста Ивана Дмитриевича Якушкина, как считает Б.В. Соколов («Гоголь»), познакомилась с Н.В. Гоголем в марте 1842 года у Киреевских, где писатель читал одну из глав «Мёртвых душ». Н.М. Молева («Гоголь в Москве») утверждает, что Надежда Николаевна с писателем была знакома и ранее, но в марте 1842 года она особенно сблизилась с ним. Наряду с этим, широко известный и очень авторитетный современник писателя, его биограф В.И. Шенрок представляет нам существенное уточнение как по месту знакомства, так и по времени. Он пишет: «Познакомилась Шереметева с Гоголем в 1840 г. в доме Прасковьи Ивановны Раевской, у которой проживала в Москве, в продолжение двух лет по окончании курса в институте, одна из сестёр его, Елизавета Васильевна...»

Как бы это знакомство ни случилось, мы будем говорить только о Надежде Николаевне, о той женщине, которая, по словам С.Т. Аксакова, «любила Гоголя, как сына», и о Гоголе Николае Васильевиче – великом писателе. «Любить вас всегда время, и поверьте мне, что люблю вас всем сердцем за вас самих и ваше несчастие...», – говорил ей В.А. Жуковский. Под «несчастием» он имел в виду тот факт, что зять Н.Н. Шереметевой, декабрист Иван Дмитриевич Якушкин находился в ссылке на Нерчинских рудниках в результате тех его действий, на которые так смело мог бы пойти далеко не каждый человек, будь он даже боевым офицером...

Известно, что Надежда Николаевна была очень набожным человеком. Может быть, именно на этой почве она и сблизилась с писателем? Ведь дружба этой 67-летней женщины патриархально-дворянского склада с Н.В. Гоголем вполне могла споспешествовать зарождению и развитию у писателя тех религиозно-мистических взглядов, о которых вспоминали очень многие люди, знавшие их. Сестра Н.В. Гоголя Анна писала: «Когда весть о благочестивом желании нового знакомого (то есть желание Николая Васильевича совершить путешествие в Иерусалим. – Г.Д.) дошла до Шереметевой, набожная старушка, посвятившая всю жизнь молитве и добрым делам, сразу горячо полюбила Гоголя, как сына, принимая горячее участие в столь сочувственном для неё плане. В ответ она получила от Гоголя точно такой же его душевный отклик: он нашёл в ней одну из тех женщин, о которых он говорил, что они «живут в законе Божием». Он стал называть её «духовной матерью», прося позволения время от времени посылать ей деньги для раздачи бедным».

Их встречи и письма как для Н.В. Гоголя, так и для Н.Н. Шереметевой всегда были желанными. Вот что, например, сообщает писатель в письме к Надежде Николаевне из Рима от 6 февраля 1843 года: «Письма ваши мне так же сладки, как молитва в храме; и таково должно быть их действие, ибо вы писали их в минуту душевной молитвы, и мне кажется даже, что я слышу самые слёзы ваши, порождённые молитвою. Я свеж и бодр. Часто душа моя так бывает тверда, что, кажется, никакие огорчения не в силах сокрушить меня. Да есть ли огорчения в свете? Мы их назвали огорчениями, тогда как они суть великие блага и глубокие счастия, ниспосылаемые человеку. Они хранители наши и спасители души нашей. Чем глубже взгляну на жизнь свою и на все доселе ниспосланные мне случаи, тем глубже вижу чудное участие высших сил во всём, что ни касается меня, и недостаёт у меня ни слов, ни слёз, ни молитв для излияния душевных моих благодарений. И вся бы хотела превратиться в один благодарный вечный гимн душа моя! Вот вам состояние моего сердца, добрый друг мой! Прощайте и не оставляйте меня вашими письмами».

А это письмо уже из Франкфурта. Н.В. Гоголь написал его 14 марта 1845 года: «Приехавши в Париж, начал опять прихварывать. Впрочем, я провёл время хорошо. Был почти каждый

день в нашей церкви, которая хороша и доставила мне много утешения, и виделся только с одними близкими, немногими, но прекрасными душами. Дорогой из Парижа во Франкфурт я опять чувствовал себя хорошо, а приехавши во Франкфурт, вновь дурно. Друг мой, помолитесь как обо мне, так и о бедном моём здоровье. Я же покаместь вывожу то заключение, что мне нужна дальняя дорога, и не есть ли это знак, что пора, наконец, отправляться в тот путь, ради которого я выехал из Москвы и простился с вами, о котором и первоначально мысль была, без сомненья, Божьим внушеньем. А потому помолитесь прежде всего, друг мой, о моём здоровье. Ибо, как только поможет Бог мне дотянуться до будущего года, то в начале его и, не откладывая уже на дальнейшее время, отправляюсь в Иерусалим. С нынешнего лета или осени отправляюсь в Италию, с тем, чтобы оттуда быть наготове сесть на корабль. А вы молите Бога, чтобы ниспослал мне силы совершить это путешествие так, как следует, как должен совершить его истинный христианин. Молитесь об этом заранее, чтобы Бог приготовил к тому мою душу, и чтобы не оставлял меня отныне ни на миг. Так нужно мне Его беспрерывное присутствие, да и кому оно не нужно? И помолитесь о моём здоровье, которое так плохо, как я давно не помню. А я

за вас молюсь и молюсь о том, чтобы Бог услышал все ваши молитвы».

Наберитесь терпения, но мы сошлёмся ещё на одно письмо. 8 ноября 1846 года Н.В. Гоголь из Флоренции сообщает Шереметевой, почему всё ещё не отправился к Гробу Господню: «Теперь всё подвигаюсь к югу, чтобы быть ближе к теплу, которое мне необходимо, и к Святым Местам, которые мне ещё необходимей. Желанья в груди больше, нежели в прошедшем году. Даже дал мне Всевышний силы больше приготовиться к этому путешествию, нежели как я был готов к нему в прошедшем году. Но при всём том покорно буду ждать Его святой воли и не пущусь в дорогу без явного указанья от Него. Есть ещё много обстоятельств, от попутного устроения которых зависит мой отъезд, над которыми властен Бог и которые все в руках Его. Благоволит Он всё устроить к тому времени, как следует, – это будет знак, что мне смело можно пускаться в дорогу. Но знаком будет уж и то, когда всё, что ни есть во мне – и сердце, и душа, и мысли, и весь состав мой – загорится в такой силе желаньем лететь в обетованную Святую эту Землю, что ничто не в силах будет удержать, и, покорный попутному ветру Небесной воли Его, понесусь, как корабль, не от себя несущийся. Путешествие моё не есть простое поклонение. Много, много мне нужно будет

там обдумать у Гроба Самого Господа, от Него попросить благословения на всё, в самой той земле, где ходили Его небесные стопы. Мне нельзя отправиться туда неготовому, как иному можно, и весьма может быть, что и в этот год мне будет определено ещё не поехать. Со многими из людей, близких мне, которые намеревались тоже к наступающему Великому Посту ехать в Иерусалим, случились тоже непредвиденные препятствия, заставившие иных возвратиться даже с дороги, в которую было уже пустились. А я иначе и не думал пускаться, как с людьми близкими сколько-нибудь моей душе. Я ещё не так сам по себе крепок и душевно, и телесно, чтобы мог пуститься один. Нужно для того уже быть слишком высокому христианину, нужно жить в Боге всеми помышленьями, чтобы обойтись без помощи других и без опоры братьев своих, а я ещё немощен духом. Друг мой, молитесь же, совершенно, да совершается во всём святая воля Бога и да будет всё так, как Ему угодно. Молитесь, чтобы Он всё мне приуготовил так, чтобы не было во мне ничего, останавливающего меня от этого путешествия».

Наверное, вы согласитесь, что эти выдержки из писем позволяют нам глубже понять характер отношений писателя с Н.Н. Шереметевой. Другая наша цель в обильном их цитирова-

нии состоит в том, чтобы ещё раз напомнить вам о непростом внутреннем душевном или, как это часто говорят сегодня, морально-психологическом состоянии великого писателя. С этого, если вы помните, мы начинали весь наш рассказ о Гоголе и его рукописи второго тома поэмы.

Теперь нам уже ничего не мешает поведать вам, а кому-то всего лишь напомнить, что зятем Надежды Николаевны, или мужем её дочери Анастасии, был Иван Дмитриевич Якушкин. Именно на этого человека, смелого и решительного офицера, получившего закалку в элитном лейб-гвардии Семёновском полку, мы хотим обратить ваше внимание. Зачем? – мы тотчас же и объясним это, а сейчас только предуведомим вас: о печальных красивостях сибирской ссылки Андрея Тентетникова и Уленьки Бетрищевой от Гоголя Николая Васильевича нам не досталось ни одной строки. А в том, что такие «красивости» там были, мы не сомневаемся ни на минуту, оттого что Гоголь плохо писать не мог.

Что же представлял собой Якушкин? О нём написано много, но мы приведём лишь некоторые факты из его биографии. Если обратиться к страницам сборника («Декабристы: биографический справочник»), то мы узнаем, что за мужество и героизм, проявленные в Бо-

родинском сражении, Якушкин был награждён Георгиевским крестом (в других источниках к этой награде добавляется ещё и золотое оружие). Из материалов Рузского краеведческого музея нам стало известно, что Иван Дмитриевич считался одним из главных организаторов подвига батареи Раевского, где проявил подлинные чудеса храбрости и отваги. За сражения при Люцене, Бауцене и под Кульмом (по совокупности) его наградили Аннинским оружием, а за последнее сражение из числа только что перечисленных – ещё и прусским Кульмским крестом. Следует также отметить, что девятнадцатилетним юношей он вместе со своими друзьями и ровесниками П.Я. Чаадаевым и братьями Муравьёвыми-Апостолами с боями прошёлся по всей Европе и завершил этот поход в поверженном Париже.

Считается, что А.С. Грибоедов (троюродный брат Якушкина), вместе с которым Иван Дмитриевич учился в Московском университете, именно «с него» писал литературный портрет своего знаменитого Чацкого. Вспоминает о нём в книге «Былое и думы» и А.И. Герцен. За острый ум и твёрдый характер Якушкина высоко ценил А.С. Пушкин. Описывая сходки молодых вольнолюбцев, Александр Сергеевич писал: «...Читал свои Ноэли Пушкин, / Меланхолический Якушкин, / Казалось, молча обна-

жал/ Цареубийственный кинжал...» Здесь великий поэт вспомнил и себя, а нам не лишним будет знать, что «ноэли» – это остроумные и злободневные политические песенки, в которых изображалось рождение Христа и поклонение ему волхвов. Соль подобных опусов состояла в том, что вместо волхвов к младенцу Иисусу являлись совсем другие лица – современники автора ноэля или те, кого он рассчитывал высмеять.

Итак, вернёмся к тому, чтобы объяснить наш интерес к Якушкину. А прежде сообщим, что в конце 1822 года Иван Дмитриевич женился на 16-летней Настеньке Шереметевой, страстно влюблённой в него. Почти год молодая семья жила счастливо в своём подмосковном имении. Здесь у них родился первый ребёнок – сын Вячеслав. И заметим, что далеко не всё так гладко складывалось в жизни самого Ивана Дмитриевича, что впоследствии отразилось и на его семье.

Так случилось, что Якушкин в то неспокойное для России время оказался в числе декабристов, хотя впоследствии получил свою известность не только из-за своих революционных убеждений и действий, но ещё и потому, что написал свои широко известные «Записки декабриста», которые А.И. Герценом были впервые опубликованы в Лондоне. К тому вре-

мени, когда стало известно о вероятной войне с турками, Якушкин перевёлся в егерский полк в Черниговской губернии – ближе к полям грядущих сражений. (Тогда ему сражаться не довелось, да и полк этот в 1817 году был передислоцирован в Московскую губернию.)

Как же Якушкин оказался среди декабристов? В 1816 году он вместе с Александром и Никитой Муравьёвыми, Матвеем и Сергеем Муравьёвыми-Апостолами и князем Сергеем Петровичем Трубецким основали тайное общество, которое называлось «Союз спасения» или «Союз истинных и верных сынов отечества». Как утверждают историки и беллетристы, в конце 1817 года на одном из заседаний общества на московской квартире Александра Муравьёва произошли следующие события. Там собрались учредители «Союза спасения»: И.Д. Якушкин, братья М.И. и С.И. Муравьёвы-Апостолы и М.А. Фонвизин. Речь пошла о необходимости избавить Россию от самодержца. Решили бросить жребий – кому этот акт исполнить. И тогда встал штабс-капитан Иван Якушкин. «Вы опоздали, – твёрдо заявил он. – Я решился без всякого жребия принести себя в жертву и никому не уступлю этой чести». «Я решил по прибытию императора Александра отправиться с двумя пистолетами к Датскому собору и, когда царь

пойдёт во дворец, из одного пистолета выстрелить в него, из другого – в себя», – вспоминает об этом сам Якушкин в своих «Записках».

Уже на следующий день члены «Союза спасения» отказались от этой идеи, посчитав её нерациональной и опасной для всего коллектива заговорщиков. В знак протеста И.Д. Якушкин вышел из общества, а вскоре и подал прошение о завершении воинской службы. После выхода в отставку и переезда в своё имение в Вяземском уезде Смоленской губернии Иван Дмитриевич часто приезжал в Москву, но возвратился в ряды заговорщиков уже тогда, когда общество преобразовалось в «Союз благоденствия».

Так вот, 3 декабря 1825 года Якушкин в очередной раз приехал из своего имения в Москву, где и узнал о кончине царя Александра I. Через несколько дней из письма Трубецкому от Пущина из Петербурга Якушкину и его товарищам по «Союзу...» стало известно о решении членов «Северного общества» не присягать царю и готовиться к организованному выступлению. Иван Дмитриевич тотчас собрал членов этого общества, проживающих в Москве, и, первым отказавшись присягать Николаю I, предложил начать восстание войск Московского гарнизона для поддержки выступления в столице.

Детали декабрьских революционных событий мы пропускаем, поскольку нам они хорошо известны, даже по школьным урокам истории. А вот о том, что Иван Дмитриевич Якушкин был арестован и произошло это 10 января 1826 года, напомним и расскажем. Якушкина допрашивал сам Николай I. «– Если вы не хотите губить ваше семейство, то должны во всём признаться и назвать сообщников», – сразу же заявил ему новый император. «Я дал слово не называть никого и не назову», – твёрдо ответил Якушкин. Царь повторил свой вопрос. Якушкин ответил молчанием. И тогда Николай I, взбешённый стойкостью декабриста, отскочил на три шага назад и закричал: «Заковать его так, чтобы он и пошевелиться не мог, и содержать не иначе как злодея!»

С личной запиской царя того же содержания к коменданту Петропавловской крепости Якушкина увезли из дворца в одну из самых мрачных камер Алексеевского равелина. Приказ был исполнен точно, поэтому, когда узника печально известной камеры № 1 вели на суд, то даже наручники клонили его к земле, настолько они были тяжелы, а узник – худ и слаб. Верховный суд приговорил его к смертной казни, которую позднее заменили 20-летней каторгой и вечным поселением в Сибири.

Мы не знаем, сколько на самом деле вымысла и правды в прямой речи «собеседников» в представленном нами варианте допроса. И чего там больше? И насколько выдержка из разговора царя с арестантом, приведённая в нашем тексте, близка к действительности? В этом случае мы ориентируемся на ранее уже стократно напечатанные версии этого допроса специалистов, включая литературоведа, критика и историка-ревизиониста, доктора филологических наук, кандидата исторических наук Б.В. Соколова, которого некоторые его коллеги считают очень серьёзным учёным, а другие – выдающимся фальсификатором. Мы честно сообщаем вам о том, что нашли и прочли. Так что на всякий случай: простите, если что не так. Хотя мы имеем и другие ссылки на этот день и на этот допрос, где сообщается, что его проводил генерал-адъютант Левашев и это действительно происходило в присутствии царя Николая I. Вот как тот же случай представлен в другом источнике: «После этого (того первого. – Г.Д.) допроса Якушкина потребовал к себе Государь, который между прочим сказал ему: «Если вы не хотите губить ваше семейство, и чтобы с вами обращались как с свиньёй, то вы должны во всём признаться». Якушкин отвечал, что дал слово никого не называть, «Что вы мне с вашим мерзким честным словом!» – воскликнул Государь. Когда Якушкин повторил, что никого не может назвать, император закричал: «Заковать его так, чтобы он пошевелиться не мог!»

Если учесть, что Н.В. Гоголь постоянно общался с Надеждой Николаевной Шереметевой, то можно предположить, что не только судьба её зятя, но и многие обстоятельства его последующей жизни в сибирской ссылке писателю от неё могли стать известными в полной мере. Она постоянно хлопотала о своём зяте, писала письма, подключала к решению этого вопроса В.А. Жуковского, князя А.Н. Голицына и была в курсе таких событий, в которые вполне могла бы посвятить и Н.В. Гоголя.

И, конечно, писатель не мог ограничиваться лишь только этим. Он изучал русскую жизнь и по документам, и по литературным источникам, читая, например, о путешествиях по России и особенно по Сибири, и делал это тоже, вероятно, для того, чтобы лучше узнать, а затем и правдиво рассказать читателям, например, о жизни Тентетникова и его семьи в ссылке.

Нам известен и тот факт, что Н.В. Гоголь в Москве встречался с М.М. Нарышкиным. Член «Союза благоденствия» с 1818 года, участник тайного совещания Южного и Северного обществ подполковник М.М. Нарышкин после восстания 14 декабря 1825 года был лишён дворянства и сослан на каторжные работы в

Нерчинские рудники; в 1837 году он был переведён рядовым на Кавказ, где получил чин прапорщика, а в 1844 году ему было разрешено выйти в отставку и жить в своём тульском имении без прав выезда. Несмотря на это, он время от времени тайно приезжал в Москву, и в один из таких приездов у него тоже случилась встреча с Н.В. Гоголем.

Следовательно (теперь уже предполагаем мы), и пребывание Уленьки с Тентетниковым, как писал наш поэт, «во глубине сибирских руд» вполне могло найти своё отражение во втором томе «Мёртвых душ» не в фантазийном, а в совершенно реалистичном ключе. Естественно, что всё это могло быть отражено Гоголем в поэме с учётом существования не шуточного рубежа безопасного удаления от революционных событий, выстроенного цензурой в первую очередь для творческой интеллигенции. Поэтому вполне вероятно, что жизнь Тентетникова на каторге в утерянном тексте поэмы могла быть показана им только в лучах самого яркого света души его жены, «чудной русской девицы, какой не сыскать нигде в мире» – Уленьки. Ведь Гоголь Николай Васильевич, как и славянофилы вместе с ним, всегда считал, что женщина – это главный источник света. Наверное, такая девушка, как дочь генерала, своим ярким и тёплым светом вполне могла помогать во всём не только сосланным туда декабристам, но и многим другим людям безрадостного и мрачного Забайкалья.

Что же касается дальнейшей судьбы и некоторых других деталей биографии зятя Н.Н. Шереметевой, то к уже сказанному здесь мы добавим следующее. На одном из допросов Якушкин всё же назвал имена, но лишь тех членов общества, которые уже были комиссии известны, а также уже умершего генерала Пассека и П.Я. Чаадаева, проживающего за границей. Но это, как мы понимаем, на их дальнейшие судьбы повлиять уже не могло.

Что же касается Якушкина, то он был отправлен в Сибирь в оковах и под конвоем в октябре 1827 года. Его жена Анастасия Васильевна с двумя малолетними детьми (Евгений родился спустя полторы недели после ареста его отца) трижды выезжала в Ярославль, через который проходила эта ужасная дорога. И только с третьего раза ей удалось увидеть мужа. Зная, что детей не разрешают брать в Сибирь, и полагая, что только мать может дать им должное воспитание, Иван Дмитриевич постоянно убеждал её за ним на каторгу не ехать. Но она многократно обращалась к царю: писала ему и просила позволения выехать к мужу. Николай I в каждый раз кате-

горически ей отказывал. «Его Величество повелел мне изъявить вам своё удовольствие за намерение ваше посвятить себя воспитанию двух ваших сыновей, быв удостоверен, что ныне, в нежном возрасте, они нигде не могут найти того попечения, а впоследствии того образования, какое обретут под собственным и непосредственным надзором вашим. Что же принадлежит до изъявленного вами желания ехать к мужу своему в Сибирь, то на сие Его Величество решительно отозваться изволил, что сие вам разрешено быть не может!» – так написал в ответ на одну из её просьб начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии граф Бенкендорф.

Обращают на себя внимание и некоторые другие факты из биографии И.Д. Якушкина как после его выхода в отставку, так и в период его пребывания в ссылке. Так, в своём наследственном имении в Жуковке Вяземского уезда Смоленской области Якушкин, едва ли не первым в России, предпринимал попытку освободить своих крестьян от крепостничества, чем вызвал большое неудовольствие Министерства внутренних дел и местных помещиков. Он принадлежал к тем дворянам, которые свои прогрессивные взгляды пытались воплотить в практические дела. Первым его распоряжением в те дни, когда он стал

хозяйничать в имении, господская запашка была уменьшена вдвое, а вместе с этим сократилась и барщина. Многие отяготительные для крестьян поборы были отменены. Молодой барин всех своих крестьян «во всякий час допускал до себя и по возможности удовлетворял их требования», отучил их кланяться ему в ноги, снимать перед ним шапки, если сам он стоял в шляпе, ввёл крестьянский общественный суд. Там же он организовал первую в России народную бесплатную школу для крестьянских детей, а когда страну постиг невиданный неурожай, занялся сбором продовольствия и пожертвований. Известно, что однажды в данной связи царь произнёс такую фразу: «Эти люди могут кого хотят возвысить или уронить в общем мнении. В прошлом году во время неурожая... они кормили целые уезды...» При этом он назвал и Якушкина, и Фонвизина, и Муравьёва...

Уже находясь в ссылке, Иван Дмитриевич тоже много времени и личных средств отдавал обучению детей, что, как и реформаторство крестьянского труда, в определённой мере совпадает с первыми, хотя и безрезультатными действиями того же Тентетникова Андрея Ивановича после его увольнения с госслужбы. По инициативе И.Д. Якушкина при содействии купечества, интеллигенции и про-

тоиерея Сретенского собора С.Я. Знаменского там были открыты и работали всесословная бесплатная школа для мальчиков и первая в Сибири школа для девочек.

Следует заметить, что на эту тему мы нашли и другой факт, правда уже не связанный с Якушкиным, но с Гоголем он крепко связан. В увлечениях сына Софьи Петровны Апраксиной (графини Толстой), у которой в Неаполе проживал Николай Васильевич, писателя постоянно интересовала одна и та же его черта: «желанье сильное» «заняться не шутя благоустройством крестьян» своего имения, то есть тем же, что в будущем опять-таки проявилось в действиях помещика Тентетникова и других гоголевских литературных персонажей.

Завершая наш пересказ об Иване Дмитриевиче, заметим, что лишь только в 1835 году Якушкин был освобождён от каторжных работ, а в сентябре 1836 года переселён в Ялуторовск, где на одной улице с Муравьёвым-Апостолом он прожил почти двадцать лет. Там же отбывали наказание Басаргин, Враницкий, Ентальцев, Оболенский, Пущин и некоторые другие декабристы.

Дальнейшая судьба жены Ивана Дмитриевича – Анастасии Якушкиной (Шереметевой) сложилась трагически. Разлука с мужем, тоска, переживания, забота о воспитании детей – всё

это преждевременно свело молодую женщину в могилу. Но она успела хорошо воспитать сыновей, привила им не только любовь к отцу, но и уважение к его взглядам. 22 апреля 1846 года, на Пасху, Гоголь писал Н.Н. Шереметевой в связи со смертью её дочери Анастасии Васильевны: «Мне скорбно услышать об утрате вашей, но скоро я утешился мыслью, что для христианина нет утраты, что в вашей душе живут вечно образы тех, к которым вы были привязаны; стало быть, их отторгнуть от вас никто не может; стало быть, вы не лишились ничего; стало быть, вы не сделали утраты. Молитвы ваши за них воссылаются по-прежнему, доходят так же к Богу, может быть, ещё лучше прежнего. Стало быть, смерть не разорвала вашей связи. Итак, Христос Воскрес, а с ним и все близкие душам нашим!»

И.Д. Якушкин умер 12 августа 1857 года и похоронен на Пятницком кладбище в Москве. «Тридцать два года провёл он в Сибири, – писал А.И. Герцен в некрологе, – не унывая и не теряя упованья... Якушкин приехал из Сибири молодым сердцем». Он называл его «доблестным сподвижником» П.И. Пестеля и К.Ф. Рылеева, подчёркивал твёрдость духа и глубокую веру в будущее России.

За семь лет до этого, в середине мая 1850 года, в связи с кончиной Надежды Николаевны Ше-

реметевой Н.В. Гоголь написал священнику церкви Симеона Столпника в Москве, теперь уже известному нам отцу Матвею (М.А. Константиновскому), следующее: «...Добрая старушка Надежда Николаевна Шереметева, которую вы встретили у меня и которая с такой готовностью бросилась исполнять просьбу вашу о помещеньи девочки в Шереметьевское заведение, после 74-х лет жизни, исполненной добрых дел, скончалась 11-го мая. Она меня любила, как сына, хотя я не сделал ничего, достойного любви её, и не был к ней даже вполовину так внимателен, как она ко мне. Помолитесь о ней, добрейшая душа, и за себя, и за меня. Отслужите по ней панихиду и не позабывайте упомянуть её имя в то время, когда поминаете имена усопших рабов Божиих, вами чаще поминаемых». «...Мы с ней... жили душа в душу... – сообщал писатель А.О. Смирновой-Россет в те же дни. – Её смерть оставляет большой пробел в моей жизни».

И, кстати, здесь же заметим, что из письма младшего сына декабриста И.Д. Якушкина Евгения (он так назван родителями в честь декабриста Оболенского) от 16 ноября 1851 года мы узнаём, что в эти дни «Гоголь собирается печатать 2-й том «Мёртвых душ», который окончен совершенно и который уже он читал у Назимова». Добавим, что генерал-адъютант

В.И. Назимов в конце 1849 года был назначен попечителем Московского учебного округа. В эти же годы он также являлся и председателем Московского цензурного комитета.

Только что мы рассказали вам, а скорее воспроизвели чужие рассказы о семье Надежды Николаевны Шереметевой. Мы вспомним и о других современницах Гоголя. Отметим, что писатель всегда считал, а однажды и сказал, что женщина – более благодарный слушатель, нежели мужчина. Женщина верит, мужчина всё поверяет разумом. Мужчина холоден и эгоистичен, он не может долго жить духовной жизнью, ему нужны практическая деятельность, войны, участие в политике. Он грубее и в чувствах, и в мышлении, он – каменистая почва, на которой может заглохнуть павшее на неё зерно. Женщина же – земля без терниев и без каменьев, где вдвое произрастает посеянное. Может быть, поэтому Гоголь и окружал себя всегда женщинами. Его постоянными слушательницами были именно они, им он передавал своё учение, свои мысли о воспитании, о назначении человека в обществе. Да и те дамы, что его окружали, чаще всего обрекали многих других соотечественниц того времени на полное их поражение в сравнении с ними.

Несколько позднее в этой книге мы обязательно расскажем вам ещё о двух женщинах, кото-

рые в жизни великого писателя сыграли особо важную роль. Это Александра Осиповна Смирнова-Россет и Анна Михайловна Виельгорская. Это поможет нам понять образ Уленьки больше, но ещё более того – образ человека – Николая Васильевича Гоголя. Для нас будет крайне важным разобраться в том, как понятие story превращается в более широкое – history. Уяснить, как в эту трансформацию включена драматическая жизнь человека, написанная его судьбой задолго до окончания работы над главным произведением своей творческой биографии – поэмой «Мёртвые души».

А в главе, которую вы сейчас читаете, мы обратим ваше внимание ещё на один момент. Размышляя об Иване Дмитриевиче Якушкине, мы уже упоминали некоторые факты из жизни и творчества А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, А.И. Герцена... (Как здесь всё переплетено!) Добавим, что в Тобольске, куда Якушкин приезжал на лечение, он познакомился с поэтом, прозаиком и драматургом П.П. Ершовым. Там он передал автору сказки «Конёк-горбунок», ставшей классикой русской литературы, текст пушкинского послания «Во глубине сибирских руд». Петру Павловичу это стихотворение удалось переправить в Лондон А.И. Герцену, где оно и было впервые опубликовано в журнале «Полярная звезда».

Согласитесь, ведь всё это вызывает неподдельный интерес. А что можно сказать об отражении на страницах «Мёртвых душ» современных (для периода написания поэмы) литературных произведений тех людей, которые в то же самое время жили в России и дышали вместе с Николаем Васильевичем одним и тем же воздухом? Вот об этом и расскажем. И начнём с вероятного, но не очевидного...

Смелые догадки о дубраве и судьбе

Прежде заметим, что «Мёртвые души» явились на свет не на пустом месте, а в контексте мировой литературы. В подтверждение этому напомним, что в тексте поэмы Гоголя есть немало ссылок: на Гомера, Диогена, Гёте, Вульпиуса, на «Людмилу» Жуковского, на «Дон-Кихота» Сервантеса, на публикации Марлинского, Сенковского и др.

Мы встречались с Уленькой Бетрищевой тогда, когда она была без пяти минут невестой. Её избранника мы знаем намного лучше. Андрей Тентетников у Гоголя – мужчина тонкий, мыслящий, впечатлительный, мнительный, остро переживающий внутреннюю драму и борьбу чувств. Создавая его образ, Н.В. Гоголь со всей

очевидностью проводил линию «внутреннего переворота» в герое, связанного с естественным для молодого мужчины чувством долгожданной и первой в его жизни влюблённости, о которой, нам конечно можно что-то рассказать, опираясь при этом лишь на косвенные знамения и наши предположения.

Дело в том, что мы не располагаем ни одной даже такой строкой, где бы Уленька и Андрей были вместе, говорили о любви, восхищались друг другом, что-то обсуждали бы или делились своими планами на будущее. Есть и ещё одно обстоятельство. Период каких-то размышлений, возможно, даже сомнений или колебаний, внутренних исканий, надежд, грёз и действий Тентетникова мог бы занять более заметное и объёмное место в поэме, если бы образ этого мужчины был художественно завершён или хотя бы не был затенён родственным ему Обломовым у И.А. Гончарова. (Кстати сказать, Н.А. Добролюбов причислил Тентетникова к «обломовцам» одним из первых.) Заметим, что эти литературные герои создавались писателями параллельно и абсолютно независимо друг от друга в одно и то же время. В этом могла бы состоять причина того, что Гоголем этот период жизни Тентетникова детализирован не был. Если такое предположение во внимание всё же не принимать, то, естественно, в причинах образовавшейся в его образе «незавершёнки» нам останется винить только известный камин.

Несколько ниже мы рассмотрим «связку» Тентетников – Онегин, но сейчас об ином. «Тут автору мало одного пушкинского сюжета, и он берётся за другой, тоже пушкинский, соединяя его с первым: Тентетников ссорится с отцом возлюбленной, тем самым как бы превращаясь из Онегина в Дубровского. (Мы обращаемся к любопытной логике размышлений профессора Донецкого национального университета (Украина) А.А. Кораблёва. – Г.Д.) А для верности, чтобы читатель не усомнился в своей догадке, повествователь в самом конце главы, описывая состояние героя, оставляет подсказку: «Странное состоянье!» – сказал он (Тентетников – Г.Д.) и придвинулся к окну глядеть на дорогу, прорезавшую дуброву...». А.А. Кораблёв считает, «что эту фразу следует рассматривать под другим углом и значительно шире. Глядя из-за плеча этого пушкинско-гоголевского героя на «дорогу, прорезавшую дуброву», можно увидеть в этом авторский символ: это же гоголевская дорога прорезает пушкинскую дуброву».

Может быть, у кого-то из наших читателей промелькнёт мысль, что этот вывод А.А. Кора-

блёвым притянут «за уши». Нам и самим так кажется, но, тем не менее, здесь мы приводим вам мнение известного профессора для того, чтобы вы знали о существовании и такового. Приведёт ли оно нас когда-нибудь к новому открытию? Мы этого пока ещё не знаем.

Об образе Уленьки Бетрищевой как о потенциально центральной литературной героине второго тома поэмы и нашего повествования мы уже что-то вам рассказали. У нас получилось действительно «что-то», проистекающее из нескольких страничек великого Гоголя. Как к ней, так и к другим героям его поэмы нам приходится идти окольными путями. Андрея Тентетникова мы знаем шире, понимаем его полнее и предполагаем, что он должен был бы в последующем расти и крепнуть в самосовершенствовании и целеустремлённости, в трудолюбии и ответственности... Если бы нам удалось выяснить и понять, что бы в этот образ мог дальше вложить писатель и за что бы его действительно могла полюбить дочь генерала, то вопрос о его прототипах мог бы выйти на первый план. А так о них нам тоже остаётся больше сочинять и фантазировать.

Доктор филологии И.А. Виноградов остроумно предположил, что прототипом Тентетникова мог бы быть Николай Языков. Ключом к такой догадке ему послужила фамилия этого

персонажа, взятая из ранней редакции второго тома поэмы – Дерпенников. Поэт Языков учился в Дерптском университете, а его стихотворение «Дерпт» Н.В. Гоголь цитирует в «Переписке с друзьями». Дерпт, Дерпенников – похоже? Может быть. Однако вспомним, что у А.И. Тентетникова был лишь один учитель, в котором он души не чаял. Затем его сменил другой педагог – человек абсолютно никудышный и никчемный... Мы встречали публикации, в которых утверждается, что у Языкова в университете никак не мог быть лишь один преподаватель. И это выдвигалось в качестве аргумента «против». Но ведь и у Тентетникова их было немало. Гоголь описывает, как вскоре педколлектив поменялся: «Выписаны были новые преподаватели, с новыми взглядами и новыми углами и точками воззрений». Так что этот аргумент исследователей, пожалуй, стоит исключить.

А вот случались ли в годы учёбы в Дерптском университете (1822–1829) у Языкова такие же резкие перемены, как это произошло у Тентетникова и описано Н.В. Гоголем? Нет, не случались, и это уже действительно могло бы быть аргументом. Были ли там в этот период какие-то хотя бы намёки на «преступленье против коренных государственных законов, равное измене земле своей». И такого не

было, хотя он (Языков) и называл себя «поэтом разгула и свободы». Может быть, там было «филантропическое общество», к которому мог бы примкнуть Тентетников-Дерпенников? Ответ снова отрицательный. Наверное, к этому следует добавить, что Николай Языков происходил из обеспеченной семьи. В период учёбы в университете он всё же больше радовался жизни и своей молодости, смело провозглашая себя «поэтом радости и хмеля». Андрей Тентетников только учился, учился и ещё раз учился. Он с удовольствием учился. Таким образом, нам кажется, что с профессором И.А. Виноградовым наши «дорожки» здесь совпадают, но не во всём. У него мы находим целую группу и других отличий, которые, тем не менее, не снимают некоторых вопросов в отношении писателя Н.В. Гоголя к качеству профессорско-преподавательского состава. Вспомним для примера, как в «Ревизоре» Н.В. Гоголь писал о педагогическом мастерстве одного из учителей. Он «...покамест говорил об ассириянах и вавилонянах – ещё ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и, что силы есть, хвать стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?»

Раньше литературоведы весьма боязливо намекали на «филантропов» в революционном обществе Петрашевского. И их ленинско-сталинскую осторожность в исследованиях советского периода можно было и понять, и принять. Поэтому присоединимся к профессору лишь в чём-то, а потому скажем: Гоголь, конечно, великий художник, сатирик и обличитель, но ведь и Петрашевский великий революционер, и если один на другого бросит эдакую тень, то выходит как-то идеологически неправильно! Теперь после немилосердного разрушения всех идеологических оков критики того раннесоветского периода можно писать и говорить более внятно и доходчиво, что, например, в обществе Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевского действительно обсуждались филантропические проекты всемирного счастья. Что вся деятельность петрашевцев ни к чему хорошему не привела и закончилась арестами и смертными приговорами, которые в ряде случаев были заменены продолжительными каторгами и ссылками.

«И, если «филантропическое общество», которое на утраченных страницах второго тома поэмы Гоголя переломило судьбу бедного Тентетникова, – это кружок Петрашевского, – здесь мы снова читаем профессора А.А. Кораблёва, – тогда что может помешать

нам продолжить эту мысль и заключить, что Тентетников – это Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881 гг.). Не похож? Не похож потому, что Достоевского мы воспринимаем прежде всего по его романам «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Идиот», «Бесы», а Гоголь его воспринимает по «Бедным людям»...

И здесь нам действительно стоит вспомнить, что второй том поэмы открывается полемически-декларативным вступлением, где автор пишет об изображении ***«бедности, да бедности, да несовершенств нашей жизни».*** (Здесь и далее выделено мною. – Г.Д.) Заметим, что эта фраза с повторяющейся «бедностью» в полной мере соответствует стилистике Макара Девушкина. «Зачем же ***изображать бедность, да бедность*** <...> Что ж делать, – пишет Ф.М. Достоевский, – если уже такого свойства сочинитель и, заболев собственным ***несовершенством,*** уже и не может изображать он ничего другого, как ***только бедность, да бедность...»***

Известно, что повесть «Бедные люди» Н.В. Гоголю прислала Анна Михайловна Виельгорская, тем самым воспроизводя ту же ситуацию, что описана в ней Достоевским. Там ведь тоже женщина присылает литературному герою повесть. Но ситуация не

только воспроизводится, но и замыкается, ибо присланная Девушкину повесть – это гоголевская «Шинель». Герой Достоевского раскритиковал книжку, назвал её неправдоподобной, хотя по его же рассуждениям выходит, что она, наоборот, совершенно не выдуманная, вплоть до полного совпадения с «подлой» жизнью Девушкина. Таким образом, Макар Алексеевич Девушкин выступает двойником Акакия Акакиевича Башмачкина, а Ф.М. Достоевский – двойником Н.В. Гоголя. Да и молва в среде творческой интеллигенции в то время Фёдора Михайловича уже прочно окрестила «новым Гоголем».

Н.В. Гоголь же, получив от Виельгорской эту книгу, отвечает ей из Генуи сдержанно: «Бедные люди» я только начал, прочёл страницы три и заглянул в середину, чтобы видеть склад и замашку речи нового писателя <...> В авторе «Бедных людей» виден талант, выбор предметов говорит в пользу его качеств душевных, но видно также, что он ещё молод. Много ещё говорливости и мало сосредоточенности в себе: всё бы оказалось гораздо живей и сильней, если бы было более сжато. Впрочем, я это говорю, ещё не прочитавши, а только перелистнувши» (из письма А.М. Виельгорской от 14 мая 1846 года). Так Николай Васильевич написал тогда, а сегодня мы уже точно знаем,

что о повести «Бедные люди» Н.В. Гоголь в то время уже достаточно хорошо был информирован друзьями, и в таком объёме, что Достоевский, даже ещё не прочитанный им, вполне мог быть обречённым на то, чтобы попасть в его поэму. «В Питере, по мнению «Отечеств<енных> Записок», явился новый гений – какой-то Достоевский...», – писал Н.В. Гоголю Н.М. Языков 18 февраля 1846 года. «Здесь Белинский с Краевским беснуются из-за какого-то Достоевского», – в марте 1846 года сообщал писателю П.А. Плетнёв.

Конечно, если Тентетникова поставить рядом не с Онегиным, а с Достоевским, то никакого сходства с ним мы не найдём. Однако во втором томе характеры людей вообще уходят на второй план. На первый же выходят их судьбы. А в судьбе Достоевского есть и стремительный литературный взлёт, и драматическая жизненная катастрофа. Трагическая судьба Достоевского оказалась незримо связанной с такой же судьбой Н.В. Гоголя. Мало того, что Фёдор Михайлович вошёл в литературу в гоголевской «Шинели», так он ещё и пострадал, как мы знаем, из-за неё же. Ведь вина этого тоже великого писателя и петрашевца состояла в том, что 15 апреля 1849 года на одном из собраний этой группы он прочитал запрещённое письмо В.Г. Белинского по поводу гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями». Так получилось, что, выйдя из гоголевской «Шинели», Достоевский тут же попал в «Мёртвые души» и наэлектризовал их собой. Следуя этой логике, мы видим, что именно Достоевский дал Андрею Тентетникову судьбу.

Теперь нам остаётся понять, кто же дал Тентетникову характер? Для этого возвратимся к Дерпенникову из университетского Дерпта и вспомним, что кроме Языкова там обучался и другой близкий приятель Н.В. Гоголя. Это Владимир Александрович Соллогуб. Примечательно, что в том самом пакете, который прислала Николаю Васильевичу Гоголю Анна Виельгорская, вместе с «Бедными людьми» Достоевского находилась повесть Соллогуба «Воспитанница», посвящённая Н.В. Гоголю. Возникает вопрос: а могло бы так быть, чтобы две книги из одного пакета в творческом воображении писателя соединились и сплавились в один образ? Отвечая Виельгорской, Н.В. Гоголь доброжелательно оценивает посвящённую ему книгу: «Воспитанница» весьма замечательна. Соллогуб идёт вперёд» (письмо А.М. Виельгорской от 14 мая 1846 года, которое мы уже упоминали). Скорее всего, здесь Н.В. Гоголь проявил свою тонкую деликатность. Ситуация складывалась так, что Владимир Александрович, муж Софьи Виельгорской, сестры Анны

Михайловны, в те годы вскоре вполне мог бы стать Гоголю свояком. Конечно, это произошло бы в том случае, если бы сватовство Николая Васильевича к Анне Михайловне Виельгорской действительно состоялось, оказалось успешным и закончилось браком. (Об этой истории речь пойдёт уже в следующе нашей главе.)

Отметим, что даже и без учёта последней версии возможного развития событий отношения Соллогуба и Гоголя были совершенно свойскими. Тот же Соллогуб вспоминает, как Н.В. Гоголь упрекал его в лени, то есть точно в том же, в чём писатель будет потом упрекать своего литературного героя Андрея Ивановича Тентетникова:

«Сколько раз Гоголь сердито укорял меня в моей лени!

– Да не пишется что-то, – говорил я.

– А вы всё-таки пишите, – отвечал он мне...»

Таким образом, в главе о Тентетникове пушкинские аллюзии, в существовании которых мы вас ещё будем убеждать, ссылаясь на наших литературных зубров, укрепляются ещё сильнее. Сильнее, потому что Соллогуб был хорошо знаком с А.С. Пушкиным и боготворил великого поэта, хотя это и не помешало тому, что в 1835 году он был вызван Александром Сергеевичем на дуэль. (К счастью, поединок не состоялся за примирением сторон.)

Тем не менее в случае если А.И. Тентетников, допустим, и есть В.А. Соллогуб, то Н.В. Гоголь, не мудрствуя лукаво, описывает находящуюся рядом с ним живописную натуру человека, которого очень неплохо знает, оттеняя в нём типологические черты русского характера. Если Тентетников – Ф.М. Достоевский, тогда участие Чичикова (и самого автора) в его судьбе становится актом реальной помощи осуждённому. Таким образом, пользуясь своим влиянием на умы соотечественников, Н.В. Гоголь мог попытаться воздействовать на судебное решение по Ф.М. Достоевскому и тем самым помочь ему избежать каторги, что и произошло. Нам остаётся заметить, что так бывает всегда: чем меньше знаешь, тем буйнее фантазия. Вот аж куды нас занесло, но и это ещё не предел!..

От «президиума» литературного цеха

Мы уже обращали ваше внимание на отдельные высказывания наших именитых прозаиков, поэтов и критиков о том, что некоторые идеи из творчества Н.В. Гоголя взяли себе на вооружение и мастерски развили в своих произведениях Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев и другие наши талантливые россияне. За-

метим, что процесс интеллектуального взаимообогащения для творческого сообщества естественен, поэтому нет ничего удивительного в том, что и Гоголь Николай Васильевич тоже что-то почерпнул у тех людей, которые олицетворяли собой тогдашний «президиум» литературного цеха Российской империи. На творческие искания и находки таких людей нередко реагировал и он, как в своих произведениях, так и в переписке с коллегами и друзьями.

Попытаемся это показать на примерах и начнём с великого поэта А.С. Пушкина. Наверное, многим из нас известен тот факт, что Гоголь на протяжении всей жизни к Александру Сергеевичу питал и сохранял особое расположение и верность, что Николай Васильевич пронёс эти чувства через всю свою жизнь. Об этом он писал, об этом он часто говорил своим друзьям и коллегам, что дошло до нас в многочисленных мемуарах и в письмах. Вместе с тем даже сейчас то там, то сям нет-нет, да и всплывают на эту тему самые всевозможные сомнения. Дескать, у Гоголя с Пушкиным душевные отношения были только в самом начале. Затем они расстроились. Его работа в журнале с Александром Сергеевичем не заладилась. Их встречи были так редки, что их легко сосчитать по пальцам одной руки. Переписки как таковой между ними почти что не было, а тезис о тесных контактах писателя с поэтом выдуман самим Гоголем... Так это или нет – мы оценивать не берёмся, и даже обсуждать в порывах своих изумлений или удивлений не считаем возможным, пусть это делают специалисты. Но для нас в самой постановке этого вопроса уже чувствуется что-то запудренное или даже такое фальшивое, как в восьмирублёвой купюре. Мало ли в жизни случаев, когда один человек горячо любит кого-то, так и не сообщив ему об этом, а кто-то другой – ненавидит, но восхищается и заискивает перед ним. Конечно, здесь наш тезис о любви и ненависти никак не подходит. Мы говорим лишь об уважении и преклонении перед талантом. Да и стоит ли оценивать дружбу, уважение или любовь по количеству писем или встреч?

«Пушкин, – писал Н.В. Гоголь, – есть явление чрезвычайное, и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла». А вот ещё одна цитата из Гоголя: «Сочинения

Пушкина, где дышит у него русская природа, так же тихи и беспорывны, как русская природа. Их только может совершенно понимать тот, чья душа носит в себе чисто русские элементы, кому Россия родина, чья душа так нежно организована и развилась в чувствах, что способна понять неблестящие с виду русские песни и русский дух».

В этой связи нам показалось весьма занимательным присмотреться к поэме «Мёртвые души» и к её персонажам сквозь призму творчества Александра Сергеевича, да и других видных литераторов того времени вспомнить. А потом и подумать о том, можно ли найти какую-либо «обратную связь» в строках наших литературных корифеев, то есть «отражение» их идей в текстах Н.В. Гоголя или наоборот. Здесь мы если чему-то и не удивимся, то, по крайней мере, хотя бы пофантазируем о том, как создавались новые творенья. И уж совсем другое дело будет состоять в том, как вы к этим фактам, а где-то, может, и к выдумкам чужим или нашим отнесётесь. Вопросы для обсуждения имеют отменную перспективу. Но при этом первому тому поэмы здесь мы посвятим внимания всё же меньше, конечно, не потому, что сказать нечего (примеров там также немало). Всё-таки главной целью наших поисков и

размышлений являются те идеи и события, которые вошли или могли бы войти в рукопись второго тома.

Как и обещали, сначала заглянем в первый том «Мёртвых душ». О посланиях от неизвестных дам города N, подброшенных П.И. Чичикову. Может быть вы согласитесь, что они очень напоминают нам письмо Татьяны Лариной к Евгению Онегину. «Письмо начиналось очень решительно: «Нет, я должна к тебе писать!» – это у Гоголя. У Пушкина строка такая: «Я вам пишу, чего же боле?» А вот ещё одна выдержка уже из последней южной романтической поэмы «Цыгане». Александр Сергеевич пишет о городе: «Там люди в кучах за оградой не дышат утренней прохладой». Кто-то из дам известного нам города N зовёт Чичикова «в пустыню», желая «оставить навсегда город, где люди в душных оградах не пользуются воздухом» – так пишет Н.В. Гоголь. «Окончание письма отзывалось даже решительным отчаянием и заключалось такими стихами: Две горлицы покажут / Тебе мой хладный прах, / Воркуя, томно скажут, / Что она умерла в слезах». Правда, здесь уже нам следует почитать Н.М. Карамзина, потому что это чуть неточная цитата из его стихотворения «Доволен я судьбою»: «Две горлицы покажут / Тебе мой

хладный прах; / Воркуя томно, скажут: / Он умер во слезах!»

«Письмо, – говорит Гоголь, – было написано в духе тогдашнего времени». И время действительно именно «тогдашнее». Поэма Пушкина «Цыгане» вышла в 1827 году, а третья глава «Онегина», где впервые было напечатано письмо Татьяны, опубликована в том же самом году. («Горлицы» Карамзина относятся к 1794 году, хотя в этой дате тоже есть некоторые сомнения, что, правда, в нашем случае значения не имеет.)

Совпадений в письме Татьяны и послании анонима много: тон, зачин, строки «и молча гибнуть я должна», «перед тобою слёзы лью». У Гоголя: «Что жизнь наша? – Долина, где поселились горести. Что свет? Толпа людей, которая не чувствует». У Пушкина: «Никто меня не понимает, рассудок мой изнемогает...» (Всё это очень подробно анализирует и описывает наш замечательный Игорь Петрович Золотусский, кому интересно – прочтите.)

«А письмо очень, очень кудряво написано», – заключает теперь уже наш «литературный эксперт» П.И. Чичиков, которому в этом снова «помогает» Н.В. Гоголь. Можно было бы обсуждение первого тома поэмы и продолжить, но мы всё же перейдём к обозрению некоторых моментов из того, что заметили в рукописи второго.

Первый, с кем мы там встречаемся, – Тентетников Андрей Иванович, молодой и холостой помещик. Скорее всего, вы согласитесь с тем, что, когда мы читаем о нём и мысленно погружаемся в образ его жизни, поначалу у нас возникают, может быть, не самые отчётливые, но и совсем не случайные литературные ассоциации. У любого читателя, который хотя бы немного ориентируется в содержании первого тома поэмы, дальнейшее её чтение, по сути, является прикосновением к своеобразной авторской тайнописи или даже к оригинальному диалогу именитых созидателей.

Попытаемся проиллюстрировать это примерами, на которые нас натолкнули любопытные материалы одного профессора. У Тентетникова день начинается так, как и у пушкинского Онегина – «очень поздно». Между чаем и обедом Андрей Иванович сочиняет трактат о России, и точно по-онегински – пока что это занятие у него продвигается через пень-колоду. Он довольствуется «одним обдумыванием». Евгений Онегин в созидательной деятельности застыл точно на такой же позиции: «Хотел писать – но труд упорный / Ему был тошен; ничего / Не вышло из пера его, / И не попал он в цех задорный». (Полагаем, что уровень литературного таланта этих юношей – Андрея и Евгения – вполне сопоставим.)

Повествуя о том, как Андрей Тентетников получал образование, Н.В. Гоголь ещё глубже раскрывает перед нами образ этого интересного и заметного в поэме персонажа. Становится понятным, что в юношеские годы у Тентетникова возникла нештатная ситуация, которую он воспринял как трагедию. В период учёбы он преклонялся перед педагогическим мастерством этого «несравненного Александра Петровича», которого очень уважал, восторгался им и был им очарован. Так случилось, что этот талантливый учитель скоропостижно скончался, и его сменил Фёдор Иванович, который своим примитивизмом и казуистикой отбивал у учащихся всяческое стремление к знаниям. Далее Н.В. Гоголь рассказывает нам о том, что для Тентетникова это стало тем огромным потрясением, которое повлияло на всю его жизнь.

Онегин воспитывался француженкой гувернанткой и гувернёром, который «учил его всему, шутя» и «не докучал моралью строгой». Судя по всему, набор образовательных услуг, который получил Евгений, был намного шире тентетниковских. Онегин в совершенстве овладел французским языком, «легко мазурку танцевал» и «кланялся непринуждённо». Он умел поддержать разговор на любую тему, коснувшись «до всего слегка», «бранил Гомера. Феокрита; зато читал Адама Смита и был глубокий эконом». Тем не менее в педагогическом «корпусе» учителей, приставленных к Онегину, правда, только по мере его взросления, но без ротации тоже не обошлось: «Судьба Евгения хранила: / Сперва Madame за ним ходила, / Потом Monsieur её сменил, / Ребёнок был резов, но мил». И эту смену педагогов Онегин, судя по всему, перенёс легко и безболезненно. Во всяком случае, после отставки мадам он больше её не вспоминал.

Строку «Мой дядя самых честных правил...» из «Онегина» о дяде Евгения мало кому из нас «удаётся» забыть. Гоголевский Андрей Иванович Тентетников на службу в департамент устроился также по протекции своего дяди – чиновника. На госслужбе он продержался недолго, поскандалил с начальником, что мы уже вспоминали, идти на мировую отказался, вышел в отставку и уехал в свою деревню. У Гоголя пушкинский мотив, связанный с ожиданием дядиного наследства, тоже есть, но только в воображении господина Чичикова. Зато у Николая Васильевича во втором томе дядя не один, а целых два. Первый – тот, что устраивал Тентетникова в департамент, а второй – придуманный великим комбинатором Павлом Ивановичем Чичиковым. Возможно, автор решил, что два дяди в

различных ипостасях будут и современнее, и интереснее читателям.

Отметим ещё один вопрос «о дядях». Во второй главе второго тома Н.В. Гоголь нашёл место и для осла, вспоминает его трижды, и это касается как раз того виртуального дяди, которого, как вы помните, Чичиков придумал себе по ходу встречи с генералом, а затем и с Тентетниковым. Ниже мы приводим фрагмент из диалога Александра Дмитриевича Бетрищева с Павлом Ивановичем. Здесь Чичиков продолжает воплощать свою идею о закупках душ. Здесь он ведёт речь уже о своём наследстве, которое наш покоритель неживых душ якобы может получить от старика-дяди после предъявления ему гарантий своей состоятельности. Вот как среагировал на это Бетрищев и что об этом пишет Н.В. Гоголь: «Ха, ха! – продолжал генерал. – Экой осёл. Ведь придёт же в ум требование: «пусть прежде сам собой из ничего достанет триста душ, так тогда дам ему триста душ». Ведь он осёл». «Осел, ваше превосходительство», – легко соглашается Чичиков с такой оценкой «своему» родственнику. И это немудрено, потому что глубина и ничтожество Павла Ивановича как сидели, так и сидят в той шкатулке, с которой он никогда не расставался. Чичиков поменялся лишь внешне.

Когда генерал хохотал над выжившим, по его мнению, из ума дядей Чичикова, дочь прибежала в испуге. «Папа, что с тобой случилось? – Ничего, мой друг. Ха, ха, ха! Ступай к себе, мы сейчас явимся обедать. Ха, ха, ха! И несколько раз задохнувшись, вырывался с новою силою генеральский хохот, раздаваясь от передней до последней комнаты в высоких звонких генеральских покоях».

В одной из глав к этому моменту мы обещали вам вернуться в связи с Уленькой. Прочтём ещё раз. Гоголь пишет: «Дочь прибежала в испуге. – Папа, что с тобой случилось?» – это второе одноминутное, а скорее – односекундное явление дочери генерала читателям в сохранившейся рукописи и те её слова, которые мы ранее вам ещё не приводили. Обратите внимание, как трепетно она относится к отцу. Можно ли этот момент заводить в параллель к губернаторской дочери, со стороны которой перед родителями одно лишь бессловесное преклонение и ничего более? Здесь мы видим смех одного – генерала, восторг от самого себя другого – Чичикова и переживание третьей. Теперь уже точка: Уленьки в тексте Гоголя больше нет.

Но вернёмся к тому «ослу», который вызвал такое оживление в кабинете генерала. Вспоминая о нём, мы с удовольствием на-

помним вам о нашем замечательном баснописце Иване Андреевиче Крылове. Наверное, для Н.В. Гоголя и его современников из числа литературных творцов тогда это была совершенно понятная и ясная пушкинско-крыловская двойная реминисценция. У А.С. Пушкина – «Мой дядя самых честных правил...» («Евгений Онегин»), а у И.А. Крылова – «Осёл был самых честных правил / Ни с хищностью, ни с кражей незнаком: / Не поживился он хозяйским ни листком...» Последний фрагмент – из басни Крылова «Осёл и Мужик».

Снова вспомним А.С. Пушкина и его Онегина в связи с реформами в агропромышленном комплексе. Евгений в своей деревеньке: «В своей глуши мудрец пустынный, / Ярем он барщины старинной / Оброком лёгким заменил; / И раб судьбу благословил». Андрей Иванович Тентетников на первых порах за хозяйство взялся с той же прытью, если даже не круче. «Уменьшил барщину, – пишет Н.В. Гоголь, – убавив дни работ на помещика и прибавив времени мужику». Как это снова похоже, не правда ли?

Вряд ли стоит считать Тентетникова параллелью Онегина. Скорее всего, Андрей Иванович его «преемник». По нашему разумению, Тентетников выглядят гораздо объёмнее и интереснее Онегина, как в самом начале знакомства с ним,

так и в перспективе развития. Он эмоциональнее и живее, хотя и флегматик, в чём и состоит один из парадоксов. В то же время, вероятно, Евгений Онегин лучше образован, но менее человечен. Это всего лишь холодный аристократ с проблесками каких-то чувств.

Онегин и Ленский были соседями. Они же – «от делать нечего друзья». Чем эта дружба у них закончилась, мы, конечно, помним – дуэлью и убийством Ленского. У Тентетникова друзей не было, но соседи были. Один из них Вишнепокромов, которого однажды мы уже упоминали. Очень скоро его пустопорожние речи и никчемные увлечения стали Тентетникова страшно раздражать, и он с ним, а возможно, и с другими подобного рода соседями «раззнакомился», оставшись наедине с виртуальной затеей создания сочинения и ничегонеделанием. Лексический арсенал в отношениях между ними пополнился такими выражениями, как «скотина», «естественнейший скотина» или даже «что-то вроде свиньи», но до дуэли здесь дело не дошло. Отношения прекратились на стадии взаимной антипатии. Однако в этом тоже есть параллель с теми событиями, к которым в деревенской жизни был причастен Онегин. Дружил – раздружился: один – через дуэль, другой – через скандал. Неважно как, но итог – тот же разрыв.

«Теперь для полноты сюжета, который здесь выглядит как гравюра с известной картины, нужна любовная история, – замечает профессор Донецкого национального университета Кораблёв А.А. – А как ещё пробудить к жизни скучающего героя? Это сможет только милая и умная деревенская девушка. И она, конечно же, живёт по соседству». Напомним, что у Онегина по соседству жила семья Лариных. У Тентетникова – семья Бетрищевых. Девушки были в каждой из этих семей. Конечно, эти любовные истории имеют различие даже по их продолжительности, но они есть в обоих случаях. В обоих случаях они «держат» на себе весь сюжет.

Чем Онегин занимался в деревне, вы помните, как помните и о «финальных» днях его очарования бывшей соседкой Татьяной, что выглядело, на наш взгляд, весьма банально. Его любовь к ней, если можно так истолковывать чувства Онегина, по сути, свелась к формуле гоголевского поручика Кувшинникова из первого тома поэмы Гоголя, которая в пересказе Ноздрёва именовалась «попользоваться насчёт клубнички». Для иллюстрации этого тезиса нам достаточно вспомнить, например, о том, как опытный и циничный повеса Онегин безудержно строчит замужней женщине письма. В числе основных мо-

тивов – основной инстинкт: «Хочу обнять у вас колени». Здесь мы находим, что, во-первых, такими письмами он, конечно же, не на шутку дискредитирует замужнюю даму, при этом сам в этой ситуации совершенно ничем не рискует. А во-вторых, даже без знания анатомии легко себе вообразить, куда бы он желал уткнуться носом, обняв колени чужой жены.И, таким образом, можно понимать, что любовь к этой женщине в жизни Онегина, вероятно, занимала далеко не самое первое место...

К этому следует добавить всего лишь несколько слов. У гоголевского Тентетникова чувства к своей «соседке» были несоизмеримо благороднее и выше. Или: Гоголь здесь пошёл другим путём.

Про грудь и беленький чулочек

На этих страничках мы позволим себе немножко отвлечься и от второго тома поэмы, и от образа несостоявшейся его главной героини. Рассматривая женские литературные образы, созданные Н.В. Гоголем, и юных девиц, и зрелых барышень, порой трудно удержаться от того, чтобы действительно не заметить в них некоторых признаков двойственности. Кто-то находит двойственные тенденции в эро-

тизме Гоголя, где, с одной стороны, писатель ставит мужскую дружбу выше женской любви, а с другой, как отмечает С.А. Карлинский, например, обожествляет женщину, переводя всё из индивидуализированной эротики в эротику ландшафтно-космическую. Отдельные критики находят эротический подтекст любви в быстрой езде тройки, увязывая её со словами юного Гоголя из эссе «Женщина» о том, как может потонуть душа «в эфирном лоне души женщины». Некоторые наши видные прозаики и авторитетные литературоведы, как, например Д.Л. Быков, отмечают тот факт, что скачка Хомы с панночкой в «Вие» пронизана высочайшим эротическим напряжением, хотя здесь в сознании мужчины оно вытесняется страхом затеряться в огромном, необъятном просторе, который сопровождается мучительным желанием пронзить и наполнить его собой. Обращаясь к этой сцене, как С.А. Карлинский, так и Д.Л. Быков усматривают в ней метафорическое описание оргазма. «Но там что? – напоминают они слова Н.В. Гоголя из «Вия». – Ветер или музыка: звенит, звенит, и вьётся, и подступает, и вонзается в душу какою-то нестерпимою трелью... <...> Он чувствовал бесовски сладкое чувство, он чувствовал какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслаждение». Вожделение, вызванное полётом на ведьме,

здесь переносится на соблазнительную русалку, мелькающую где-то внизу, и растворяется в окружающем пространстве, в вихре полёта, в музыке ветра.

Есть и такие умудрённые знаниями и маститые литераторы, которые как на протяжении многих десятилетий, так и теперь занимают «строго агрессивную» позицию по отношению к творчеству Гоголя в части, касающейся созданных им женских литературных образов, аргументированно утверждая, что в его произведениях эта тонкая и поэтичная материя отображается довольно своеобразно, а проще сказать – упрощённо и тривиально. В тех строках, где писатель повествует о женщинах, они чаще всего кажутся излишне бледными, невыразительными, а некоторым бросается в глаза даже чрезмерное внимание Гоголя к некоторым частям женского тела, что в отдельных случаях неуместно обостряет запредельный эротизм. Нам трудно поддержать этот тезис. Допустим, обостряет ли ваш эротизм «эфирное лоно души», «мраморная рука», «прозрачные облака персий» или «лелейное чело»? У нас такие оценки ничего не обостряют.

При этом, если не терять дружбы с логикой, следовало бы замечать и очевидное. А оно состоит в том, что женское начало в изображении

Гоголя никогда не изображается строго отрицательным, то есть исключительно соблазнительно-угрожающим, пародийно-сниженным или идиллически-бесполым. В критике писателя литературоведы напоминают нам ещё о «разметавшейся на одинокой постели горожанке с дрожащими молодыми грудями», которой снится «гусарский ус и шпоры», или о «наяде с такими огромными грудями, каких читатель, верно, никогда не видывал». Признаки «вины» Гоголя находят даже в том, что «молодые груди» его героинь всегда упруги, куполообразны и неизменно дрожат, колеблются или «трепещут, встревоженные вздохами», будто бы это самым ужасным образом искажает действительность. Пораскиньте умом, если вы профессор схожих знаний, – сильно ли искажает?

Конечно, писатель мог бы и ещё больше завораживать читателей размышлениями об упругости груди, что у него прекрасно получалось без малейших намёков на переход воображаемой кем-то красной черты. В число наиболее упоминаемых нашими учёными приятелями «традиционных» примеров, относящихся к творчеству Гоголя, также вошла и нагая полная белая ножка панночки-ведьмы из «Вия», что свела с ума бедного псаря Микитку. По этой же причине часто упоминаются сокровенные мечты Аксентия Поприщина из

«Записок сумасшедшего». «Хотелось бы, – говорит он, – заглянуть в спальню... там-то, я думаю, чудеса, там-то, я думаю, рай, какого и на небесах нет. Посмотреть бы на ту скамеечку, на которую она становит, вставая с постели, свою ножку, как надевается на эту ножку белый, как снег, чулочек... Ай! Ай! Ай!» И, наверное, не повезло критикам только в том, что никак не удалось им «навесить» на гоголевских героинь исполнение ими дрожи плечами и, что в таких случаях логично, грудями, а также некоторыми другими частями их организмов в технике цыганских танцев...

Но если серьёзно, то подобного рода юношеский восторг от девичьих грудей или их ножек и в прозе, и в поэзии, и даже не важно, где и когда, всегда будоражил мужчин, будь то Гоголь и его Пискарёв из «Невского проспекта», Чичиков, Розанов Василий Васильевич или сам Пушкин. (Список из одних только фамилий творцов, за которыми стоят такие примеры, мы легко можем превратить в полную страницу.)

Обозревая лишь те, которые содержат критику Гоголя, приведём слова Андрея Белого. Он немало восторгался писателем, но в ряде случаев был к нему беспощадным: «Когда он (Гоголь. – Г.Д.) описывает женщину – то или виденье она, или холодная статуя с персями

матовыми, как фарфор, непокрытый глазурью», или похотливая баба, семенящая ночью к бурсаку. Неужели женщины нет, а есть только баба или русалка с фарфоровыми грудями, сваянными из облаков?» В этой связи припоминается известный фрагмент из биографии писателя, относящийся к его знакомству с автором популярной хрестоматии по русской литературе А.Д. Галаховым в 1835 году в Москве. Узнав, что Галахов знакомит институток с его сочинениями, исключая по требованию начальницы института отдельные подобного рода места, Н.В. Гоголь рассмеялся и посоветовал читать «всё сплошь... ведь дивчата прочтут же тайком, втихомолку». Наверное, уже тогда 26-летний автор вполне понимал то, как девушки воспринимают его строки об их нежном «племени». Но читательницы, как вы понимаете, конечно, не литературоведы и не критики, да и Гоголь ко второму тому поэмы повзрослел вдвое...

Отдельные беллетристы находят странность Гоголя в том, что даже самые удачные его женские образы неизбежно принадлежат колдуньям, русалкам, утопленницам, которых мы уже вспоминали, или решительно зловредным тётенькам и дамочкам, несущим в себе одно лишь разрушение. Впрочем, давайте на этот раз русалок оставим в покое, потому как они у Гоголя встречаются лишь в начале его творческого пути, а вот женские прелести пока ещё отпускать не будем. Вот примеры от других классиков, после прочтения которых можно понять, стоит ли Гоголю предъявлять подобные претензии.

Об отдельных «детальках» неземной женской красоты, например, А.С. Пушкин пишет так: «Дианы грудь, ланиты Флоры / Прелестны, милые друзья! / Однако ножка Терпсихоры / Прелестней чем-то для меня». Или: «Я помню море пред грозою: / Как я завидовал волнам, / Бегущим бурной чередою / С любовью лечь к её ногам! / Как я желал тогда с волнами / Коснуться милых ног устами!» Дальше Лермонтов М.Ю.: «О! как полны, как прекрасны / Груди жаркие твои / Как румяны, сладострастны / Пред мгновением любви; / Вот и маленькая ножка, / Вот и круглый гибкий стан, / Под сорочкой лишь немножко / Прячешь ты свой талисман...» А это уже Брюсов В.Я.: «Давно охладели, давно окаменели, / Те выкрики дня, те ночные слова: / Эти груди, что спруты, тянулись ко мне ли? / Этих бёдер уклоны я ль целовал?»

Мы могли бы и дальше рассыпаться прекрасными примерами из поэзии и прозы, но больше распаляться не будем. Бесспорно то, что женская красота всегда вдохновляла и

вдохновляет. Бесспорно, что Гоголь в своих чувственных ориентирах не одинок. Мы говорим о восхищении красотой женщин, и это восхищение исходит, конечно, в первую очередь от мужчин. От женщин оно тоже может исходить, хотя реже, и скорее это будет связано уже с завистью. Дело не в этом. Наши примеры говорят только о том, что для восхищения девичьей или женской (как вам удобнее) красотой и грацией другие мастера художественного слова формулы выражения своих взглядов находили в похожих терминах, только представляли их читателям в соответствии с выработанным у каждого из них стилем. Мы не считаем, что критики обиделись на Гоголя за то, что в его строках нет внимания к женским ушкам иль макушкам. Но вы действительно не найдёте у Гоголя отважно обнажённых красавиц с блуждающими по интерьерам спален стеснительными взглядами. Он нигде не стремился и к тому, чтобы одеть своих героинь во что-нибудь этакое, очень эротично-кружевное или запредельно прозрачное, что любителями фетиша при чтении поглощалось бы с безумным интересом...

Н.В. Гоголь действительно писатель великий, но мужчина – самый обыкновенный. Николай Васильевич остаётся собою, и наше ошеломление при его чтении очень часто

перерастает в недоумение. Да и женские образы, созданные им, при всей их несостоятельности, почему-то успешно продолжают свою жизнь у других авторов, попреки всем критикам. И ведь дело не в Коробочке или в Катерине из «Страшной мести». Вспомните хотя бы о поразительной их близости в «Городе» или «Незнакомке» Блока к «Петербургским повестям» Гоголя. Да и столкновение мечты с реальностью у блоковских героинь ничем не отличается от того, что пришлось пережить героине «Невского проспекта».

В такой ситуации могла бы оказаться и Уленька Тентетникова, будучи в начале нашего знакомства с нею воплощением душевной чистоты и непорочности. Согласитесь, что её хрупкая натура вполне могла бы перевоплотиться в сильную личность, способную как справиться с любыми жизненными трудностями, так и натворить ошибок, чтобы потом их решительно побороть. Можно предположить, что для создания своих образов А.А. Блок опирался именно на Н.В. Гоголя, а уже потом приглядел у Ф.М. Достоевского идею о том, что «красота спасёт мир». Подобные примеры напрашиваются сами собой...

В этой вариации наверняка немало нами надуманного, поэтому мы её и называем всего лишь одной из версий вокруг эпизодов второго

тома поэмы. Что же касается проявления особенностей того первого национального русского женского характера, который В.Г. Белинский обнаружил в пушкинской Татьяне Лариной, то мы замечаем их в характерах или эскизах к ним и у других персонажей русской литературы того времени. Среди них, как нам кажется, могла бы быть и гоголевская Уленька Бетрищева, причём совсем недалеко от Кити Лёвиной из числа героинь Л.Н. Толстого или младшей дочери купца из «Аленького цветочка» С.Т. Аксакова, о которой мы вскользь уже упоминали.

И понятно, что эти мечты могли бы стать явью, если бы мы знали весь текст второго тома.

ГЛАВА VI. И СНОВА О ДУШЕ ТВОРЦА, ЕГО ЛЮБВИ, НАДЕЖДАХ И ПЕЧАЛИ

«Кающаяся Мария Магдалина»

Трудно предположить, будет ли кто-то из читателей удивлённо пожимать плечами, округлять глаза и поднимать брови после нашего сообщения о том, что здесь, как и прежде, мы продолжаем афишировать наши мизерабельные попытки вещать о том, что уже тысячекратно написано и переписано о той части поэмы, которую никто не читал. Наши действия объясняются лишь тем, что никому не известные страницы и абзацы не могли не переплетаться с личной жизнью Николая Васильевича Гоголя, с его отношениями с писателями, издателями, критиками и другими гражданами из числа его современников.

Были среди них и прекрасные современницы, причём и такие, которые никакими подвигами в нашей литературе отличиться как-то не успели. В этой связи для начала прикоснёмся к одной из наиболее деликатных тем. Попы-

таемся вспомнить: случалось ли так, чтобы Н.В. Гоголь был в кого-либо влюблён? Довольно распространённое мнение сводится к следующему: «Нет! Не был, не любил, женщин боялся». Откуда же такие соображения вдруг возникли? Да кто его знает? Они есть – и точка. Один лишь В.В. Розанов знал, как обосновать ответ на этот вопрос. Он публично аргументировал и разъяснял это. Правда, через полвека после смерти Николая Васильевича, зато как! Разгадку «тайны» Гоголя гипотетически он находил чуть ли не в некрофилии, сообщая читательской публике, что писатель, по его мнению, никогда не знавший плотской любви к женщине, потому-то и живописует в своих произведениях лишь молоденьких и хорошеньких, но мёртвых женщин, и только женщин. Будто бы мужчины совсем не умирают? В 1-м коробе «Опавших листьев», как назвал он свои литературные розыски, критик заявил: «Я думаю, что половая тайна Гоголя находилась где-то тут, в «прекрасно упокойном мире...» Что там было в этом мире и как, только Розанову и ведомо. Конечно, господин Розанов был очень талантливым человеком. Он – это отдельная тема в критике. Может быть, и по отношению к Гоголю ему, словно Вию, кто-то однажды поднял веки. Мы этого не знаем, но удивим вас ещё больше, ввернув от него ещё одну цитату.

«Чем же я одолел Гоголя (чувствую)? – пишет Розанов в 1915 году в «Мимолётном» и отвечает: – Фаллизмом. Только. Ведь он совсем без фалла». Как известно, его работы на эту тему были запрещены Святейшим Синодом. Его преклонение перед фаллосом – это воспевание Жизни и торжество Добра и Света. Воспринимая Гоголя как посланника Тьмы, сеющего разложение и смерть, он пытался противопоставить ему жизнь, ведь «у Гоголя поразительное отсутствие родников жизни – и «всё умерло». До конца дней своих Розанов считал Гоголя нигилистом и клеветником, самодовольным лжецом, обладающим при этом дьявольской силой убеждения.

Конечно, мы не настолько проницательны и облагодетельствованы теми знаниями, которые помогли бы нам обсуждать подобного рода аспекты физиологии или интимных подробностей жизни того человека, который жил в России более полутора веков назад. В то же время наша беллетристика буквально запружена историями о платонических отношениях Н.В. Гоголя с теми женщинами, которых он постоянно покорял своим умом и талантом. Некоторые из этих историй мы с интересом прочли и на пути к собственному их пониманию попытаемся вам рассказать, начав с одного из наиболее любопытных моментов в био-

графии писателя. Это важно, поскольку многие критики, да и читатели долгое время находили в этом примере либо странности писателя, либо его запредельно высокие душевные качества, либо же укоренившуюся у него с ребяческих лет склонность к банальному обману.

24 июля 1829 года, Петербург. Писателю 20 лет. Он пишет и отправляет матери письмо, в котором исповедуется в любви к прекрасной незнакомке. И какие же удивительные слова нашёл этот юноша! «Я видел её... нет, не назову её... она слишком высока для всякого, не только для меня, – пишет Николай Гоголь. – Я бы назвал её ангелом, но это выражение некстати для неё. Это божество, но облачённое слегка в человеческие страсти... В порыве бешенства и ужаснейших душевных терзаний я жаждал, кипел упиться одним только взглядом, только одного взгляда алкал я... Взглянуть на неё ещё раз – вот бывало одно-единственное желание, возраставшее сильнее и сильнее с невыразимою едкостью тоски... Но, ради Бога, не спрашивайте её имени. Она слишком высока, высока!»

Теперь-то мы уже знаем, что в том случае никакой любовной истории, связанной с таинственной незнакомкой, у юноши не было. А тогда многие современники писателя долго терзались в догадках и изощрялись в своих

неисчислимых версиях и предположениях о предмете гоголевской страсти. И, кстати сказать, много лет позднее в «Авторской исповеди» писатель сам сознавался, что в питерской истории 1829 года с незнакомкой – незнакомки не существовало. Гоголь действительно всегда любил фантазировать. Остаётся лишь понять: где же тогда мог найти такие слова и обороты о неземной любви к женщине юный писатель? (Нам этого сделать не удалось, а здесь мы вам напомнили лишь малую толику из тех высоких слов о женщине, которые он поместил в письме к матери.)

Косвенный ответ на этот вопрос даёт философ и богослов В.В. Зеньковский, всегда отзывавшийся о Н.В. Гоголе как о «пророке православной культуры». Размышляя об «эротической стихии» и «эротической сфере» в творчестве писателя, он писал так: «Гоголь был наделён исключительной чуткостью к эротике, к ужасным и погибельным чарам вечно женственного». Он считал, что писатель умел глубоко, как никто другой, понимать женщину. И если бы кому-то удалось доказать, что всё, что было изложено в письме Гоголя к матери, – реальность, то можно было бы с лёгкостью утверждать, что юный сочинитель относился к чувствам любви как к сокровенным таинствам. Что разглашение

имени дамы, ставшей его божеством, с его стороны могло бы стать предательством. Сегодня мы бы говорили точно так потому, что уяснили и знаем: в тонкие сферы своих сердечных переживаний Н.В. Гоголь никогда никого не допускал даже из числа ближайших друзей. И это факт.

Мы знаем, что первым, может быть, неосознанным, но совершенно естественным порывом любого мужчины к прекрасной женщине является восхищение ею и преклонение перед ней. Далеко не каждый на этих чувствах смог остановиться. Н.В. Гоголь – почему-то останавливался, удерживался, и делал это не один раз. Удерживался ли он в своих мечтах и снах? А в своих героях? Не пытался ли он через них преодолеть себя и тем самым прийти на выручку своему девственно-чистому, мятущемуся сердцу и страдающей душе? Попробуем понять...

Мы уже отмечали тот факт, что с некоторыми дамами Н.В. Гоголь имел очень тёплые и продолжительные отношения. Здесь мы остановимся и на других, не совсем «литературных» персонах, и только потому, что не отказались от своих намерений рассказать о тех его героинях, которые хотя бы строкой «получили прописку» в рукописи второго тома поэмы «Мёртвые души».

С фрейлиной императрицы Александрой Осиповной Россет Николай Васильевич поддерживал трогательные и добросердечные связи на протяжении всей своей творческой жизни. С неё мы и начнём наш рассказ.

«Её отец, Осип Иванович Россет, – пишет И.П. Золотусский («Гоголь»), – был родственником герцогов Ришелье – герб Россетов красовался в Версале. Мать Александры Осиповны Надежда Ивановна Лорер по отцовской линии происходила от выходцев из Голштинии, пришедших на Русь во времена царствования Петра III. Мать Надежды Ивановны была княжной Цициановой и состояла в родстве с грузинским царём Георгием XIII». Представив вашему вниманию эту краткую референцию, мы попытаемся самым подробным образом остановиться не только на истории отношений великого писателя с этой эффектной женщиной из рода Ришелье – Цициановых, но и на некоторых других подробностях её увлекательной биографии.

А прежде попытаемся понять, как же эта высокопоставленная дама могла войти в жизнь небогатого малоросса Гоголя? Как говорили и многажды писали наши литераторы и историки, а теперь и мы у них переписываем, особый шарм, изящество и непревзойдённую красоту Александра Осиповна имела от природы, бла-

годаря смешению сразу нескольких кровей, темпераментов и характеров. И вот чем это объясняется. Отец Александры Осиповны был французом по происхождению. Воспитанник морского училища Осип (Иосиф) Россет ещё в ранней молодости перешёл на русскую службу, где стал комендантом Одесского порта, заведующим карантином (таможней) и командующим гребной флотилией. Он женился на шестнадцатилетней Надежде Ивановне Лорер (сестре декабриста Николая Лорера), а у той отец был немецкого происхождения, а мать – грузинка. Поэт и литератор Яков Полонский, воспитатель сына Александры Осиповны, много лет позднее писал: «От Россетов она унаследовала французскую живость, восприимчивость ко всему и остроумие, от Лореров – изящные привычки, любовь к порядку и вкус к музыке; от грузинских своих предков – лень, пламенное воображение, глубокое религиозное чувство, восточную красоту и непринуждённость в обращении».

Отец девочки умер, когда ей исполнилось всего лишь пять лет. Надежда Ивановна вышла замуж второй раз, за генерала Ивана Карловича Арнольди, а свою дочь и четырёх сыновей отдала на воспитание бабушке, Екатерине Евсеевне Цициановой, владелице скромного именьица Грамаклея-Водино

близ Николаева (теперь это Украина). Там и протекали чудесные годы детства нашей героини. Позднее Александра Осиповна в «Автобиографии» писала: «Если бы Гоголь стал описывать Грамаклею, не знаю, что бы мог он сказать о ней особого, разве только то, что у въезда в деревушку был ключ самой холодной и сребристой воды, да что речка, которая протекала около сада, была тёмная, глубокая и катилась так медленно меж тростника, что казалась неподвижной». Ранее мы уже вспоминали и обильно цитировали вам воспоминания сводного брата нашей героини Льва Ивановича Арнольди. Надеемся, что сейчас вы это помните и теперь понимаете, что в этой семье Л.И. Арнольди появился вместе со вторым мужем Надежды Ивановны – генералом.

Далее мадемуазель Россет ожидала учёба в Екатерининском Петербургском дворянском институте, где она получила прекрасное общее образование и овладела европейскими языками. Любопытно, что учителем русской словесности в институте у неё был знаменитый учёный, близкий друг А.С. Пушкина Пётр Александрович Плетнёв. Здесь мы только для иллюстрации отношений теперь уже учителя с ученицей приведём короткий пример. Вот он. 19 июля 1831 года Плетнёв просит Пушкина:

«Поблагодари Россети за её ко мне дружбу. Её беспокойство о моей судьбе трогает меня не на шутку. Я не умею сам себе объяснить, чем я заслужил от неё столько участия; но быть за это признательным и преданным очень умею». А.С. Пушкин 3 августа того же года ему отвечает: «Россети вижу часто; она тебя любит, и часто мы говорим о тебе».

Когда Александра Осиповна учёбу в институте завершила, оказалось, что ей, семнадцатилетней девушке, идти некуда: её матери и бабушки к тому времени уже не было в живых. Тогда она и попала в поле внимания царской семьи. Девушку сразу же определили фрейлиной к Марии Фёдоровне (которая была её крёстной матерью); после смерти императрицы, фрейлиной она и осталась, но уже при сменившей её Александре Фёдоровне. Отметим, что в переписке с Гоголем Россет (после замужества она стала Смирновой-Россет) не раз выражала самые тёплые чувства к членам царской фамилии, хотя некоторые факты из её биографии наталкивают нас на мысль, что её положение при дворе было не так уж и лучезарно.

Как утверждают некоторые историки и беллетристы, обстановка при дворе в тот период кристальной моральной чистотой и безупречной нравственностью не отличалась – и молоденькая Россет, как и многие другие фрейлины императрицы, нередко становилась объектом непристойных обхаживаний и харассмента. Сам Николай I по отношению к фрейлинам своей жены, как это отмечается в ряде источников, выглядел ничуть не лучше подчинённых ему офицеров и чиновников. Да и Россет, как это утверждается свидетелями тех далёких событий, повела себя с монархом весьма фривольно. Позднее в своих мемуарах Александра Осиповна писала о многих своих обожателях, однако об отношениях с венценосцем предпочла не распространяться, хотя было известно, как она аккуратно и бережно относилась к его письмам и хранила их, несмотря на неблагопристойности, которые там якобы нередко встречались.

Внимание к ней царя «простиралось, видимо, весьма далеко, иначе бы писатель Аксаков, человек весьма добродушный, честный и высоконравственный, не назвал бы её впоследствии «кающейся Марией Магдалиной», поэт Языков – «сиреной, плавающей в прозрачных водах соблазна», а известный биограф Гоголя Шенрок не заметил бы, что её прошлое «тяжело ложилось на её репутации», как писал известный советский психиатр А.Е. Личко. Да и сама Александра Осиповна в одном из писем к Н.В. Гоголю совершенно откровенно сознава-

лась явно в чём-то постыдном: «Душа моя едва ли кому открыта, как вам... Вы её видели в такой черноте, в какой Боже сохрани показать её другим». Нам трудно представить, как Гоголю удалось увидеть её душу, но понять можно, что у этой дамы от Николая Васильевича секретов не было даже по тем её глубоко личным историям, которые она когда-то пережила и потому так страдала и каялась.

Имеющий прочную репутацию образцового гражданина, христианина и семьянина писатель С.Т. Аксаков однажды написал своему сыну: «Недоступная атмосфера целомудрия, скромности, это благоухание, окружающее прекрасную женщину, никогда её не окружало, даже в цветущей молодости». С таким же чувством недопонимания и одновременно внутреннего возмущения писал о Смирновой-Россет и его сын И.С. Аксаков: «Я не верю никаким клеветам на её счет, но от неё иногда веет атмосферою разврата, посреди которого она жила. Она показывала мне свой портфель, где лежат письма, начиная от государя до всех почти известностей включительно. Есть такие письма, писанные к ней чуть ли не тогда, когда она была ещё фрейлиной, которые она даже посовестилась читать мне вслух – столько мерзостей и непристойностей. Много рассказывала про всех своих знакомых, про Петербург, об их образе

жизни, и толковала про их гнусный разврат и подлую жизнь равнодушным тоном привычки, не возмущаясь этим».

Мы не склоняемся сами и не пытаемся склонить вас к каким-либо выводам, а всего лишь представляем вашему вниманию выдержки из высказываний об А.О. Россет, причём тех людей, которые жили в то время и, наверное, неплохо знали то, о чём рассказывали другим. И мы так затянули представление вам этой интересной дамы и такого вам уже наговорили, что впору бы читателям и спросить: это дама полусвета? или?.. а Гоголь где? он-то хоть какое-то отношение имеет к ней? а она к нему или к литературе?

Имеет ли отношение? Да, имеет, и ещё какое! И к литературе тоже...

На самом деле Александра Осиповна в то время считалась, как сказали бы сегодня, светской львицей. Она часто бывала в семье Карамзиных, где и познакомилась с П.А. Вяземским, А.И. Тургеневым, Д.Н. Блудовым, стала настоящей девушкой-музой А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и В.А. Жуковского... Её знакомство с Гоголем произошло в 1831 году. Это было именно то лето, когда в Петербурге неистовствовала холера, когда его жители бунтовали из-за недостаточности принимаемых властями мер по борьбе с ней, когда началось восстание в Польше, а императорский двор переехал в

Царское Село. (Так совпало, но надо понимать, что переезд двора из столицы происходил каждым летом традиционно.) Вечерами компания известных литераторов, среди которых, как правило, находились и Пушкин с Жуковским, собиралась в комнате, которую фрейлина Россет занимала в Екатерининском дворце. На одной из таких встреч двадцатидвухлетняя девица Россет тогда и познакомилась со своим ровесником – начинающим сочинителем Николаем Гоголем.

В 1850 году О.Н. Смирнова, а это уже дочь Александры Осиповны, записала в своём дневнике рассказ об их знакомстве со слов самого Гоголя: «Она знала уже, что П.А. Плетнёв меня принимал дружелюбно и что В.А. Жуковский и А.С. Пушкин благоволили к хохлу. На другой день она приказала Плетнёву доставить к ней хохла; это было им тотчас исполнено. Плетнёв при Василии Андреевиче и Александре Сергеевиче передал мне приказание Александры Осиповны явиться к ней. Я закобенился, не захотел повиноваться; но тут Жуковский и Пушкин оба закричали на меня и сказали, что я глуп, и невежа, и грубьян, что все должны слушаться Александры Осиповны и что никто не смеет упираться, когда она приказывает. Побранив меня порядком, А.С. Пушкин, которому нельзя было отказывать, и В.А. Жуковский схватили меня и

повели во дворец к Александре Осиповне. Когда она увидала меня с моим конвоем, она сказала: «Наконец-таки пришли! Ведь и я хохлачка, и я помню Малороссию. Мне было всего семь лет, когда я уехала на север, на скучный север, а я всё помню, и хутора, и малороссийские леса, и малороссийское небо, и солнце. Поговорим о родном крае». Александра Осиповна прочитала мне малороссийские стихи. Тут я узнал, что мы уже давным-давно знакомы и почти друзья и что мы всегда будем друзья».

А.О. Россет об этом случае не рассказывала. «Каким образом, где именно и в какое время я познакомилась с Николаем Васильевичем Гоголем, совершенно не помню... Когда я однажды спросила Гоголя: «Где мы с вами познакомились?», он отвечал: «Неужели вы не помните? Вот прекрасно! Так я же вам не скажу. Это значит, что мы были всегда знакомы», – писала А.О. Россет в своих воспоминаниях. И здесь она, конечно, слукавила...

Н.В. Гоголь всегда восхищался А.О. Россет, доверял ей свои тайны, во флигеле загородного дома губернатора Смирнова под Калугой (к тому времени Александра Осиповна уже была Смирновой-Россет) он продолжал работу над вторым томом «Мёртвых душ». Там же он читал отдельные его главы, там же дал прочесть ей и новую, девятую, главу поэмы. Есть

предположение, что эта глава, так потрясшая Александру Осиповну, где он описывал любовь Платонова к одной блестящей, но уставшей от жизни даме, была посвящена как раз ей. Почему бы и нет? «Помню, что А.О. Смирнова была в восхищении от этой главы и говорила, что влюблена в Тентетникова», – писал в своих воспоминаниях князь Д.А. Оболенский. Уж не о себе ли подумала в те минуты Александра Осиповна, когда слышала этот текст? Ведь это так тесно увязывается с её судьбой, с её жизнью, с её положением!

Следует сказать, что Россет знала многие тайны создаваемого Н.В. Гоголем второго тома поэмы, поскольку постоянно интересовалась ходом его работы над ним. В качестве подтверждения этому скажем, что в одном из писем к Н.В. Гоголю она спрашивает: «Что делают все ваши и мои знакомые? Тентетников и проч.?» Гоголь в ответе ей от 29 июля 1849 года пишет: «Кланяется вам Тентетников».

Александра Осиповна Россет была очень харизматичной женщиной – красавицей. Как утверждали её современники, стоило ей только взглянуть на мужчину, как тот влюблялся в неё, становясь её вечным пленником. «Черноокая Россети / В самовластной красоте / Все сердца пленила эти, / Те, те, те и те, те, те» – в этих коротких строчках А.С. Пушкин подметил именно эти её особенности. Её глаза, как отмечали современники, действительно были наделены невероятной магической силой. Как её только не называли. И «сиреной, плавающей в прозрачных водах соблазна», и «девой-розой», и «небесным дьяволёнком», и «придворных витязей грозой», но наивысшую оценку душевным качествам Александры Осиповны дал Гоголь, сказав, что она – перл, то есть жемчужина, среди всех русских женщин.

Следует отметить, что для Александры Осиповны Россет замужество стало едва ли не единственным способом получения материальной независимости и верным способом спасения от неприличных помыслов придворных кавалеров, ведь она находилась в поле их неослабного внимания.

Её влюблённо воспевали князь П.А. Вяземский, В.И. Туманский, А.С. Хомяков, М.Ю. Лермонтов, С.А. Соболевский и многие другие. Ходили слухи, что ею увлекался и великий князь Михаил Павлович. Но, несмотря на это, никто из них бесприданнице, которой она была, руку и сердце так и не предложил. Хотя, как утверждают её современники, однажды такой факт всё же случился. Александра Осиповна очень близко сошлась с Жуковским, с которым познакомилась весной 1826 года во время выпускных экзаменов в институте. В.А. Жуков-

ский был увлечён черноокой Александрой и, несмотря на своё 26-летнее «преимущество» перед ней в возрасте, через Плетнёва однажды сделал ей предложение. «В этот день Плетнёв приехал давать урок великим князьям, и мы его пригласили с нами обедать, – вспоминала А.О. Смирнова. – После обеда он мне вдруг говорит: «Вы начинаете скучать во дворце, не пора ли вам выйти замуж?». – «За кого? Разве за камер-лакея?». – «А Василий Андреевич? Он мне дал поручение с вами поговорить». – «Что вы, Пётр Александрович, Жуковский тоже старая баба. Я его очень люблю, с ним весело, но мысль, что он может жениться, мне никогда не приходила в голову».

Таким образом, Александра Осиповна задуманную Жуковским-Плетнёвым «операцию» перевела в шутку, что не помешало её участникам оставаться друзьями на протяжении всей жизни, хотя Жуковский Александру Осиповну к Гоголю всё-таки ревновал. В одном из его писем из Франкфурта-на-Майне, где у него тогда гостил Гоголь, он отзывался с обидой: «Всякий день получаю от вас пакеты. Для меня только адрес, а всё прочее к Гоголю. Я и без вас знаю, что я Василий Андреевич Жуковский, что и до сих пор в Дюссельдорфе, что теперь живу во Франкфурте. Но я никогда не думал, чтоб я был только хвост Гоголя, за который вы

благоволите иногда дёргать, чтобы Гоголь вам откликнулся».

Как бы ситуация с замужеством Смирновой могла развиваться дальше – представить трудно, но в неё вмешалась императрица Александра Фёдоровна. «Лучше выйти замуж без любви, чем остаться старой девой, – сами соскучитесь и всем наскучите», – однажды заявила она своей фрейлине. Она же и подыскала ей жениха – молодого дипломата и богатого землевладельца Николая Михайловича Смирнова.

Смирнов был хорошо образованным, но внешне не слишком симпатичным молодым человеком. 11 января 1832 года в церкви Зимнего дворца пара обвенчалась. В этом браке в семье Смирновых родились четыре дочери и сын. Тем не менее этот брак никак нельзя было назвать счастливым. Николай Михайлович, человек по натуре добрый и умный, отличался вспыльчивым характером, часто устраивал истерики и скандалы по любому, даже самому пустячному поводу. Александре Осиповне, при всей её тактичности, светскости, ладить с ним было нелегко. Иной раз она давала волю своей природной язвительности, а потом горько об этом сожалела. Муж часто замыкался в себе. Возможно, его меланхолия в семье и зарождалась. А там смерть первого ребёнка в 1833 году, тяжёлые

роды Александры Осиповны летом 1834 года, когда на свет появилась двойня дочерей, а сама роженица едва осталась жива, и большие проблемы с родственниками по линии жены. Смирнов был вынужден помогать четверым братьям Александры Осиповны и семье её дяди по матери декабриста Николая Ивановича Лорера, сосланного в Сибирь, а затем на Кавказ. (Кстати сказать, член Северного и Южного тайных обществ Н.И. Лорер был вхож в те же круги, что и Якушкин Д.И., о котором мы вам уже успели рассказать, а ранее имел тесные связи с Е.П. Оболенским, П.И. Пестелем, М.И. Муравьёвым-Апостолом и другими участниками тех событий.) Разумеется, наличие родни среди декабристов вызывало недовольство при дворе и создавало серьёзные препятствия для карьеры мужа Александры Осиповны как государственного чиновника. Тем не менее Н.М. Смирнову удалось дослужиться до крупных чинов: стать и камергером, и губернатором.

При этом многие историки отмечают, что он очень любил свою красавицу жену и так же страстно, причём, как можно предположить, не без оснований, ревновал её. Сама же Александра Осиповна признавалась, что у неё в семье «не было ни одного года покоя и счастья с этим человеком». Однажды она говорила близкому другу Александру Сергеевичу: «К чёрту, Пушкин, положение в свете! Сердце хочет любить, а любить совершено некого». Но Смирнов, как мы уже отмечали, был сказочно богат, а у неё семья была бедная, в чём и состоял весь вопрос. «Я себя продала за шесть тысяч душ для братьев», – говорила Александра Осиповна.

«Смирнову он любил с увлечением...»

Интересно знать, что Гоголь и Россет никогда не упускали друг друга из виду. Приведём некоторые примеры. В декабре 1843 года Николай Васильевич Гоголь писал своим друзьям в Петербург: «В Ниццу я приехал благополучно, даже более чем благополучно, ибо случившиеся на дороге задержки и кое-какие неприятности были необходимы душе моей... Ницца – рай; солнце, как масло, ложится на всём; мотыльки, мухи в огромном количестве, и воздух летний. Спокойствие совершенное. Жизнь дешевле, чем где-либо. Смирнова здесь». Он не раз говорил и писал, что у него, как и у любого другого человека, есть своя «внутренняя нежная застенчивость». Может быть, она и не позволила ему вместо безучастной фразы «Смирнова здесь» написать что-то

более душевное, а может, и не мог представить он себе, что непредвиденная встреча в Ницце так повлияет на развитие их отношений. На протяжении двенадцати лет со времени их знакомства в Царском Селе они поддерживали дружеские связи, а здесь в их отношениях вдруг появилось что-то новое. Усталая светская львица и писатель неожиданно поняли, что необходимы друг другу. Многие их знакомые заметили, что Гоголь и Смирнова стремятся к уединению. Тут же родились изощрённые слухи о романе Гоголя с госпожой Смирновой. Вероятно, всё было намного проще. Дружба с Гоголем Александре Осиповне льстила. Она привыкла всегда быть на первых ролях, но такие роли из её жизни всё чаще и чаще уходили, и она поняла, что роль преданной и послушной ученицы при Гоголе остаётся не занятой. Такое мнение высказывали многие гоголеведы.

В марте 1844 года А.О. Смирнова-Россет с детьми уехала во Франкфурт. Н.В. Гоголь спешно собрался и отправился туда же, объясняя свою поездку тем, что во Франкфурте ему необходимо повидаться с В.А. Жуковским. «Нечаянно» повстречавшись вновь, Гоголь и Смирнова решили предпринять совместное путешествие по Бельгии и Голландии... А летом 1844 года Надежда Николаевна

Шереметева (о ней мы вам уже подробно рассказывали), опираясь на отголоски московского бомонда, писала Гоголю из Москвы во Франкфурт: «Вам угодно, чтобы я сказала моё опасение за вас. Извольте; помолюсь, приступаю. Знайте, мой друг, – слухи, может, и несправедливы, но приезжавшие все одно говорят и оттуда пишут то же, – что вы предались одной особе, которая всю жизнь провела в свете и теперь от него удалилась. (Эти слова об А.О. Смирновой, к которой Шереметева испытывала своего рода духовную ревность. – Г.Д.) Быв уже так долго вместе с человеком, послужит ли эта беседа на пользу душе вашей? Мне страшно, – и в таком обществе как бы не отвлеклись от пути, который вы, по благости Божией, избрали. Вот вам, как исповедь, мой друг, что меня за вас так сильно и так давно огорчает. Может, вы печётесь о её обращении (наверное, о переходе из мирской жизни в веру. – Г.Д.); помоги Господи и дай Боже и ей, и нам, и всем спастись».

Теперь уже никому не узнать, о чём думал писатель, когда читал эти строки от той женщины, которой он однажды писал: «В мои болезненные минуты, когда падает мой дух, я всегда нахожу в них (в письмах Шереметевой. – Г.Д.) утешение и благодарю всякую минуту руку провидения за встречу мою с Вами».

Умница и красавица Александра Осиповна, как мы уже знаем, была замужем. А Николай Васильевич всегда был застенчив и робок. Может, уже даже и поэтому их отношения сводились к благородному взаимному уважению и душевному родству. Зная то, как тяжело Гоголь сходился с людьми, как часто его обвиняли в скрытности и неискренности, мы вряд ли назовём вам такого другого человека, кто был бы в те годы так близок с писателем, как она. Сергей Тимофеевич Аксаков о чувствах Гоголя к Смирновой-Россет писал: «Смирнову он любил с увлечением, может быть, потому, что видел в ней кающуюся Магдалину и считал себя спасителем её души. По-моему же простому человеческому смыслу, Гоголь, несмотря на свою духовную высоту и чистоту, на свой строго монашеский образ жизни, сам того не ведая, был несколько неравнодушен к Смирновой, блестящий ум которой и живость были тогда ещё очаровательны».

«Был жаркий летний день (летний по российским представлениям), Гоголь и Александра Осиповна сидели в гостиной, она вязала, он читал ей «Мёртвые души», – пишет И.П. Золотусский. – Внезапно налетел ветер, ударил гром. Стекло в окне со звоном разбилось. Гоголь в страхе отбросил книгу и бросился закрывать окно. Когда он вернулся, чтоб сесть

возле неё, она посмотрела на него пристально. Она заметила, что он покраснел. «Признайтесь, Гоголь, – сказала она вдруг, впадая в кокетливый тон, – что вы немного влюблены в меня?»

Он встал, повернулся и вышел из комнаты.

Несколько дней они не виделись. Потом он явился, и всё пошло по-старому. О грозе и о сказанных словах не было упомянуто – всё исчезло, как та же гроза.

Но это были лишь тени на их отношениях, которые при всей их литературности (что греха таить, был этот элемент) являют собою всё же редкий феномен как в биографии Гоголя, так, думаю, и Смирновой. Недаром она всю жизнь, прожитую после Гоголя (а жила она долго), вспоминала о чистоте их «братства», о чистоте Гоголя и его превосходстве над своими современниками».

Гоголь встречался с Александрой Осиповной в Риме, в Бадене, в Ницце... Это время стало для них периодом как бы их нового знакомства, когда они по-настоящему узнали друг друга. 34-летняя женщина пребывала в терзаниях, связанных с прошедшей молодостью и невозможностью достойного применения нерастраченных ею душевных сил. Писатель был весь в религиозных мыслях, которые уже подчиняли себе и его творчество,

и его жизнь. Гоголь оставался для неё утешителем и советчиком, разделившим её тоску и мечты и сумевшим ценить её, прощая недостатки. 1844 год стал для них новым испытанием. Даже лучший друг Гоголя Ю.Ф. Самарин нашёл необходимым сообщить Александре Осиповне, что Гоголь её не любит, ибо она не имеет того душевного элемента, который мог бы их сблизить. А разгадка таких отношений якобы в том, что писатель просто изучает её как художник. Но разрыва в их отношениях не произошло, ибо обо всём этом Александра Осиповна сама рассказала Николаю Васильевичу. А что ответил великий писатель? Он ни в чём Самарина не упрекал. Вот выдержка из письма Н.В. Гоголя А.О. Смирновой от 3 ноября 1844 года из Франкфурта:

«Пишу единственно потому, что вас, как видно из письма вашего, несколько смутило замечание Самарина, с которым вы имели обо мне разговор, именно: что у вас нет того элемента, который бы нас сблизил и что я любить вас не могу по причине вашего не достоинства. Во-первых, вы должны бы вспомнить то, что вы всё-таки меня знаете лучше, нежели он, который может судить обо мне только предположительно или же по моим сочинениям. Как умный человек, он прав тем, что взглянул на меня со стороны артиста, но он пропустил не

безделицу, он пропустил ту высшую любовь, которая гораздо выше всяких артистов и талантов и, может быть, равнодоступна как умнейшему, так и простейшему человеку. Он не может также знать того, что я уже давно гляжу на человека не как на артиста; но милосердие бога помогло мне глядеть на него иначе. Я гляжу на него как брат, и это чувство в несколько раз небеснее и лучше. Ремесло артиста мне пригодилось теперь только в помочь, им мне доведётся только доказать на деле мою любовь, о чём молю бога беспрестанно и о чём прошу вас также помолиться. Любовь же, связавшая нас с вами, высока и свята, она основалась на взаимной душевной помощи, которая в несколько раз существенней всяких внешних помощей, которые обыкновенно оказываются на свете иногда весьма шумным и блестящим образом. Поверьте, что такие вещи не позабудутся никогда. Ваши слова, что я вас видел в такую минуту и с такой точки, когда любить вас невозможно, не только не имеют значения, но даже имеют противоположное значение: потому что именно с этой-то минуты и началась моя истинная любовь к вам. Если ж мы друг перед другом станем обвинять себя каждый в не достоинстве такой дружбы, то это будет похоже на комплименты. Любовь должна возрасти тогда ещё сильнее, если бы

случилось из нас кому-либо сделать низкое или почему-либо недостойное и подлое дело. Тут она и должна действовать во всей силе, потому что в такие минуты нужней и необходимей, чем когда-либо. Такую любовь мы должны иметь. А потому просите ежеминутно у Бога, чтоб он усилил её в вас и с каждым днём возвращал её более и более не только ко мне или к тем, которые к вам поближе, но решительно ко всем, кто ни нуждается в ней. Без неё вы никогда не сделаете столько благодеяний, сколько бы желали». Закончил это письмо Николай Васильевич словами: «Обнимаю вас от всей души. Весь ваш Г.»

У нас есть возможность ознакомиться со многими письмами этих необыкновенных людей. Приведём ещё несколько выдержек из них. Вот, например, что А.О. Смирнова писала Н.В. Гоголю ещё: «Вы, любезный друг, выискали мою душу, вы ей показали путь, этот путь так разукрасили, что другим идти не хочется и невозможно. На нём растут прекрасные розы, благоуханные, сладко душу успокаивающие. Обо мне шли такие слухи, и идут ещё теперь, что каждый почитал себя вправе со мною обходиться самым презрительным образом. Да оно и поделом мне: ведь лучше за грехи здесь платиться. Тут достаётся не только за то, что действуешь вопреки мнению и

правилам общественным, но и за то, что душу свою мараешь, пачкаешь и губишь даром, и оттого, что не понимаешь, что такое душа. Если бы мы все вполне понимали, что душа сокровище, мы бы её берегли больше глаз, больше жизни. Но не всякому дано почувствовать это самому, и не всякий так счастливо нападает на друга, как я».

А эти выдержки уже из других её писем. Они как нельзя лучше подтверждают уровень взаимного доверия этих людей: «...я вам известна во всей своей черноте, и можете ли вы придумать, что точно так скоро сделалась благодатная перемена во мне, или я только себя обманываю, или приятель так меня ослепил, что я не вижу ничего и радуюсь сердцем призраку. Эта мысль меня иногда пугает в лучшие минуты жизни, когда я точно чувствую, что сердце согрето любовию беспредельной и благих намерений и желаний»; «Ведь вы один доискиваться умеете до души без слов»; «Прощайте. Люблю вас много и премного». «Молюсь за вас, а вы молитесь за меня. Ваша от души А. Смирнова».

Приведём ещё один пример в развитие того «нового» этапа во взаимоотношениях Гоголя и Смирновой, о котором мы упоминали, рассказывая о встречах в Риме, Бадене и Ницце. Н.В. Гоголь пишет А.О. Смирновой из Франк-

фурта 28 декабря 1844 года: «...вы были знакомы со мною и прежде и виделись со мною и в Петербурге, и в других местах. Но какая разница между тем нашим знакомством и вторичным нашим знакомством в Ницце! Не кажется ли нам самим, как будто мы друг друга только теперь узнали, а до того времени вовсе не знали? А в последнее время произошли такие знакомства, что с одного, другого разговора уже обоим показалось, как будто век знали друг друга, и уже от таких людей я никогда не слыхал упрёков в недостатке простоты или упрёков в скрытности и не откровенности. Всё само собой казалось ясно, сама душа высказывалась, сами речи говорились. Если ж что не обнаруживалось и почиталось ему до времени лучшим пребывать в сокровенности, то уважалась даже и самая причина такой скрытности. И с полным чувством обоюдного доверия друг к другу каждый даже утверждал другого хранить то, о чём собственный разум его и совесть считает ненужным говорить до времени, изгоняя великодушно из себя даже и тень какого-либо подозренья или пустого любопытства».

5 июня 1845 года Н.В. Гоголь писал поэту Н.М. Языкову: «В Москве будет вероятно на днях См<ирно>ва. Ты должен с ней познакомиться непременно. Это же посоветуй С.Т. Аксакову и Н.Н. Ш<еремет>ой. Это ***перл всех русских женщин, каких мне случалось из них знать, прекрасных по душе*** (выделено мною. – Г.Д.). Но вряд ли кто имеет в себе достаточные силы оценить её. И сам я, как ни уважал её всегда и как ни был дружен с ней, но только в одни истинно страждущие минуты и её, и мои узнал её. Она являлась истинным моим утешителем, тогда как вряд ли чьё-либо слово могло меня утешить. И подобно двум близнецам-братьям бывали сходны наши души между собою».

В том же году в жизни Смирновой произошло событие, сильно изменившее содержание переписки Н.В. Гоголя с ней. Её муж, Николай Михайлович, был назначен губернатором в Калугу. Губернаторство, как тогда считалось, открывало перед ней новый круг обязанностей и пугавших её, и обещавших обновление её жизни. Инициатором в изменениях характера переписки был Гоголь. Он считал, что Смирнова теперь не только найдёт применение своим силам, но и сможет поистине послужить благу России.

Мы не будем приводить примеров (их множество), но его письма к Смирновой действительно стали переполнять советы и рекомендации о том, что она сможет, что должна и что обязана сделать в «ранге» губернаторши.

Очень многое из числа того, что спрашивал у неё Гоголь, в чём он её наставлял, делалось им для последующего использования на завершающем этапе работы над поэмой. Содержание некоторых из этих писем было использовано им в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Александра Осиповна не смогла вписаться в скучное и унылое провинциальное бытие. Жизнь в Калуге ещё больше ухудшила её угнетённое состояние, а ей тогда было уже слегка за тридцать пять. Для смены обстановки после столицы это был не самый лучший возраст. Для её мужа калужское губернаторство тоже обернулось целой чередой унизительных неприятностей. Понятно, что отсутствием доносов и наушничества Россия не отличалась никогда, а Смирнов к такому развитию событий готов не был. Оставались проблемы и в их семейной жизни. В письме Н.В. Гоголю от 19 июня 1845 года Смирнова замечает: «Вы лучше, чем кто-либо, поймёте, как трудно тогда, когда питаешь в себе чувство, что ничего нет общего между теми, с которыми живёшь». А заканчивает словами: «Прощайте, обнимаю вас душою и мыслию, друг мой. Сколько пришлось мне открыть и поведать того, что никому другому не сказала бы, пусть то останется меж нами».

19 сентября 1845 года она пишет: «Снилось мне, что я получила от вас письмо, которое горело ярким лучом. И бумага, и почерк – всё как будто преобразилось. Этот сон рассказан был в доме Виельгорских, и все ему удивлялись. Пусть оно так, пусть вы преобразились телом и духом, и да увидим мы своими глазами преображение ваших «Мёртвых душ» в живительный источник любви и силы для наших собственных мёртвых душ».

16 декабря 1845 года из Калуги она сообщает: «У меня на душе лежал как будто какого рода грех, – так меня беспокоило, что я вам не отвечала в течение целого месяца». 14 января 1846 года снова пишет из Калуги, вспоминает Виельгорскую Анну Михайловну: «Дай бог, чтобы Нози (так называли Анну Виельгорскую в кругу семьи. – Г.Д.) нашла себе хорошего жениха; в ней много прекрасного и бездна ума приятно женского». А в конце: «Прощайте, любезный друг мой, не забывайте меня нигде, особенно в Иерусалиме. Ваша от искренней души».

А 14 мая 1846 года теперь уже из Москвы А.О. Смирнова сообщает: «Наша переписка шла очень вяло нынешний год; неужели это знак, что души наши устали, что нет того сильного желания знать, в каком они состоянии? Или разлука, в самом деле, так ужасна, что

приучает нас жить без людей самых близких сердцу?»; «Здесь и в Петербурге, конечно, много сплетничали на мой счёт, здесь удивлялись, что я живу одна без детей и ни с кем не знакома и не знакомлюсь. Петербургские звали в столицу, и даже ваша графиня Виельгорская говорила m-lle Overbeck, что я развелась, вероятно, с Николаем Михайловичем, а в Калуге говорили, что я уехала к любовнику. Там, по крайней мере, не церемонятся в выборе слов, и всё объясняют просто. Конечно, мне было всё равно, собственные страдания были так сильны, что не до них было дело и не от извне падающих стрел приходилось плакать».

Интересно, что А.О. Смирнова, находясь уже на периферии, не теряла свой административный ресурс фрейлины русского императорского двора. Одним из подтверждений этому является тот факт, что по её ходатайству перед императором в 1845 году Н.В. Гоголю был назначен трёхлетний пенсион по тысяче рублей серебром в год. И надо заметить, что к творчеству Гоголя она по-прежнему относилась с особым пристрастием: постоянно информировала его о встречах с писателями и поэтами, об их отзывах на его новые публикации. Всё это накладывало определённый отпечаток и на её отношение к «Выбранным местам из переписки с друзьями». Книга, которую так недружелюбно приняли многие писатели, критики и даже друзья, была ей действительно близка: в ней содержалось многое из числа того, в обсуждении чего она участвовала при встречах с Гоголем и в переписке с ним. Поэтому она не хотела ничего даже слышать о том, что писатель с ней потерпел неудачу.

То же происходило и с «Мёртвыми душами». Мы не можем говорить о том, что Смирнова была одержима участием в этом «проекте» Гоголя, но она всегда с интересом вникала в каждую деталь, которую писатель считал необходимым обсудить с ней. Чтобы убедиться в этом, приведём лишь один показательный пример. Когда Гоголь, будучи в Калуге, читал А.О. Смирновой главу об идеальном помещике Костанжогло, Александра Осиповна заметила, что помещик не думает о доме и о судьбе своей жены. На это Н.В. Гоголь возбуждённо парировал: «А вы заметили, что он обо всём заботится, но о главном не заботится?». «Самое главное здесь – человечность, которой сознательно лишает Гоголь своего героя, – замечает И.П. Золотусский. – И, хотя мы имеем дело с черновиком (о котором – без воли автора – вообще не стоило бы судить), всё же и в нём видны следы этого подчёркивания желчности Костанжогло, его резкости, непримиримости в противоположность благодушию Чичикова и сонности Платонова».

Переписка писателя с Александрой Осиповной охватывает период с 1842 по 1852 год. Сохранилось 65 писем Н.В. Гоголя и 65 писем А.О. Смирновой-Россет. В них можно найти множество ссылок на неудовлетворённость жизненными обстоятельствами, множество деталей, иллюстрирующих физические расстройства и душевные неурядицы. Честно признаемся, что мы прочли менее половины из них, но и этого оказалось достаточным для того, чтобы понять, насколько эти люди были душевно близки и взаимно откровенны, насколько уважительно и трепетно они относились друг к другу. Когда А.О. Смирнова уже переехала из столицы в Калугу в январе 1846 года, Н.В. Гоголь однажды признался: «Наконец от вас письмо из Калуги (от 12 декабря!) Как долго я ждал его! как соскучил без ваших писем! как мне теперь нужны ваши письма!» «Я о вас часто думаю, Александра Осиповна, – пишет он в другой раз, теперь уже из Москвы. – Вероятно, и вы тоже иногда обо мне вспоминаете, но всё же этого мало».

Александра Осиповна Смирнова-Россет в истории интеллектуальной элиты России прочно сохранила за собой место образованнейшей и умнейшей женщины того времени. Мы уже приводили вам немало интересных оценок в её честь, а поэт князь П.А. Вяземский писал так:

«Расцветала в Петербурге одна девица, и все мы более или менее были военнопленными красавицы. Несмотря на свою светскость, она любила русскую поэзию и обладала тонким и верным поэтическим чутьём, она угадывала (более того, она верно понимала) и всё высокое, и всё смешное... Прибавьте к этому, в противоположность не лишённому прелести, какую-то южную ленивость, усталость... Она была смесь противоречий, но эти противоречия были, как музыкальное разнозвучие, которое под рукою художника сливается в странное, но увлекательное созвучие».

Однажды, проезжая через Калугу в Крым вместе со Щепкиным, Белинский был принят местной губернаторшей. «Это знатная дама, – писал он жене в Петербург, – свет не убил в ней ни ума, ни души, а того и другого природа отпустила ей не в обрез. Она большая приятельница Гоголя... Чудесная, превосходная женщина – я без ума от неё. Снаружи холодна как лёд, но страстное лицо, на котором видны следы душевных и физических страданий...» К ней обращены стихотворения Александра Пушкина «В тревоге пёстрой и бесплодной», Михаила Лермонтова «Без Вас хочу сказать Вам много». Гоголь посвятил ей свою легендарную книгу «Выбранные места из переписки с друзьями». Она послужила прототипом для образа Ирины в романе Ивана

Тургенева «Дым». Из стихотворений, посвящённых ей, можно было бы составить целый поэтический сборник...

«Я часто думала, – писала А.О. Смирнова-Россет в своих воспоминаниях, – что сам Господь меня вёл своей рукой, и из бедной деревушки на самом юге России привёл меня в палаты царей русских на самом севере». А в письме к С.М. Соллогуб замечала: «Никто не займёт место Гоголя в моём сердце, никогда не будет у меня такого верного, преданного, надёжного друга. Не говоря прямо, он умел давать почувствовать тем, которых он любил, их предназначение. Это происходило от того, что он любил всех...»

Не можем не повторить слова её сводного брата Л.И. Арнольди: «Она (А.О. Смирнова-Россет. – Г.Д.) рассказывала мне после, что удивительно хорошо отделано было одно лицо в одной из глав (второго тома поэмы. – Г.Д.); это лицо: эмансипированная женщина-красавица, избалованная светом, кокетка, проведшая свою молодость в столице, при дворе и за границей». «Сестра уверяла меня, а С.П. Шевырёв подтвердил, – продолжает он, – что характер этой женщины и вообще вся её связь с Платоновым изображены были у Гоголя с таким мастерством, что ежели это правда, то особенно ***жаль, что именно эта глава не дошла до***

нас, потому что мы все остаёмся теперь в том убеждении, что Гоголь не умел изображать женские характеры (выделено мною. – Г.Д.); и действительно, везде, где они являлись в его произведениях, они выходили, слабы и бледны».

Здесь, по всей вероятности, речь идёт уже о январе 1852 года, когда писатель читал эту главу из второго тома поэмы и взял со Смирновой-Россет слово никому не рассказывать о её содержании. Тогда Александра Осиповна была потрясена, ибо поняла, что Гоголь пишет о ней. Мало кто сомневался и в том, что лучше Гоголя Николая Васильевича эту женщину не знал никто. Потому-то она так и сожалела об утрате этого фрагмента рукописи. Наверное, Александра Осиповна не была святошей. В чём-то она лукавила, где-то рисовалась, но в любых, даже самых сложных жизненных ситуациях она всегда выглядела умной, сильной и неотразимо красивой женщиной. Она хорошо разбиралась в людях, умела дружить с ними, но неудовлетворённая её душа оставалась одинокой.

В судьбах этих людей – Смирновой-Россет и Гоголя – есть одно чрезвычайно важное и печальное сходство, о котором прямо нигде не сказано, но заметить его нетрудно: это публичное одиночество. В ночь на 24 февраля

1852 года в пламени камина в Москве на Никитском бульваре, в доме 7А рукопись второго тома поэмы была сожжена. 30 лет многие её тайны носила в себе Александра Осиповна Смирнова-Россет, которая пережила всех своих поклонников и умерла в Париже 7 июня 1882 года.

«Вам дано недаром имя благодать»

Помните ли вы, уважаемые читатели, как выглядит тот памятник Н.В. Гоголю, что в Москве на Никитском? Многие наши сограждане точно помнят, видели и памятник, и цветы, которые часто появляются у его подножья. Случалось замечать там и плетёную корзину с церемонными розами, и непарадные букетики ландышей, а то и одинокий тюльпан или скромную веточку сирени. Понятно, что в них тоже есть какая-то крупица нашего отношения к этому писателю. Кто же связан с этими «крупицами»? Ведь уже по ним мы можем судить не только о возможностях этих людей, но и о диапазоне человеческой памяти. К нему могли подходить и прогуливающиеся пенсионеры, и начитанные литераторы, и экскурсанты или участники торжеств, связанных со значимыми датами в жизни нашей культуры,

и студенты, и молодожёны... Наверное, проживающим неподалёку москвичам об этом лучше знать.

Кстати, о молодожёнах. Напомним: Николай Васильевич Гоголь счастье семейной жизни так и не познал. При всём при том вы, конечно, помните, что гоголевские литературные герои всегда жили обычной жизнью: кто-то из них влюблялся, кто-то женился или выходил замуж. Этой теме Н.В. Гоголем посвящена пьеса, которая так и называется: «Женитьба». Лежит себе на диване с трубкой господин надворный советник Подколесин и думает: «Вот как начнёшь эдак один на досуге подумывать, так видишь, что, наконец, точно нужно жениться. Что, в самом деле? Живёшь, живёшь, да такая, наконец, скверность становится». С этих слов пьеса и начинается. Правда, Иван Кузьмич Подколесин в тот раз так и не женился: в самый ответственный момент «шмыгнул в окно» и был таков. Может быть, его смутило то, что невеста, если хорошо присмотреться к ней через замочную скважину, напоминала ему и другим претендентам на руку и сердце «подушку»? Таким же сильно сомневающимся женихом оказался и Шпонька Иван Фёдорович: «Правда, Марья Григорьевна очень недурная барышня, – размышлял он, – но жениться!.. это казалось ему так странно, так чудно, что он никак не мог по-

думать без страха. Жить с женою!.. непонятно! Он не один будет в своей комнате, но их должно быть везде двое!.. Пот проступал у него на лице, по мере того чем более углублялся он в размышление».

А что же наш Гоголь Николай Васильевич? Так и следовал тем убеждениям, которые Тарас Бульба высказывал сыну: «Не доведут тебя бабы к добру»? Прислушался к словам титулярного советника Поприщина, что «женщина любит чёрта»? Или подобно господам Подколесину и Шпоньке страшился изменений в привычных для него условиях жизни? Комизма и пародийности в тех случаях видимо-невидимо, но там же мы находим и трагическую горечь этих людей. Так знакома ли подобная горечь самому писателю? Ведь мы её нередко встречаем даже в тех строках, где, казалось бы, все его слова направлены на одну лишь его фирменную иронию...

Дочь графа Михаила Юрьевича Виельгорского Анна Михайловна, по мнению известного русского прозаика, драматурга и поэта В.А. Соллогуба, была той единственной женщиной, которую любил Гоголь. Заметим, что Владимир Александрович Соллогуб, он тоже граф, являлся мужем старшей сестры Анны Виельгорской – Софьи Михайловны и, вполне понятно, знал эту семью изнутри как

никто лучше. Достаточно запутанная история о безуспешном сватовстве Н.В. Гоголя к А.М. Виельгорской произошла в те годы, когда писатель работал над вторым томом поэмы «Мёртвые души». Историю мы назвали «запутанной», а можно было – спорной, небесспорной, не совсем ясной и точной или приблизительной... Всё бы здесь сгодилось. Но давайте сначала остановимся всё же не на истории, а на Анне Михайловне, на той молоденькой девочке-графине, которая тогда помещала в себе и романтическую мечтательность, и девичью худобу, и бледность, и нескладность, и хрупкость, и прозрачность, и безоговорочное подчинение маменьке-немке – влиятельной, властной и видной аристократке столицы.

Вернитесь на мгновенье к тем строкам, которые вы только что прочли. Эти черты Анны Михайловны не мы придумали – так её характеризуют те люди, которые её видели и знали. Так вот мы считаем, что они у девочки-графини Виельгорской (взгляните ещё раз) почти идеально совпадают с особенностями другой девочки – дочери генерала, Ульяны Александровны Бетрищевой. Вы помните, что Уленька очень коротко встречается с нами во втором томе поэмы, хотя и этого нам хватило для того, чтобы её заметить.

Есть ли причины сравнивать Виельгорскую-младшую с избранницей Чичикова – дочерью губернатора? А как вы думаете? «Тонкие черты увлекательной блондинки», её «тоненький, тонкий стан», сходство с «игрушкой, отчётливо выточенной из слоновой кости», «прозрачность» и другие её особенности очень точно повторяют портрет молодой графини, к которой, как мы будем далее утверждать, сватался автор «Мёртвых душ».

Дальше, дело выглядит ещё занимательнее. Вспомните, как ***опешил*** (здесь и далее выделено мною. – Г.Д.) Чичиков в тот момент, когда во втором томе увидел Уленьку Бетрищеву. А теперь вернёмся к встрече Чичикова с губернаторской дочерью. «Почему же он (Чичиков. – Г.Д.) стал впервые ***истуканом***? – спрашивает Гоголь. – Или есть что в чистом, ясном девичестве ещё развивавшейся женщины что-то такое, что мимо ума и мимо искусства, мимо всех качеств действует на всех...»

В первом случае и в томе тоже он ***«стал впервые истуканом»***, во втором случае и в таком же томе он ***«опешил»***. И стал «истуканом», и «опешил» – в конечном итоге – растерялся и остановился, ничего не понимая. Но речь идёт не о прекращении движения Чичикова, а о внутреннем состоянии человека в эту минуту. Что же будет дальше – прочтём, но ли-

ния очевидна: ***дочь*** губернатора – ***дочь*** генерала – ***дочь*** князя Виельгорского!

Мы ещё напишем то, что думаем в этой связи, а сейчас приведём вам одно высказывание о её маме. В воспоминаниях В.А. Соллогуба о своей тёще (и, естественно, о матери его свояченицы Анны Михайловны), урождённой принцессы Бирон Луизы Карловны, есть такие слова: «Это была женщина гордости недоступной, странно как-то сочетавшейся с самым искренним христианским уничижением, – мне случалось быть свидетелем выхода самого необычного высокомерия и вместе с тем присутствовать при сценах, в которых она являлась женщиной самой трогательной доброты. Детей своих она боготворила». Н.В. Гоголю породниться с Виельгорскими так и не случилось, да и как это всё могло бы получиться, одному богу известно. О том, что стало известно нам, в настоящей главе мы попытаемся вам рассказать, а точнее, только пересказать то, что мы нашли, прочли, выяснили и поняли из бессчётно повторяющихся источников, которые между собой «дружат» только в общем, а в деталях далеко не всегда и не во всём.

С семьёй именитого, влиятельного и авторитетного графа Михаила Юрьевича Виельгорского писатель сблизился, находясь в Италии. «Я сошёл к нему в 10 часов, – пишет Н.В. Гоголь

в новелле «Ночь на Вилле». – Он уже более часу сидел один. Гости бывшие у него давно ушли. Он сидел один, томление скуки выражалось на лице его. Он меня увидел. Слегка махнул рукой. «Спаситель ты мой!» – сказал он мне. Они ещё доныне раздаются в ушах моих, эти слова. «Ангел ты мой! ты скучал?» – «О, как скучал!» отвечал он мне. Я поцеловал его в плечо. Он мне подставил свою щёку. Мы поцеловались. Он всё ещё жал мою руку».

О ком пишет Гоголь? Нет, не о графе, не о Михаиле Юрьевиче он пишет, а о его сыне. В 1839 году Виельгорские отправили своего сына Иосифа в Италию для лечения от чахотки. Н.В. Гоголь был очень дружен именно с ним, с молодым графом. Так получилось, что писатель не покидал умирающего юношу до последней минуты его жизни. Многие литераторы отмечают, что в тех словах из новеллы, что мы привели вам выше, содержится вся глубина чувств писателя, который прощается с близким ему человеком навсегда. Правда, иногда у нас встречаются и такие аналитики, которые эту «близость» трактуют с повышенным жаром воспаления своих мозгов, скорее всего, учитывая при этом собственные пороки.

Впервые Николай Васильевич с Анной Михайловной встретились за границей. К тому времени писатель уже был знаком с её отцом – Михаилом Юрьевичем Виельгорским, музыкантом и физиком, приятелем Жуковского и Пушкина, и матерью – Луизой Карловной. Их познакомила Александра Осиповна Смирнова. (Как видите, мир и тогда был тесным.) Этих людей объединяло общее горе: смерть её единственного брата и сына Виельгорских – Иосифа. Гоголь оказался тем человеком, который первым сообщил Луизе Карловне эту страшную весть. При иных обстоятельствах они вряд ли нашли бы друг друга.

Анне Михайловне было уже двадцать пять, и среди дочерей графа она была единственной незамужней барышней. «И, хотя свет краем соблазнов успел задеть её, – пишет И.П. Золотусский, – хотя успела она избаловаться разъездами по заграницам – Виельгорские с 1828 года странствовали по Европе и редко живали в России, – хотя русский язык был для неё почти чужим (читала и писала по-французски), тем, может быть, и лучше было для Гоголя: он подходил к своей задаче как «врач». Он часто в последние годы называл себя «врачом», имея в виду, что его дело – лечить заболевшее русское общество». После трагедии, постигшей Виельгорских, Николай Васильевич стал в их семье, где бы она ни находилась, своим человеком. Так было и во время путешествий этого семейства по Европе, так было и

в столице – в их петербургском доме. Следует отметить, что близкое знакомство с семьёй графа открывало Гоголю дополнительные возможности влияния на тех представителей высших кругов общества, от которых во многом зависело решение его творческих, издательских или жизненных вопросов. Поэтому совершенно понятным является и тот факт, что граф М.Ю. Вильегорский участвовал в продвижении на сцену комедии «Ревизор» и в публикации «Мёртвых душ». Логичным выглядит и то, что, получив цензурный запрет на публикацию «Выбранных мест из переписки с друзьями» в полном объёме, писатель обращается за помощью в том числе и к Михаилу Юрьевичу. Тогда он уговаривал графа изыскать возможность преподнести его книгу для прочтения Николаю I, чтобы получить разрешение на её публикацию без каких-либо изъятий и сокращений. Перед поездкой писателя в Иерусалим по его просьбе и по ходатайству М.Ю. Виельгорского Николаем I было приказано направить указание в русские заграничные посольства, чтобы Гоголю в путешествии оказывались поддержка и покровительство.

Таким образом, у Н.В. Гоголя имелись все условия для того, чтобы ближе узнать и графиню-мать, и трёх её дочерей – старшую Аполлин, среднюю Софи и младшую Нози, как называли

Анну Михайловну дома. Двое из них были уже замужем: одна за А.В. Веневитиновым – братом известного поэта, другая за графом В.А. Соллогубом. Незамужняя Анна Михайловна пребывала в ожидании встречи со своим суженым и в этом затянувшемся процессе сумбурно искала себя, впадая то в меланхолию, то в неожиданные приступы веселья. Дома её считали пока ещё ребёнком и потому прощали всё. Н.В. Гоголь особенным авторитетом и уважением пользовался именно у женской части семьи Виельгорских. Луиза Карловна настолько ему доверяла, что отпускала Нози гулять с ним одну. Так он всё больше и больше погружался и в жизнь Виельгорской-младшей, и в быт этой семьи.

Очевидцы утверждали, что к Анне писатель всегда относился с повышенным вниманием, что подтверждает и его оживлённая переписка с девушкой. Анна Михайловна Гоголю явно нравилась, хотя, скорее всего, по отношению к ней он ощущал себя больше наставником или воспитателем и всегда стремился направлять и корректировать её духовные интересы, круг чтения и знакомств. Может быть, в какое-то время он действительно пришёл к той мысли, что лучше невесты ему не найти? Но был ли он в неё влюблён? Таких утверждений мы не нашли. Знаем точно, что в те годы Н.В. Гоголь

стремился «перевоспитывать» юную графиню: пытался отучить её от пустой болтовни и от привязанности к французскому языку, обсуждал с ней план её переселения в деревню, чтобы «сделать» девушку по-настоящему русскою.

31 марта 1844 года письмо А.М. Виельгорской из Франкфурта он подписывает словами «братски любящий вас Гоголь», а в самом его тексте без тени сомнений и лишних церемоний поучает её, вразумляет и наставляет на будущее. Это воспитательная работа: «Вам дано недаром имя благодать. Вы будете, точно, божья благодать для всего вашего семейства и всех вас окружающих. Вам недостаёт только хорошенько всмотреться и узнать свойства и природу всех тех, которые вас окружают, для того, чтобы найти прямую дорогу к душе каждого. Вам недостаёт ещё спокойного размышления и воздержания от ранней готовности действовать, а вы будете иметь непременно благодетельное влияние на всех; я сужу таким образом, основываясь на тех данных, которые заключены в душе вашей и которые я потихоньку подсмотрел, хотя вы их ещё не можете видеть, как часто весьма многое в себе нам доводится узнать уже после других».

16 апреля 1844 года Луиза Карловна пишет Гоголю из Ниццы: «Нози тронута была до глубины сердца вашим письмом: лицо её как бы

просветлелось при чтении ваших пророческих наставлений. Она чувствует необходимость заслужить лестное ваше о ней мнение, только ещё не знает, чем и как начать сие великое предприятие». На следующий день из той же Ниццы Гоголю пишет теперь уже Анна Михайловна: «Ваше совсем неожиданное письмо меня очень обрадовало, но ещё более удивило. Я прочла его раз шесть, и каждый раз с новым удивлением. До сих пор я не понимаю хорошо, что вы мне пишете, по крайней мере, не понимаю настоящего значения ваших слов. Вы говорите, что меня ожидает жизнь полезная и возможность делать много добра: дай Бог, чтобы предсказания ваши совершились! (Он знает, о чём я его молю.) Но сколько мне предстоит времени и труда для достижения прекрасной цели, которую вы мне показываете!»

В письмах к Гоголю, как, например, здесь – двумя строками ниже, – Анна Виельгорская с большой заинтересованностью пытается обсуждать не только его творческие поиски и находки, но и самого автора. Так, 12 ноября 1844 года она написала ему следующее: «Я успела прочесть первый том «Вечеров на хуторе», который меня очень забавлял, но я всё вас никак не узнаю в ваших сочинениях. Вы, кажется, очень далеко ушли с этого времени». Гоголь это понимает и с такой же откровенностью 23 ноября ей отве-

чает: «Вы напрасно ищете в моих сочинениях меня и притом ещё в прежних: там просто идёт дело о тех людях, о которых идёт дело в рассказе. Вы думаете, что у меня до такой степени длинен нос, что может высунуться даже в повестях, писанных ещё в такие времена, когда был я ещё мальчишка, чуть вышедший из-за школьной скамейки. Но об этом покамест до будущего времени».

Не за красоту и не за ум, а за разум, как говорил сам Гоголь, за ту спокойную способность вникать в предмет и оглядывать его неспешно, которая так редко даётся женщинам, приглянулась ему Виельгорская-младшая. «Может, более всего он ценил в ней это спокойствие и талант меры, вовсе отсутствовавший в страстной Александре Осиповне (Смирновой-Россет. – Г.Д.), – пишет И.П. Золотусский. – Дурнота Нози всё упрощала. С ней он не робел, не стеснялся. Он относился к ней как к сестре и ко всем сёстрам Виельгорским (особенно к Софье Михайловне и Анне Михайловне) как к своим собственным сёстрам, называя их в письмах почти так же, как когда-то Анет и Лизу».

Кокетничает с ним и Нози, что заметно по её письмам. Приведём пример. 17 февраля 1845 года она пишет Гоголю из Парижа: «Я всё о вас думаю и провожаю мысленно по вашей

дороге, стараясь вообразить себе, какая у вас теперь физиономия, куда вы смотрите, что думаете и играете ли усами или просто сидите со сложенными руками, несмотря ни на что и не думая ни о чём?» Наверное, Анна Михайловна уже тогда хорошо понимала, кто находится перед ней, и дорожила теми отношениями, которые у неё складывались с писателем. Но летом 1845 года они омрачаются...

По просьбе Луизы Карловны Гоголь приезжает в Париж и находит в своей подопечной разительные изменения. Анна Михайловна неустанно разъезжает по балам, операм и концертам, а её выходы в парижский свет носят всенощный характер. Николай Васильевич всегда избегал публичности и, наверное, такое поведение, а тем более для женщины, ему понравиться не могло. Крайне раздражённый и этим, и Парижем, и холодным приёмом Виельгорских, и собственной болезнью, он покидает город. Он был настолько расстроен происходящим, что даже участвовал в мероприятиях по продвижению Анны Михайловны к замужеству. Но наметившееся её сватовство за родственника графа А.П. Толстого Виктора Апраксина тогда провалилось. Или невеста не приглянулась жениху, или жених оказался не по её вкусу – неизвестно. Здесь могла быть и какая-то третья причина.

Мы не выясняли, с этой ли историей или совсем с другой связаны те слова, что однажды Гоголь крайне недипломатично написал Анне Михайловне: «...тем, кто лечится на водах и таскается по курортам, лучше и дальше лечиться, и ездить, чем выходить замуж, ибо они не годятся на «расплод». Часто ли грубил он юной графине при встречах и грубил ли он ей вообще? Неизвестно. Что же касается писем, то там нечто подобное встречается. Да и что это: грубость ли или дерзость? Этого мы утверждать не будем. Знаем точно, что Гоголь во взглядах на женщин по-прежнему разделял вкусы Чичикова и Селифана. А тем нравились девушки только «...белогрудые, белошейные... породистые», у которых «походка павлином и коса до пояса». Анна под такой «стандарт» не подходила, хотя отношение к ней у писателя со временем менялось. Положение опекуна девушки в делах литературных, друга дома или даже «члена семейства», как называл его М.Ю. Виельгорский, Гоголя, наверное, уже не удовлетворяло. Кроме того, оказалось, что в этот период молодая княгиня встретила человека, в котором надеялась найти опору и понимание, но в своих ожиданиях ошиблась и жестоко разочаровалась в жизни. Это стало ему известно от самой Анны Михайловны, которую он однажды застал в крайне возбуждённом и расстроенном состоянии...

Гоголь пытается отвлечь её от неприятных воспоминаний о прошлом, пробует заинтересовать её участием в работе над поэмой, предлагает меры по её превращению в «русскую», собирается читать ей для этого лекции по второму тому «Мёртвых душ». И это удивительно! Ведь всем его знакомым и друзьям было хорошо известно, что писатель никогда и никого не допускал до незавершённого, по его мнению, материала. Такое же его намерение о лекциях говорит уже о наивысшей степени доверия к девушке.

А.М. Виельгорская отлично представляла себе уровень подготовки своего «учителя», а потому и не пыталась умничать, а наоборот, стремилась к простым человеческим отношениям с ним. «...Как русская, вы для меня Гоголь, и я вами горжусь, – писала она ему, – а как Анна Михайловна, вы только для меня Николай Васильевич, то есть христианский, любящий, вернейший друг». «И, надо прибавить», – замечал Ю.В. Манн, – такой друг, перед которым не надо казаться лучше или умнее, можно болтать что придёт в голову. В Петербурге она с удовольствием воображает, – «что я с вами где-нибудь сижу, как случалось в Остенде или Ницце, и что вам говорю всё, что в голову приходит, и что вам рассказываю всякую всячину. Вы меня тогда слушали, тихонько улыбаясь и закручивая усы...» Такого друга

можно даже и укорить, как маленького ребёнка: «Надеюсь, что вы здоровы телесно и душевно, что вы, как я, не хандрите, но умник, пишете для наших будущих наслаждений и пользы, гуляете, смеётесь и думаете иногда о вашей приятельнице Анне Михайловне». В другом письме, уже из Петербурга, Виельгорская замечает: «...в продолжение этих шести месяцев не прошёл ни один день, в который я бы не молилась за вас».

Гоголь стремится заполнить свободное время Виельгорской полезными и нужными в его понимании делами. Так, у него возникает идея привлечь девушку в комитет по раздаче денег, вырученных от продажи второго тома поэмы, на нужды бедных. «Вам нужно дело», – говорит он ей. – И вот вам дело...» Ещё одно из его заданий состояло в выяснении мнения о «Выбранных местах из переписки с друзьями». «Поработайте же теперь для меня», – призывает её Гоголь. Она пытается «поработать». Она собирает и шлёт ему отклики на «Переписку...» – как доброжелательные, так и враждебные, недоумевая, зачем ему это надо. Но в её письмах звучат не только покорность и готовность выполнять его поручения. В них уже появляются нотки, заявляющие о её желании повлиять на него. «Вы это, верно, делаете из смирения, – пишет она. – Но... помните, любезный Н.В., что ваше имя и талант обязывают

вас быть самостоятельным и что вы должны иметь некоторое уважение к самому себе и к званию писателя, важность и высоту которого вы сами глубоко чувствуете». Гоголь, наверное, понимает, что это уже тон не ученицы, а настоящей наставницы, и принимает его. Может быть, в эти дни и приходит ему на ум мысль о том, что Анна Михайловна как раз та женщина, которая могла бы в дальнейшем влиять не только на его творчество, но и на его дальнейшую жизнь...

В ряде случаев мы абстрагируемся от хронологии взаимоотношений этих людей. Считаем, что важнее понять их глубину, а она порой складывается из самых мелких фактов или писем. Вот ещё один любопытный факт: писатель высказывается об Анне Михайловне в письме к сотоварищу по литературному цеху. 5 января 1847 года из Неаполя он написал П.А. Плетнёву: «Я тебе особенно советую познакомиться с Анной Михайловной Виельгорской. У неё есть то, чего я не знаю ни у одной из женщин: не ум, а разум; но её не скоро узнаешь: она вся внутри». 19 марта П.А. Плетнёв в ответном письме с ним соглашается: «Интересна очень незамужняя (меньшая) дочь Виельгорских, Анна Михайловна. Это существо ещё небеснее (если только уж возможно) и Софии Михайловны». (То есть её родной сестры. – Г.Д.)

Письма Н.В. Гоголя всё больше и больше становятся для Анны насущной необходимостью. 7 февраля 1847 года она пишет ему из Петербурга : «Я вас совершенно узнаю в ваших письмах; для меня всё в них просто, понятно; мне кажется, читая их, что я вас слышу, как вы часто с нами говорили, и я вхожу в ваши чувства, вижу вашими глазами и мыслю вашими мыслями. Иначе и не может быть».

Так и развивался этот роман без романа, ибо соотношение в нём идейного расчёта и чувств определить не просто трудно, а практически невозможно. После неудачи с «Выбранными местами...», которую многие считали провалом, писатель потерял надежду учить всю Русь и остановился на душе, которая принадлежит только одной женщине.

«Я окружил вас мутными облаками недоразумений»

Шёл 1848 год. Гоголь был в Петербурге, где сначала неудачно заехал к Плетнёву (тот оказался на даче), потом встретился с Прокоповичем, а затем поехал в Павлино к Виельгорским. Там отмечался день именин Софьи Михайловны. Там он уже смотрел на Анну Михайловну другими глазами... Вскоре, но уже из Москвы, он писал А.О. Смирновой: «Её слова меня испугали,

когда она сказала мне: «Я хотела бы, чтобы меня что-нибудь схватило и увлекло; я не имею собственных сил». Этот её испуг и стал началом романа. То был испуг не только за свою пациентку, но и за себя. «...Её положение опасно, – писал Гоголь Смирновой, – она – девица, наделена большим избытком воображенья». «Но тот же избыток был и в «докторе», который тоже, быть может, только и ждал случая, когда кто-то подаст ему знак», – заключает И.П. Золотусский.

В 1848–1849 годах, к которым следует отнести весьма «туманное» («туманное» – только потому, что далее догадок больше, чем фактов) развитие этого романа Гоголя с Виельгорской-младшей, писателю было 39-40 лет, Анне Михайловне – 26-27. В этот период А.М. Виельгорская стала самым главным корреспондентом Н.В. Гоголя. Внушая ей свои житейские и творческие идеи, Николай Васильевич пишет девушке чаще, чем всем остальным. Интересно, что содержание многих его писем абсолютно точно перекликается с идеями второго тома «Мёртвых душ». (Эту особенность заметили и аргументированно описали многие наши гоголеведы.) Следует отметить, что в литературных кругах столицы уже тогда многие утверждали: именно Аня Виельгорская является прототипом дочери генерала – Уленьки Бетрищевой. Добавим, что Андрей Тентетников «ступил»

на страницы второго тома «Мёртвых душ» в 33-летнем возрасте. Столько же было и писателю, когда рождался литературный образ этого помещика. Мы не будем убеждать вас в том, что это могло бы стать аргументом в сравнении избранниц Николая Васильевича Гоголя и Андрея Ивановича Тентетникова. Ясно лишь то, что их действительно вполне возможно сопоставлять не только по главам поэмы, но и по жизни. Что же касается всей переписки Гоголя с Виельгорскими, то до наших дней дошло 63 письма Гоголя и 41 письмо Виельгорских.

Вернёмся в 1848 год. Помните, мы о нём уже рассказывали ранее, размышляя о том, что Гоголь смотрел на Анну Михайловну совершенно другими глазами... «Во второй половине сентября – начале октября 1848 года Гоголь встречается с Виельгорскими в Петербурге, – пишет Ю.В. Манн. – Именно с этого времени Гоголь будет вести счёт своих трудных отношений с Анной («...я много выстрадал с тех пор, как расстался с вами в Петербурге»). Что же произошло? В.И. Шенрок первоначально высказал предположение, что именно в это время Гоголь обнаружил намерение жениться на Анне, решительно отклонённое её родственниками; но потом исследователь приурочил это событие к более позднему времени – 1850 году. Поправка Шенрока представляется обоснованной: после

петербургских встреч Гоголя с Анной Михайловной продолжалась ещё около двух лет оживлённая переписка, и, казалось, ничего не изменилось. Разрыва не произошло, если Гоголь и почувствовал обиду, то самую малую».

Мы уже обращали ваше внимание на один из фрагментов второго тома поэмы, где Уленька Бетрищева признаётся своему отцу-генералу: «Когда я вижу, что в глазах совершается обман в виду всех и не наказываются эти люди всеобщим презрением, я не знаю, что со мною делается, я на ту пору становлюсь зла, даже дурна: я думаю, думаю...» Эти слова заставляют нас ещё раз вспомнить отдельные строки из достаточно непривычного для нашего понимания письма Н.В. Гоголя к Анне Михайловне Виельгорской от 29 октября 1848 года. Там он пишет: «Ведь вы нехороши собой», а далее: «Вы бываете хороши только тогда, когда в лице вашем является благородное движенье; видно, черты лица вашего затем уж так устроены, чтобы выражать благородство душевное: как скоро же нет у вас этого выражения, вы становитесь дурны».

Обратите внимание на тесную «перекличку» ранее приведённых нами фраз. И ещё одно. Вряд ли кто-либо из нас будет сомневаться в том, что так говорить, а писать тем более, молодой и незамужней женщине не

следует. Наверное, зря Гоголь поступил так бестактно. При таких обстоятельствах не каждая женщина способна смолчать, но каждая – будет думать о своих душевных качествах, «перебирать» себя, уговаривать в том, что для неё главное доброе сердце и чистая душа. И хотя это будут лишь внутренние терзания, подобные оценки не забываются никогда, это точно. Мы приведём вам ещё несколько строк из того же письма Н.В. Гоголя в Петербург к Анне Михайловне, написанного им в Москве. Например, здесь он обращает внимание А.М. Виельгорской как раз на второй том «Мёртвых душ»: «Хотел бы я, чтобы по прочтении моей книги люди всех партий и мнений сказали: «Он знает, точно, русского человека. Не скрывши ни одного нашего недостатка, он глубже всех почувствовал наше достоинство». А в нижеследующем фрагменте – снова небесспорные советы Гоголя девушке: «О здоровье вновь вам инструкция: ради бога, не сидите на месте более полутора часа, не наклоняйтесь на стол: ваша грудь слаба, вы это должны знать. Старайтесь всеми мерами ложиться спать не позже 11 часов. Не танцуйте вовсе, в особенности бешеных танцев: они приводят кровь в волнение, но правильного движенья, нужного телу, не дают. Да и вам же совсем не к лицу танцы: ваша фигура не так стройна и легка» (ужас! – Г.Д.)

Продолжим. «Бросьте всякие, даже и малые, выезды в свет, – пишет он. – Вы видите, что свет вам ничего не доставил: вы искали в нём душу, способную отвечать вашей, думали найти человека, с которым об руку хотели пройти жизнь, и нашли мелочь да пошлость. Бросьте же его совсем. Есть в свете гадости, которые, как репейники, пристают к нам, как бы мы ни осматривались. К вам кое-что уже пристало; что именно, я покуда не скажу. Храни вас бог также от поползновений на так называемую светскую любезность. Сохраняйте простоту дитяти – это лучше всего».

Это письмо Н.В. Гоголь завершает, словно бы с сочувствием, с осознанием собственной небезгрешности и вполне доброжелательно: «Делайте мне такие же чёрствые и жёсткие наставления, как и я вам, не скрывая дурного, которое во мне заметили. Мы ведь это обещали друг другу». Он понимает, что подобными назиданиями он ни радости, ни спокойствия женщине, которую природа не наделила ни красотой, ни здоровьем, не приносит. И это тоже нашему пониманию поддаётся с большим трудом, потому что слова способны вызвать одну лишь боль. Скорее всего, любая другая женщина в любом возрасте и положении не пожелала бы и близко обсуждать столь деликатную и неприятную для неё тему из чувства всё той же обиды

и оскорбления её достоинства. Как нам кажется, даже сейчас мужчину, который мог бы такое написать своей чуть ли не невесте, трудно представить, как и представить себе, как чувствовала себя Анна после прочтения тех строк. За это можно было бы получить такую же ответочку, а далее – полное охлаждение, или завершение отношений, или банальный скандал со слезами. «Кто отважится так писать женщине, которую хочешь взять в жёны?» – вопрошает И.П. Золотусский. И тут же отвечает: «Только строгий учитель, который рассчитывает на свой непререкаемый авторитет». Но и это не оправдание. Заметим, что сейчас даже самому заслуженному учителю так поступать непозволительно, хотя есть и другая формула. Она современна или осовременена, мы не знаем, но звучать могла бы примерно так: любая нелепость может оказаться столь же бесконечной, как и талант...

Не трудно догадаться, почему в ответе Анны Виельгорской на эти неделикатные советы Н.В. Гоголя 7 ноября 1848 года не написано ни одного слова. Зато о занятиях по русской истории и литературе, которые писатель рекомендовал ей брать у В.А. Соллогуба в том же его послании, она описала всё до малейших деталей. Хотя могло быть и так, что её ответ на те обидные рекомендации мы попросту не

нашли. (Надеемся, что вы нас поправите.) Нам действительно показалось странным, что в самом начале этого письма она сообщает: «...вот уже месяц, как вы от нас уехали, и до сих пор мы не получили от вас никаких известий», тем самым утверждая, что как бы ничего и не получала. Но как это могло произойти, если ответ на другую часть этого письма есть? Наверное, мы по своей некомпетентности сами здесь в чём-то запутались... Ясно лишь то, что ни форменного скандала, ни словесных, извините, оплеух в ответ на такое послание его автор не получал...

Наиболее сведущие и авторитетные наши литературоведы не сомневаются в том, что в конце 1848 – начале 1849 года между Гоголем и Анной Михайловной Виельгорской что-то произошло, а вот как всё происходило, даже они имеют одни лишь версии. В случившемся не стоит тешить себя надеждами найти аргументы, связанные с большой и чистой любовью с многоугольной геометрией и нешуточными страстями. Напротив, внешне здесь полное спокойствие, обоюдная зажатость, недоговорённость и напряжённая выжидательность. «Нет, никакого официального предложения Гоголь не делал, – утверждает Ю.М. Манн, – но этой животрепещущей темы очевидно не раз касался во время петербургского общения с

Анной, причём его настроение не укрылось и от внимания других членов семейства Виельгорских».

Вероятно, что здесь нам следует снова вспомнить об оговорке Шенрока о том, что там не было формального предложения. Скорее там было, как говорят, «зондирование почвы». «Гоголь только обратился к графине (Луизе Карловне. – Г.Д.) через Алексея Владимировича Веневитинова, женатого на старшей дочери Виельгорских Аполлинарии Михайловне, – пишет В.И. Шенрок. – Зная взгляды своих родственников, Веневитинов понял, что предложение не может иметь успеха, и напрямик сказал о том Гоголю». Сделал ли Гоголь свой запрос в разговоре или в письме – неизвестно. Ясно, что Веневитиновы были убеждены: Луиза Карловна ни за что не согласится на этот брак. И тогда Гоголь взял свои слова обратно. Такое развитие событий вполне соответствует духу поведения Гоголя в сложных ситуациях. Получить отказ из первых рук было бы для него величайшим посрамлением. Кроме того, это было бы уже официальным сватовством, которое невозможно было бы скрыть от столичной общественности. А при том развитии ситуации, что мы сейчас обозначили, тайну «проекта» гарантировал уже семейный интерес Виельгорских.

Отметим, что этот эпизод в семейных преданиях Виельгорских сохранился, как и его объяснение: при всём почитании Гоголя как великого писателя, люди титулованные, принадлежащие к высшему кругу, близкие ко двору, не видели в нём допустимой партии. В столице хорошо знали и происхождение писателя, и его материальное положение, а потому понятно, что согласие Луизы Карловны на брак её дочери мог получить разве только какой-нибудь князь или граф. И если это даже придуманная ими версия, а не факт, то выглядит она совершенно убедительно и логично.

В январе 1849 года в Москву приезжает Владимир Соллогуб, одновременно здесь же находится и Луиза Карловна Виельгорская. Анна в Москву не приехала. «Он (Гоголь. – Г.Д.) был грустен, – писал Соллогуб, – тупо глядел на всё, окружающее его, потускневший взор, слова утратили свою неумолимую меткость, и тонкие губы как-то угрюмо сжались». Чуть позднее Николай Васильевич напишет Анне: «Сижу больной, нервы страждут и всё во мне страждет. И так бывает тяжело, что не знаешь, куда деться, как позабыть себя». Некоторые считают, что Гоголь делал предложение Анне весной 1850 года. Произошло ли это до 3 апреля или после – пока никому установить не удалось. Но после 3 апреля Гоголь отправляет Анне Ми-

хайловне Виельгорской письмо, которое подтверждает: такой факт свершился. Это необычное письмо, другого такого, наверное, даже в истории литературы не найти.

«Мне казалось необходимым написать вам хотя часть моей исповеди, – пишет он Анне Михайловне. – Принимаясь писать её, я молил Бога только о том, чтобы сказать в ней одну сущую правду. Писал, поправлял, марал, вновь начинал писать и увидел, что нужно изорвать написанное. Нужна ли вам точно моя исповедь? Вы взглянете, может быть, холодно на то, что лежит у самого моего сердца, или же с иной точки, и тогда может всё показаться в другом виде, и что писано было затем, чтобы объяснить дело, может только потемнить его. Совершенно откровенная исповедь должна принадлежать Богу. Скажу вам из этой исповеди одно только то: я много выстрадался с тех пор, как расстался с вами в Петербурге. Изныл весь душой, и состоянье моё было тяжело, так тяжело, как я не умею вам сказать. Оно было тяжелее оттого, что мне некому было его объяснить, не у кого было испросить совета или участия. Ближайшему другу я не мог его поверить, потому что сюда замешались отношенья к вашему семейству; всё же, что относится до вашего дома, для меня святыня. Грех вам, если вы станете продолжать сердиться на меня за

то, что я окружил вас мутными облаками недоразумений. Тут было что-то чудное, и как оно случилось, я до сих пор не умею вам объяснить. Думаю, что случилось оттого, что мы ещё не довольно друг друга узнали и на многое очень важное взглянули легко, по крайней мере, гораздо легче, чем следовало. Вы бы всё меня лучше узнали, если бы случилось нам прожить подольше где-нибудь вместе не праздно, но за делом. Зачем, в самом деле, не поживёте вы в подмосковной вашей деревне? Вы уже более двадцати лет не видали ваших крестьян. Будто это безделица: они нас кормят, называя нас же своими кормильцами, а нам некогда даже через двадцать лет взглянуть на них! Я бы к вам приехал также. Мы бы все вместе принялись дружно хозяйничать и заботиться о них, а не о себе. Право, это было бы хорошо и для здоровья и веселей, чем обыкновенная бессмысленная жизнь на дачах. А если бы при этом каждый помолился покрепче Богу о том, чтобы помог ему выполнить долг свой, – мы бы, верно, все стали чрез несколько времени в такие отношенья друг к другу, в каких следует нам быть. Тогда бы и мне и вам оказалось видно и ясно, чем я должен быть относительно вас. Чем-нибудь да должен же я быть относительно вас: Бог недаром сталкивает так чудно людей. Может быть, я должен быть не что другое в отношении <вас>, как

верный пёс, обязанный беречь в каком-нибудь углу имущество господина своего. Не сердитесь же; вы видите, что отношенья наши, хотя и возмутились на время каким-то налётным возмущеньем, но всё же они не таковы, чтобы глядеть на меня как на чужого человека, от которого должны вы таить даже и то, что в минуты огорченья хотело бы выговорить оскоблённое сердце. Бог да хранит вас. Прощайте. Обнимите крепко всех ваших. Весь ваш до гроба Н. Гоголь».

В этом сентиментальном романе здесь наступает некоторое прояснение, потому что всё высказанное Гоголем в письме недвусмысленно, а его фраза о «верном псе» при «господине своём» говорит сама за себя. Мы уже изрядно утомили вас бесконечным цитированием, но вынуждены ещё раз призвать к терпению. Далее следует очень большая цитата из И.П. Золотусского, и только потому от него, что лучше Игоря Петровича в данном вопросе вряд ли кто-либо разобрался. Впрочем, мы не будем утверждать, что знакомы со всеми исследованиями по этой теме.

А теперь читаем: «Гоголь ещё не знает об этой реакции графини-матери, но старается предупредить её гнев через дочь. Понимая, что и Анна Михайловна имеет основания сердиться на него, он оправдывается, отступает,

но отступает с честью, с развёрнутым знаменем, если можно так сказать.

Это единственное любовное письмо Гоголя из всех известных нам его писем остаётся всё же письмом Гоголя. В нём не только оправдания, но и поучения, порицания, в нём есть гордость Гоголя, хотя есть и его смущенье.

С одной стороны, он называет вещи своими именами («верный пёс» и т. д.), с другой – ничего не говорит о существе дела, хотя называет свершившееся «делом». Дело сие уже «случилось», отношения к семейству Виельгорских в него уже «замешались» – он признаёт факт какого-то поступка со своей стороны, но всё же не решается назвать его. И здесь присутствуют ***«мутные облака недоразумений»*** (здесь и далее выделено мною. – Г.Д.), позволяющие ему уйти без позора.

Не зря перед нами не черновой текст, не живое письмо, писанное с помарками и зачёркиваниями, не стыдящееся подставить свои слабости и описки, а беловой текст, выправленный до последней запятой, без единого следа состояния, писавшего его.

И – в довершение всего – на нём нет даты.

Это как бы письмо, отправленное никому и никуда, ибо и имени Анны Михайлов-

ны Виельгорской здесь не упоминается тоже.

И лишь связь этого письма с другими письмами к Виельгорским и некоторые бытовые подробности, говорящие о том, что они имеют отношение к их семейству, ставят это безымянное послание Гоголя на место в действительной истории его жизни».

Трудно сомневаться в том, что о «предложении» Гоголя узнала не только Анна Михайловна, но и её самовластная мама, что позволяло ей на него рассердиться. Понятно, что такие вопросы без предварительного их обсуждения не решаются. Идея Гоголя стать полноправным членом семейства Виельгорских смутила Луизу Карловну. Несомненно, что для неё такой поступок Гоголя был дерзостью. И как бы она высоко ни ценила его умственные способности и его влияние на детей, как бы она ни оценивала внешние данные своей дочери, но для этой партии кандидат не годился.

Бесспорно и то, что Гоголь видел в Анне Виельгорской духовно близкого себе человека, хотя мы могли бы и дальше выдвигать гипотезы о том, кто и что видел. Но как не согласиться с Юрием Владимировичем Манном в том, что исповедь Гоголя написана «...в состоянии тяжёлой душевной муки», что её переполняет сердечная обида и боль. Можете прочесть его

письмо ещё раз, и вы убедитесь, что после «мутных облаков недоразумений» следуют такие строки, где преобладают одни лишь прощальные ноты...

Теперь переписка этих людей оборвалась. Последнее письмо к Виельгорским, а именно к сестре Ани – Софье Михайловне, написано Н.В. Гоголем 29 мая 1850 года. «В России мне не следовало заживаться, – пишет он. – Я «странник», и моё дело – только «временный отдых на тёплой станции». В новогоднем письме А.О. Смирновой 1 января 1852 года он просит Александру Осиповну поздравить с праздником «всех добрейших» Виельгорских, а Анну «не сердиться» и «не глядеть» на него «как на чужого человека». И это единственное право, которое он оставляет за собой.

Роман Гоголя длился полгода. Он состоял из переписки, взаимного обмена советами, завуалированными признаниями и намёками на перспективы общего будущего. Это время отвлечения от писательского труда и отрыва от «желаний небесных» во имя «желаний земных». Роман в письмах – это та форма отношений с женщиной, которую Гоголь высмеивал в «Записках сумасшедшего». То же, что и бумажный роман Поприщина, романы в мечтах Манилова, Хлестакова или Чичикова. В делах любовных его герои – мечтатели,

поэты, неумелые ученики, которые только во снах или в опьянении проявляют свои способности видеть те картины, в которых они добиваются любви губернаторских дочек или... графинь. У Гоголя энергии хватило лишь на мечту. Была ли это любовь или всего лишь раскалённое воображение о ней и заочное торжество в мыслях? А может быть, реализация педагогической идеи, воплотившейся в феномен фантастического романа, но никак не в сам роман? «Нервическое ли это расположение или истинное чувство, я сам не могу решить», – напишет Гоголь спустя месяц после этой истории сестре Анны Михайловны Софье Соллогуб. И хотя эти строчки будут иметь отношение совершенно к другим его чувствам – к радости по поводу движения в работе над поэмою, – то же он мог бы сказать о своей любви или «любви». Хотя всё же заметим, что в письмах Н.В. Гоголя видна любовь не к женщине, а к другу. Наверное, такого друга иметь рядом удобно и очень эгоистично.

И всё-таки будем больше полагаться на слова В.А. Соллогуба, который лучше других знал тайны этой семьи. Напомним его вывод о том, что Анна Виельгорская «...кажется, единственная женщина, в которую влюблён был Гоголь». А ещё, перечисляя недуги Гоголя, Соллогуб однажды говорил о писателе так: «Он страдал

долго, страдал душевно, от своей неловкости, от своего мнимого безобразия, от своей застенчивости, от безнадёжной любви...» Соллогуб хорошо знал Николая Васильевича. И почему бы за словами Владимира Александровича не мог быть самый точный «диагноз» для вывода из истории, о которой мы вам рассказали?

Что же ещё могло служить причиной её окончания? Смеем предположить, опасаясь при этом критики читателя за покушение на личность величайшего писателя, что Гоголь не только известнейший литератор, но и человек, не лишённый некоторых особенностей и недостатков, причём столь же выразительных, как и его талант. Возможно, Анне удалось разглядеть в нём то, чего она до определённого времени не замечала. Эти несовершенства он, с присущим ему умением управлять словами, так же умело маскировал, сам того не сознавая, под заботу о ней, под искреннее желание помочь в развитии её духовности, в умении разбираться в своём ближайшем окружении и вообще ориентироваться в жизни. Анна же, будучи разумной девушкой, поняла, что её духовный друг очень слабый человек, раб своих страстей и заблуждений – гордыни, болезненной неуверенности и тщеславия – и что она может оказаться рабыней того же. Возможно, она осознанно через чувство самосохранения или инстинктивно, а

также и под влиянием семьи, ощутила эту опасность, поняла её и, не вступая в какие-либо объяснения, эту тему закрыла.

Что же касается её личной судьбы, то Анна Михайловна Виельгорская вышла замуж за князя Александра Ивановича Шаховского, представителя знатного рода, восходящего к известному князю Дмитрию Шемяке, когда ей было уже за тридцать, и родила дочь Марию. Жили Шаховские в старинной усадьбе Сенница в Озёрском районе Московской области, в том имении, где Н.В. Гоголь когда-то мечтал провести лето вместе с ней. Предупреждая её о слабом здоровье, Н.В. Гоголь оказался пророчески прав: лечение на европейских курортах ей не помогло. Анна Михайловна прожила всего лишь 41 год и после смерти была похоронена в Новодевичьем монастыре Петербурга.

Может быть, каждая женщина заслуживает того, чтобы её любили больше, чем она заслуживает. Может быть, с Анной Михайловной всё получилось именно так. У Виельгорских история сватовства Гоголя существовала как семейное предание, а потом она пошла гулять по всему свету, как нос майора Ковалёва, который фланировал по Невскому проспекту сам по себе.

Можем ли мы сравнивать симпатии Гоголя, Тентетникова и Чичикова? Не мы первыми обнаружили, что поразившие Чичикова тонкие черты дочери губернатора, талия и лицо, столь же прозрачное, как только что снесённое яичко, совершенно точно повторяют портрет молодой графини Виельгорской. Они же фотографически близки и к образу дочери генерала Уленьки Бетрищевой, о которой всё написанное именно Гоголем мы могли прочесть за пять минут...

На обложке нашей книги Уленька, кто-то это обязательно заметит, не столь уж худенькая и «прозрачная». Именно такой мы её себе представляем в будущем – счастливой русской красавицей.

И, конечно, прежде чем приступать к разговору о втором томе поэмы «Мёртвые души», нам следовало бы вначале определиться, вообще стоит ли обсуждать образ Уленьки Бетрищевой, потому как на самом деле наша речь могла идти лишь об образе писателя Н.В. Гоголя, о его жизни и о его трагической судьбе...

ГЛАВА VII. ВО ВСЁМ ВИНОВАТ ГОГОЛЬ

Почём плоды воображенья

Остановимся ещё на одной любопытной истории, связанной теперь уже с Марией Николаевной Синельниковой (Ходаревской). Это двоюродная сестра Н.В. Гоголя, дочь родной сестры матери Николая Васильевича. Легенда тоже любопытная и местами фантастическая. Её нити ведут уже не в Европу и даже не в губернский город N, а в деревеньку Малороссии, что намного скромнее, зато уже потом они приводят нас даже в бывшую столицу России и затрагивают время, остановившееся чуть ли не у порога победы над фашистской Германией. Писателя эта история затронула уже у другого порога – у порога царства небесного, то есть незадолго до его смерти.

«Тема, которую вы здесь поднимаете, меня совершенно не радует, – заявил нам один очень уважаемый в России литератор, увидев в наших строках ссылку на публикацию полтавской журналистки Ренаты Смирновой, и в

этот момент трудно было не заметить, что он действительно огорчён. «Нет, о Смирновой, на которую вы, видимо, будете опираться и далее, я даже говорить не хочу, бог с ней, – продолжил он, – речь лишь о том, что спекуляции вокруг Гоголя так и не прекращаются». Эти слова произнёс очень честный и прямой человек. Зная его не первый год, мы даже удивились им сказанному, поскольку такого услышать от него не ожидали. В схожих ситуациях с его языка чаще слетали слова, уже давно и твёрдо запрещённые в нашей стерильной для слуха журналистике и печати... Но мы сохраним выдержку, не будем разбрасываться радикальными прогнозами о том, что прозвучать могло бы, однако и негатив реакции отрицать тоже не будем. На наш субъективный взгляд (а в литературе другого взгляда и не бывает), каждый имеет право на свою позицию и прав уже в том, что мыслит.

Предположим, что мы верим публикации Ренаты Арсеньевны Смирновой (Полтава, Украина), например, в «Киевском Телеграфе» за июнь 2004 года под заглавием «Живые души Гоголя. Любовь в жизни Николая Гоголя». (Смирнова называет себя писателем, журналистом, гоголеведом.) Сразу же отметим, что примерно такой же текст мы не раз встречали и в других СМИ. Суть его та же, но каждый раз он имеет свои

отличительные изящества и трогательные детали, усиливающие впечатления о значимости личной причастности этого автора текстов к освещаемым им событиям.

Так вот, здесь Рената Смирнова рассказывает читателям и утверждает, что Мария Николаевна Синельникова (1817–1892) является единственной женщиной, которая однажды призналась писателю в любви, причём делала она это «с глазу на глаз», что нам уже само по себе показалось забавным. (Вероятно, стены действительно имеют уши.) В общем, нам понятно, что свидетелей этого незабываемого в её жизни события искать уже не стоит. Тем не менее следует признать, что М.Н. Синельникова действительно с Н.В. Гоголем встречалась, это правда. Свою кузину, то есть Синельникову М.Н., Николай Васильевич в письмах называл «Мариам», «Мария Николаевна», «мой любимый друг Мапе». Сохранилось письмо от 15 июня 1844 года, в котором писатель через свою сестру Анну «наводил справки» о Синельниковой: «Оленьке скажи, чтобы она написала мне, что такое, в самом деле, есть дочь Катерины Ивановны – Марья Николаевна, каких качеств? Пусть она также напишет, как проводила у неё время всякий день, каков муж и как вообще у них дела хозяйственные и всякие. Прибавь к этому и своё мнение. Если ей чересчур хочется иметь какое-нибудь моё письмо, то отдай ей то, где я вам писал, что нужно повсюду вносить примирение. Если ж вам оно будет почему-либо нужно, то можете для себя оставить с него копию. С тем, однако ж, ей отдайте, чтобы она никому его не показывала».

Историкам также известно и письмо М.Н. Синельниковой близкому другу Н.В. Гоголя профессору Московского университета Степану Петровичу Шевырёву от 15 апреля 1852 года, где она, отвечая на его многочисленные вопросы о жизни писателя, в частности, сообщает: «Писем его у меня немного, они относятся ко мне одной, и потому и я не могу списать Вам их. (Письма Н.В. Гоголя к М.Н. Синельниковой неизвестны. – Г.Д.) В 1850 году я в первый раз увидела его, сошлась с ним, встретивши в нём истинно братское сочувствие, и привязалась к нему всей силой души моей. Как много надеялась я получить назидательных советов в различных случаях жизни, и так мгновенна была моя радость иметь брата с такими достоинствами. Я прожила всё лето вместе с ним среди его семейства, восхищалась его любовию к ним и заботливостию о них... В 1851 году он был у нас в деревне, где я живу с тётушкой (с отцовой стороны), и пробыл у нас 8 дней, и был всё время весел и покоен. Я радовалась в душе, глядя на него».

В тот год, когда началась переписка писателя с его кузиной, ей было 33 года. И эта молодая и красивая женщина, как утверждает Рената Смирнова, влюбилась в Н.В. Гоголя, в чём и призналась ему. Какие же есть основания для того, чтобы это утверждать? Найти вразумительного ответа на этот вопрос нам не удалось. Зато гоголевед (не будем брать это слово в кавычки, хотя можно было бы подумать и над этим) Смирнова далее рассказывает уже о наследнице кузины писателя Гоголя – Наталье Сошальской. Та якобы уже в 1920 году в своих воспоминаниях написала следующее: «Мария Николаевна Синельникова по отцу приходилась двоюродной сестрой моему деду Александру Кондратьевичу Кованько, а по материнской линии – тоже двоюродной сестрой – Николаю Васильевичу Гоголю... Семнадцатилетней она успешно закончила своё образование и сразу из пансиона выпорхнула в высший губернский свет... не замедлила сделать блестящую партию. Вышла за очень богатого помещика Екатерининской губернии Синельникова. (Он построил первую железную дорогу в губернии, и сегодня одна из станций носит его имя.) Из неизвестной пансионерки, почти сироты, она превратилась в богатую самостоятельную женщину. Свой дом в городе, свой выезд, балы, приёмы, целый рой поклонников... Но недолго продолжалось это

благополучие. История умалчивает о причинах разрыва, но ещё совсем молодой женщиной она рассталась с супругом и вернулась в своё имение, где и прожила до самой смерти...

Поселилась она в большом доме. В деревне ей захотелось стать таким же центром, как в Екатеринославе... В доме веселились, неслись звуки рояля, слышны были молодые радостные голоса. К этому времени и относится знакомство Марии Синельниковой со своим кузеном... После последнего отъезда Николая Васильевича его комната стояла на замке. Туда заходила только она сама, чтобы вытереть пыль, поставить свежие цветы, поплакать и вспомнить прошлое. Комната оставалась такой, какой он её покинул.

...Ещё в детстве видела я у бабушки пачку пожелтевших писем, перевязанных выцветшей лентой. Письма были к Марии Синельниковой от Николая Васильевича. Почитать их мне бабушка не дала и сказала, что грех нарушать покой мёртвых. Перед своей смертью она их, очевидно, уничтожила, потому что после я их уже не видела».

Для того чтобы во всё это поверить, не сильно посвящённому в историю Малороссии читателю больших усилий не требуется, тем более что населённый пункт Синельниково с паровозами на гербе и на флаге города, как и

одноимённая железнодорожная станция, действительно существует. (Когда-то это было селом Павлоградского уезда Екатеринославской губернии.) Но для особо любознательных читателей не поверить во всю эту историю тоже легко, и мы предлагаем вам один из вариантов углубления в наше недоверие. Конечно, мы бы не стали здесь гнать такую волну, но почему-то сразу же почуяли неладное. (Если ошибаемся, то да простит нас Рената.) И вот в чём заключена суть наших колебаний...

Во-первых, мужем Марии Николаевны Синельниковой никак не мог быть тот, кто построил первую железную дорогу в ныне Сичеславской (известной нам больше как Днепропетровская) области современной Украины, где расположен тот населённый пункт. Её строителем был Иван Максимович Синельников, который в 1787 году даже успел провезти по этой дороге российскую императрицу Екатерину II, а в 1788-м волей божией скончался, и произошло это ровно за 29 лет до того дня, когда наша Маша Ходаревская лишь только появилась на свет.

Чисто теоретически из числа наследников И.М. Синельникова, сыновей или даже внуков его, мужем Марии Николаевны мог оказаться лишь Николай Васильевич Синельников, хотя в пользу даже этой версии каких-либо аргументов у нас тоже нет. Одно лишь нам понятно: о семьях и жёнах остальных сыновей и внуков Ивана Максимовича Синельникова информацию нам найти удалось, и места для М.Н. Ходаревской (в замужестве Синельниковой) там не видно совершенно. Остаётся только предполагать, что её богатым мужем мог стать только этот Синельников – Николай Васильевич. И снова теоретически: он вполне мог владеть этой железной дорогой или, по крайней мере, какое-то время руководить ею. Ещё раз заметим, что какой-либо ясности о его женитьбе именно на Марие Николаевны или стремительном разводе с нею нам обнаружить не удалось. Напомним ещё раз, что всю эту историю мы рассказываем вам теперь уже со ссылкой на двух действующих лиц, поскольку к Марии Синельниковой добавилась Наталья Сошальская, правда, она повествует в интерпретации близкой к всё той же полтавчанке Ренате Смирновой.

Но и это ещё не всё, потому что гоголеведу Р.А. Смирновой бодро вторит её землячка журналистка Анна Волкова (газета «Факты», Полтава), которая в чём-то ссылается на Ренату, а порой уже и от своего имени дополняет эту же трогательную историю любви новыми деталями. «А единственной женщиной, признавшейся самому Гоголю в любви, была его двоюродная сестра Мария Синельникова – дочь сестры

матери писателя, – утверждает Волкова. – Она была образованна и умна, рано вышла замуж, став богатой самостоятельной женщиной. Часто появлялась на балах и приёмах, имела собственный дом в Екатеринославле и свой выезд. Семейная жизнь Марии, однако, длилась недолго. С мужем она вскоре рассталась и переехала в имение Власовка под Харьковом. (В других источниках указывается, что имение Власовка находилось в Константиноградском уезде Полтавской губернии. – ГД.) Здесь в мае 1851 года, менее чем за год до своей смерти, писатель вместе с мамой и младшей сестрой Ольгой навестил свою родственницу. Всего восемь дней он пробыл у неё, и каждое утро, вспоминала Ольга Гоголь-Головня, Николай Васильевич в приподнятом настроении выходил с кузиной в сад. Она что-то ему шептала, а он краснел и смущался. «О чем вы говорите?» – однажды простодушно полюбопытствовала у брата Ольга. Тот смутился, покраснел и ответил: «Хорошо, что ты ничего не слышала!» Сомнений нет: Мария просто признавалась кузену в любви». Согласитесь, что это впечатляет, но как-то не очень... К фразеологизму «с глазу на глаз» здесь нам так и хочется добавить уже поговорку: «Слышала звон, да не знает, где он».

Далее мы преднамеренно пропускаем кочующие из одной публикации в другую гигантские заслуги госпожи Смирновой в сохранении гоголевских реликвий. «Преднамеренно» потому, что заслуг у неё, по её же собственным оценкам, да и по отзывам Волковой, невероятно великое множество. Там же и трогательные подробности о пожелтевших письмах Гоголя Синельниковой, о которых мы уже сообщали, но их так никто и не видел. Там же и сказания о мистических свойствах её золотого кольца с прядью волос писателя, ярко проявившихся в спасении жизней людей в блокадном Ленинграде, а также замечательные подробности о сотнях предметов, переданных через Смирнову в музей села Гоголево (ранее Васильевка) Шишакского района... Возможно, всё это так и было, но верится как-то не совсем.

Что написано пером, то, сами знаете, как несокрушимо даже и под натиском топора... Будем читать Ренату и дальше, но ничего из числа заявленного ею опровергать не будем. Чтобы сделать это, необходимо быть хотя бы не читателем «средней руки», как называл сам Гоголь не очень щепетильных в выборе аргументов специалистов. А вот уточнять попытаемся, это интересно. Интересно, что обе наши прекрасные полтавчанки наперегонки цитируют письмо Синельниковой профессору Московского университета Степану Шевырёву. «..***Я полюбила его,*** встретивши в нём ***настоящее*** брат-

ское сочувствие, и привязалась к нему все***ю*** сило***ю*** души моей...» (здесь и далее выделено мною. – Г.Д.). Мы не поленились и нашли в Фундаментальной электронной библиотеке письмо Шевырёву от 15 апреля 1852 года, где эта фраза выглядит несколько по-другому. Читаем: «***В 1850 году я в первый раз увидела его, сошлась с ним,*** встретивши в нём ***истинно*** братское сочувствие, и привязалась к нему все***й*** сило***й*** души моей». Выделенные нами слова и их окончания, как вы, наверное, уже заметили, показывают различия между выдержками из письма при его цитировании полтавчанками и текстом самого документа. Слов «любила», «полюбила» и производных от них в том тексте мы-таки не обнаружили, но если бы они там даже и были, то это ещё не факт, что они действительно были когда-то произнесены Гоголю в условиях глубокой конспирации... Припоминаются строки Константина Симонова: «Письма пишут разные: слёзные болезные, / Иногда прекрасные, чаще бесполезные». Конечно, здесь мы снова сами даём повод к тому, чтобы кто-то подумал: «А при чём же здесь Гоголь?»

«Немногие, вероятно, из великих писателей так медленно делались любимцами массы публики, как Гоголь, – писал А.М. Ремизов («Огонь вещей»). – Надобно было несколько лет горячему с тонким чутьём критику (Белинскому),

проходя слово за словом его произведения, растолковать их художественный смысл, надо было несколько даровитых актёров, которые воспроизвели бы гоголевский смех во всём его неотразимом значении: надобно было, наконец, обществу воспитаться его последователями, прежде, чем оно в состоянии было понимать значение произведений Гоголя, полюбить их и, изучив, разнять на поговорки.

Но прежде чем устоялось таким образом общественное мнение, сколько обидного непонимания и невежественных укоров перенёс поэт! «Скучно и непонятно» – говорили одни. «Сально и тривиально!» – повторяли другие. «Социально-безнравственно!» – решили третьи. Критики и рецензенты почти повторяли то же».

Творческий процесс художника всегда и во всём требует огромных душевных затрат. Михаил Пришвин сказал: «Высоко подняться может каждый разными способами. Но долго оставаться на высоте можно только сильным излучением любви». У Гоголя такая «эмоциональная подпитка», видимо, отсутствовала. Для великого писателя понятие «любовь» осталось «терра инкогнита»...

Уже в наши дни слышно множество возмущений относительно того, что Тамара Синявская для главной роли Муслима Магомаева остано-

вилась на Милоше Биковиче. Заговорили, что там абсолютно все в парадных артистических костюмах, что типы актёров ходульны, невыразительны и безжизненны, что это «витринное кино с силиконовыми образами». А кого же эти товарищи там хотели увидеть? Гамлета? Так о нём написал другой автор. А если не Гамлета, то надо думать, что у сериала совершенно другое назначение... В этом же ключе можно высказаться и нам. Во втором томе гоголевской поэты могло бы оказаться 250-300 страниц, а о «перспективной» главной героине в наших руках оказалось всего ничего... На таких «площадях» героями не рождаются, героинями не становятся. Если, конечно, это произведение по объёму и замыслу не русский народный «Колобок» и не крыловская стрекоза с муравьём...

Допустим на миг, что мы пришли к тому, что Гоголь не сумел создать образ счастливой женщины и сюжет, построенный на любви. Такой тезис легко «убивается» единственным фактом. «Мёртвые души» – по форме роман. Он требует романного сюжета, что в энциклопедической формулировке значит «история личности в драматических обстоятельствах». Личности писателем обозначены чётко, а вот драматические обстоятельства там пока ещё и не наступили... В этом-то и состоит весь вопрос. Будем ли мы здесь над автором поэмы о душах снова

насмешничать? Дескать, опять-таки и снова у господина классика женский образ не получился... Но это же бессмысленно?..

И кто же тогда в этом будет виновен? Ну конечно, он! Во всём виноват Гоголь...

Дама в чёрном под глубокой вуалью

Почти два века прошло со дня смерти великого Гоголя, однако до сих пор многие тайны его личной жизни остались неразгаданными, а точнее сказать, они так и не избавились от плотного тумана предположений и фантазий. Погружаясь в биографию писателя, мы пытались рассмотреть факты или намёки на них и в сфере сердечных отношений Гоголя с Анной Михайловной Виельгорской, например, или Александрой Осиповной Смирновой-Россет. И даже по ним, как нам показалось, заметно что Гоголь обожал женское общество и свободно чувствовал себя в нём. Он умел завораживать женщин собой, а поскольку обаяния и артистизма ему было не занимать, то, наверное, в большинстве случаев он всё-таки довольствовался дружеским общением с ними. Писатель не был ловеласом, хотя, вероятно, мог бы быть и им, но воспитание, характер, выбранная стезя и особенности непреодолимой силы, свя-

занные с его происхождением и положением в обществе, всегда довлели над ним.

Только что мы написали о «большинстве» случаев, совершенно ничего не зная о таких случаях, которые могли бы находиться в «меньшинстве». Мы могли бы, добавить вам целую метёлку разнопёрых свидетельств современников писателя, а также видных гоголеведов (уже наших современников) о безуспешном сватовстве Гоголя к Виельгорской-младшей. Условностей там немало: «скорее всего», «по всей видимости», «вероятно» и других им подобных. А теперь добавим, что в сохранившемся письме родной сестры писателя к А.М. Черницкой, автору работ о Гоголе, Анна Васильевна категорически отвергала возможность подобного рода действий Н.В. Гоголя. Об этом она заявляла и В.И. Шенроку. А узнав, что Н.В. Берг предлагал тому статью «Сватовство Гоголя», уже в другом письме она повторно обратилась к той же Черницкой: «Я в негодовании, как могут ему это предлагать! Берётся писать его биографию и совсем его не знает». Нам и ей, конечно, охота было бы поверить, всё-таки родная сестра писателя, куда уж ближе. Но тут же мы и вспоминаем, что Н.В. Гоголь был на редкость скрытным человеком и таким же немногословным, когда обсуждаемые с кем-либо вопросы касались его лично. Если экстраполировать эти качества писателя на наше время, то можно было бы сказать, что Гоголь всегда был в отношениях с другими в маске, в перчатках и на непреодолимой для его собеседников социальной дистанции. Мы безуспешно продолжаем попытки найти или вспомнить те случаи, где бы он откровенничал. Да и были ли они? Разве что со Смирновой-Россет, что могло бы подтвердиться с высокой степенью вероятности. А уж в эпизоде с вероятным сватовством, когда вся эта драма протекала в столь тонкой сфере отношений и чувств, да ещё тогда, когда происходящие с его участием события приключались за тысячи вёрст от миргородчины?.. Конечно же, его родные и близкие, сестра его Анна Васильевна, которую мы здесь упоминали, в провинциальной Малороссии не то что ничего не знали, но не могли ничего и предполагать о личных планах писателя. И как нам здесь не опереться на один из выводов нашего философа В.С. Соловьёва, который в конспекте «Смысл любви» писал: «Любовь, как я её понимаю, есть дело чрезвычайно сложное, затемнённое и запутанное, требующее вполне сознательного разбора и исследования, при котором нужно заботиться не о простоте, а об истине...» Простоты во взаимоотношениях Гоголя с женщинами, включая и Виельгорскую, никогда не было, как нет и тех неопровержимых фактов, которые мог-

ли бы нас существенно приблизить к истине во множестве тем, обраставших фантазийными деталями на протяжении многих десятилетий...

«Женщины, особенно умные, часто становятся жертвами мужского интеллекта», – писала в статье «Гоголь и женщины» (газета «Вечерняя Москва») журналистка Ольга Кузьмина. С ней трудно не согласиться даже по этому короткому тезису, а тема её выступления, думается, понятна каждому уже из самого заглавия. К чему мы это? Да к тому, что Гоголя знали если не все, то очень многие его образованнейшие и умнейшие современники: учёные, чиновники, писатели, художники, критики, актёры... Перед ним преклонялись и многие его читатели, но все они в первую очередь ожидали от Николая Васильевича новых публикаций: рассказов, повестей или пьес. Гоголь был в авторитете и в почёте и среди своих современниц, что мы уже не раз подтверждали достаточно вескими доказательствами.

Вместе с тем, наверное, во времена Гоголя было немало и тех представительниц слабого пола, которые могли бы на писателя не на шутку обижаться. Для этого оснований у них хватало. Посудите сами. Например, в описании местечковых «принцесс» и «богинь» известного нам города N он отзывался о женщинах с такой вос-

хитительной (для нас, но не для них) иронией и расцвечивал не то что облака духов и ароматов, их окружающих, а вполне себе обидные тучи насмешек, подковырок, издёвок и шуток, адресованных этим дамам. Чтобы обновить это в памяти, вспомните всем известных его героинь из первого тома «Мёртвых душ»: приятную даму и даму приятную во всех отношениях. Они, да и некоторые другие городские красотки – это своего рода альфа и омега, ядро энергии повышенной опасности общества, генератор всех сплетен, ссор и скандалов, магнит, способный легко затягивать в своё поле мужскую часть общества для продвижения задуманных ими «пакостей» и перенаправления их в сторону своих «обидчиков».

Поразмыслим, кто же были читательницами произведений Гоголя в то время? Конечно, из числа прелестниц – это в большей мере те же дамы, которые, как правило, и купались «в облаках духов и ароматов». Только они-то и могли себе это позволить, знать обо всех литературных новинках; только они-то и умели в тёмной и малограмотной России читать; только они-то и располагали достаточным временем для того, чтобы при случае обсуждать прочитанное.

Теперь подберёмся к этому же вопросу, но уже совсем с другой стороны. Задуманный Гоголем идеал – дочь генерала Уленька – живёт в

деревне, избегает балов и других светских мероприятий, а в повседневном быту обходится скромными нарядами из простенького ситца. В её поведении нет ни жеманных «поцелуев», ни хитроумных «скромностей», ни стишков для альбомчика, ни самих альбомчиков, или других, нацеленных на победу над мужчинами прикрас и «добавочных опций». Кто читал Гоголя, тот, конечно, видел и других его литературных героинь: небогатых, простых, скромных и славных. Но среди тех дамочек, которых мы вспоминали чуть ранее в связи с альбомчиками и стишками в них, эти элементы являются неотъемлемыми, азбучными атрибутами их бытия. И разве могли они считать пренебрежение ими Уленькой Бетрищевой правильным? Конечно, нет.

Представьте себе сами и другую картинку. А увидели бы её дамы не такую, а растакую и всю на стиле? Оставалось бы им лишь ахнуть от изумления. (Папа генерал и для любых капризов никаких препятствий, то есть «своя».) Думается, Уленька им была бы намного ближе. Ближе была бы она им и в том случае, если бы эта дочь боевого генерала от чего-то бесконечно мучилась, плакала и страдала беспрестанно на всех страницах поэмы. Тогда бы вместе с ней могли бы они всплакнуть и сами, пожалеть бедняжку. А так они, скорее всего, не порадовались даже за её желанное и, наверное, счастливое

замужество. Потому мы с некоторой уверенностью можем помышлять, что даже женскому сообществу не хватило исходных данных и качеств девушки полюбить Уленьку, зато разочароваться в ней – хватило всего. Стихия критики вполне могла овладеть смакованием ими всех её заметных и немыслимых недостатков, что и вызывает нашу досаду.

Мы не пытаемся свести нашу «теорию» к отношению женщин к Гоголю или наоборот. В то время в России было немало таких людей, которые Гоголя за что-то недолюбливали, а то и ненавидели без разницы к тому, к какому «лагерю» россиян они принадлежали: к «галантёрной» половине человеческого рода или же к той компании, где собирались мужи, овеянные доблестями. Были и те, кто над Гоголем смеялись. Представьте себе, как мог восприниматься в аристократических кругах господин «...в светло-жёлтых нанковых панталонах, светло-голубом жилете с золотыми пуговками и в тёмном синем фраке с большими золотыми пуговицами и в белой пуховой шляпе»? Таким его запомнила современница писателя – А.О. Смирнова-Россет, если что. Так выглядел его словесный портрет, но представьте себе, какие отзывы он мог тогда получить и от других его современников в глаза или, скорее, за глаза?! Или вот что писал о встрече с ним в гостинице «Дрезден» в Москве

сводный брат Россет – Лев Арнольди: «Он носил усы, чрезвычайно тарантил ногами, неловко махал одною рукой, в которой держал серую пуховую шляпу; был одет вовсе не по моде и даже без вкуса». При этом добавляет: «Улыбка его была очень добрая и приятная, в глазах замечалось какое-то нравственное утомление».

Гоголь всегда оставался самим собой: и большим оригиналом, и простым малороссом, и признанным авторитетом среди значительной части творческой элиты России. И друзья его и недруги даже во время самой короткой встречи забывали о его длинном носе, неказистой фигуре, насмешках и скромном или смешном платье: так умны были его слова, так глубоки идеи, так тонок его юмор. Потому-то одним и внешность писателя никогда не мешала в него влюбляться, ну а другим – она только добавляла аргументов к тому, чтобы его презирать ещё больше. В то же время этот талантливый и обыкновенный, и необыкновенный, и глубоко верующий, и мучающийся от своей не-идеальности, от своих страстей и пороков, легкоранимый и мнительный человек, каким он был, всегда горько переживал за всё, что происходило на его глазах в стране.

А многие дамы, несмотря ни на что, за ним ухаживали... Примером тому будет ещё одна его почитательница, ровесница писателя – княжна

Варвара Николаевна Репнина, которая о своём знакомстве с ним рассказывала В.И. Шенроку так: «Мы скоро с ним сошлись, он был очень оживлён, любезен и постоянно смешил нас». По её словам, Гоголь «ежедневно заходил к ним, сделался совершенно своим человеком». Ей всегда хотелось угодить писателю, удивить его, и она, княгиня, заметив пристрастие Гоголя к десертам и сладостям, собственноручно готовила компот, который писатель называл «главнокомандующим всех компотов». В такие дни он «...неподражаемо-превосходно читал «Ревизора» и «Записки сумасшедшего» и своим чтением приводил всех в восторг; а когда он дошёл однажды до того места, в котором Поприщин жалуется матери на производимые над ним истязания, В.О. Балабина не могла выдержать и зарыдала». (Варвара Осиповна Балабина – жена генерал-лейтенанта П.А. Балабина, в семье которых Гоголь некоторое время состоял домашним учителем.)

Всегда выделяла Н.В. Гоголя из числа своих влиятельных гостей, часто собиравшихся у неё в московском салоне и в римском особняке, ещё одна известная светская львица – княгиня Зинаида Александровна Волконская. В пригороде Рима, где была расположена её вилла, она в своё время принимала Джеймса Фенимора Купера, Стендаля, Вальтера Скотта... По преданию, именно здесь Н.В. Гоголь обдумывал дета-

ли «Мёртвых душ», а позднее описал это место в неоконченной им повести «Ночи на вилле». А.С. Пушкин называл Волконскую «царицей муз и красоты», а Д.В. Веневитинов в своей элегии восклицал: «Зачем, зачем так сладко пела ты? Зачем и я внимал тебе так жадно?» Её литературный салон был культурной Меккой, к которой стремились представители светского общества и ценители изящных искусств. Интересно, что эта умнейшая женщина перешла в католичество и предлагала это сделать Н.В. Гоголю. Как видно, ни она, ни её ксёндзы из знаменитой церкви Сан Джованни, напротив которой она жила, «Тараса Бульбу», где он отзывался о них с очень большой откровенностью, не видели и не читали. А прочли бы, ни за что с такими идеями к нему бы и не обратились. Если бы Гоголь даже в какой-то из периодов и симпатизировал новым единоверцам Зинаиды Александровны, то в письме ей написал следующее: «...религия наша, как и католическая, совершенно одно и то же, и потому совершенно нет надобности переменять одну на другую». Что же касается его отношения к княгине, то в одном из писем своей матери он сообщал, что Волконская относится к тем приятным людям, «с которыми любила беседовать» его душа.

Неразгаданных тайн и легенд, связанных с Н.В. Гоголем и женщинами из его окружения,

до нашего времени дошло немало. Их обсуждение в литературных кругах продолжается на протяжении многих десятилетий. Уже поэтому нам нет никакого смысла уповать на какие-то новые проявления таинственных сущностей и мистики, постоянно сопутствующих личности писателя. В то же время Николай Васильевич Гоголь настолько интересен и загадочен и как личность, и как писатель, что воспроизводство новых идей и фактов хочется продолжить только для того, чтобы попытаться выйти на «новый» уровень понимания прочитанного.

Вот, например, как описывает ночь после смерти Н.В. Гоголя в Татьянинской церкви при Московском университете Н.М. Молева («Гоголь в Москве»): «В первую ночь, когда все разошлись и в церкви остались только несколько студентов дежурить возле гроба, тишину Москвы нарушил стук колёс. По железной лестнице в церковь поднялась дама в чёрном под глубокой вуалью. Она молча прошла к гробу, наклонилась, откинув вуаль, и прильнула к лицу усопшего.

Присутствовавшие при этой сцене студенты даже начали волноваться, не потеряла ли сознание таинственная посетительница – так долго она не поднимала головы. Но вот она выпрямилась, опустила вуаль и застыла, облокотившись на край гроба. Так, молча, она простояла всю ночь, время от времени целуя покойника.

Ранним утром дама в последний раз простилась с писателем и направилась к выходу. Но... вдруг пошатнулась. Студенты кинулись к ней, помогли выйти. И увидели: перед храмом стояла карета с гербами Ростопчиных. Таинственной посетительницей оказалась Евдокия Ростопчина, знаменитая поэтесса и первая красавица Москвы. На самих похоронах она не была, но до самого дня её смерти каждый день на могилу Гоголя старенький лакей привозил свежие цветы.

В Ростопчину были влюблены и Александр Дюма, и Лермонтов, – итожит Н.М. Молева. – А Гоголь остался к ней равнодушен!»

И, конечно, мы сильно уважаем Нину Михайловну Молеву, преклоняемся перед её знаниями, талантом и авторитетом. Они – несомненны, но следует ли с ней соглашаться в том, что Гоголь оставался к Ростопчиной «равнодушным»? В этом мы как раз сомневаемся, потому что любой вывод должен быть аргументирован.

Повторимся, но снова скажем, что вокруг Гоголя действительно существует великое множество интересных историй, множество додуманных или полупридуманных эпизодов. Как их можно ещё назвать? Если учесть, что в жизни и деятельности писателя действительно существуют «не проявленные кадры» или «заретушированные страницы», то примем их за

фантазии, которые, как правило, сопровождают почти всех известных творческих людей. (Здесь мы, конечно, говорим о фантазиях некоторых наших критиков, историков литературы и читателей.) Если же это легенды, то в них, как мы знаем, большинство событий преувеличивается. Они, как правило, выделяются изрядным количеством вымысла, а потому учёными не считаются абсолютно достоверными свидетельствами. Наряду с этим историки нередко принимают к рассмотрению и легенды, потому что многие из них в конечном итоге оказываются основанными на реальных событиях. Как же поступать нам, погружаясь в эту тему? Наверное, это один из самых трудных вопросов...

В ходе наших простейших любительских разысканий вокруг Гоголя мы встретили немало интересных дам, которые на протяжении многих лет окружали его своим благосклонным вниманием и заботой. Но определить ту из них, которая для него действительно могла бы являться ангелом или божеством, так и не смогли, хотя подобного рода преданий начитались вволю. Скорее всего, писатель так никому и не ответил на те душевные и сердечные импульсы, которые направляли ему многие из окружающих его женщин. Наши гоголеведы часто пишут о том, что Николай Васильевич очень

боялся любви. Существует мнение, что ответ на этот вопрос помещён в его письме Александру Данилевскому, где он признавался, что его натура так чувственна, что «пламя любви в одно мгновение испепелило бы его». В то же время некоторые его биографы склонялись и склоняются к утверждению, что Гоголь никогда не обладал «пылкостью натуры»...

Могло ли такое быть? А вот вам пример. Недавно мы вспоминали гоголевского «Тараса Бульбу». Так вернёмся же в это произведение ещё раз. В редакции 1842 года писатель рассказывает, как «изменника» Андрия Бульбу ведут к ляхам и кто его ведёт к ним. Это татарка, которая там воплощает образ соблазна. Длинные чёрные волосы, «полуобнажённая смуглая грудь», «странный блеск взгляда», должны подготовить «рыцаря», как называет его автор, к встрече и с женской прелестью, и с прелестью предательства. Или ещё один пример, но уже из второго тома поэмы, где один из пассажей о женщинах Гоголь завершает апофеозом: «Одни глаза такое бесконечное государство, в которое заехал человек – и поминай, как звали! Уж его оттуда ни крючком, ничем не вытащишь». В другой редакции написано ещё сильнее: «Ведь это такое государство, куда заехавши, уже никак оттуда не выедет человек. Просто служи по нём панихиду».

Блеск глаз – это зов очарования, надежды и «блаженства нездешних миров». Могли бы вы после таких строк утверждать, что писатель не обладал «пылкостью натуры»? Мы бы к такому утверждению никогда бы не присоединились. А вот скульпторы сделать это смогли. На фризе недавно отреставрированного доходного дома в Плотниковом переулке Москвы в окружении фривольных девушек Гоголь Николай Васильевич выглядит не участником романтических сцен, а всего лишь наблюдателем. Кстати сказать, там же и в таком же «оцеплении» то ли муз искусства, то ли всё-таки тех неутомимых прелестниц, которые отличаются лишь своей низкой социальной ответственностью, размещены барельефы Пушкина и Толстого. До причин изображения среди красавиц древнейших профессий именно этих наших классиков мы докопаться не смогли. Одна из легенд состоит в том, что фриза предназначалась для Музея изящных искусств имени Александра III (ныне ГМИИ имени Пушкина), но ввиду двусмысленности образов прелестниц не прошла конкурсный отбор. Документальных подтверждений этому, как и тому, что когда-то в этом здании располагался элитный бордель, отмеченный столь оригинальной афишей или рекламой, мы найти не смогли тоже. Такое вот у нас получилось отступление.

Вместе с тем мы всё больше и больше склоняемся к тому варианту, который применительно к Гоголю, вероятно, пока ещё не звучал. Он сформулирован в строках философа Соловьёва Владимира Сергеевича в его известном «Смысле любви»: «Истина, как живая сила, овладевающая внутренним существом человека и действительно выводящая его из ложного самоутверждения, называется любовью. Любовь, как действительное упразднение эгоизма, есть действительное оправдание и спасение индивидуальности. Смысл человеческой любви вообще есть оправдание и спасение индивидуальности чрез жертву эгоизма. Смысл и достоинство любви как чувства состоит в том, что она заставляет нас действительно всем нашим существом признать за другим то безусловное центральное значение, которое, в силу эгоизма, мы ощущаем только в самих себе. Любовь важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса из себя в другое, как перестановка самого центра нашей личной жизни».

Мы категорически не настаиваем, но убеждены и считаем, что Николаю Васильевичу Гоголю просто не хватило сил для того, чтобы признать за женщиной «то безусловное центральное значение, которое, в силу эгоизма» он признавал только за собой...

Любовь без поцелуев

О втором томе «Мёртвых душ» мы что-то дополнили и написали сами но, конечно, очень много взяли у гоголеведов и критиков. Таким образом, строк о его рукописи оказалось больше, чем их осталось от самого автора – Гоголя Николая Васильевича. Понятное дело, что столь странные показатели, как «больше» или «меньше», никак не приближают нас к разгадкам тех головоломок, которые для читателей и литературоведов «оставил» классик.

Все наши страсти были направлены на то, чтобы попытаться понять замысел этого замечательного писателя в создании его последнего женского литературного образа, его Уленьки. Мы попытались восстановить основные черты и особенности этой девушки, а потом ещё и принялись слегка выдумывать о том, что Гоголь мог бы о ней написать или написал, но зачем-то уничтожил. Мы напоминали вам о Бетрищевой Ульяне ещё и потому, что Гоголь очень хотел и обещал читателям создать литературную героиню, обладающую наилучшими качествами русской девушки, сотворить такую девицу, «какой не сыскать нигде в мире, со всей дивной красотой женской души, всю из великодушного стремления и самоотвержения». И делали мы это потому, что, как известно, гоголевские жен-

ские литературные образы всегда находились под прицелом жёсткой критики. Это усложняло задачу, но и расширяло наши возможности для свободных литературных фантазий.

Казалось бы, фантазиям было где разгуляться. Ведь нам достоверно известно, что Н.В. Гоголем была создана картина помолвки Уленьки с Андреем, что в дальнейшем было её путешествие вслед за Тентетниковым или вместе с ним в Сибирь. А там могли бы оказаться уже знакомые нам лица: и Хлобуев с Петухом, и бессовестный юрисконсульт, отбывающий соответствующий его «таланту» срок, и раскаявшийся в своих тёмных делишках первый в истории русской литературы подлец, но и господин Чичиков Павел Иванович. И смогла бы пройти душа последнего, например, сквозь тот очистительный огонь, через который провёл себя Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями»? Нам это неизвестно, но у писателя Гоголя Н.В. такой план был точно.

Как вы уже заметили, нашим фантазиям на азиатских просторах страны «разгуляться» не удалось. Всё, на что нас хватило, так это попробовать понять, какие дела и люди напитывали писателя той информацией, что была бы полезной для второго тома поэмы, хотя этим, конечно, не исчерпывается наше внимание к нему. Нам, конечно, интересно было бы знать,

как повела себя в новых условиях Уленька, в чём она нашла своё призвание, как складывалась её семейная жизнь, кто ещё и при каких обстоятельствах повстречался с семьёй Тентетниковых в российской Сибири. Выдержала ли девушка все эти испытания? А потом: Чичиков и девушка, на которую тот впервые посмотрел «другими» глазами? Могла бы здесь с их участием возникнуть новая тема: экономическая, психологическая, педагогическая, романическая? Какая ещё?..

И какими бы эти события ни были, для нас, как и для неподдельных литературоведов и критиков, сегодня совершенно понятно, что Уленьке Бетрищевой пробиться в «высшую лигу» хрестоматийных героинь русской классической литературы так и не удалось. В оценках этого образа девушки даже у настоящих гоголеведов давным-давно канул в лету тот «маятниковый» период, когда на крайних точках его амплитуды с одной стороны находились горячие поклонники творчества Н.В. Гоголя, полагающие что всё, что писатель должен был создать и создал – великолепно, восхитительно, грандиозно, а с другой – те литераторы, которые считали, что писатель вообще не смог создать ни одного заслуживающего должного внимания и похвалы женского литературного образа. Напомним, что именно из-за этого Го-

голь как раз нередко и попадал «в немилость» к нешуточной «бригаде» оппонентов. От каждого из них Уленька Бетрищева получала такую «затрещину», будто бы она самолично кого-то пыталась убедить в своём праве на существование в классике не на паре-тройке страничек поэмы, а по крайней мере в паре-тройке её глав. В гоголеведении же её образ так и остался с некогда притороченным к нему на скорую руку бледностью, невыразительностью, упрямством и безаппеляционностью, а затем и детским максимализмом. Логично, если бы к ним в тренде нашей современности добавились ещё и отсутствие сексапильности или сексуальности. Без них сейчас в прозе не ступить и шага.

В одной из кинокомедий герой Евстигнеева, если помните, предлагал было замахнуться «на Вильяма нашего, понимаете, Шекспира». Мы же, переосмысливая созданное другим классиком, тоже попытались замахнуться, но теперь уже – на Николая нашего, Гоголя. Признаемся, что мы относим себя к той группе читателей, которая убеждена, что образ дочери генерала Бетрищева Н.В. Гоголем хорошо продуман, филигранно отточен и логично встроен в события, разворачивающиеся на страницах второго тома поэмы. Мы бездоказательно думаем, что это обстоит именно так. Вместе с тем мы отлично понимаем, что мнения подобных нам

умников и разумников без каких-либо подозрений на опыт и заслуги в области литературоведения вас абсолютно не устраивают. И за какие-либо удары по содержанию этих строк или глав нашего сказания в будущем мы переживаем тоже не сильно, так как в центре нашего повествования всюду находится только один человек – и это Гоголь! А он ни в слове, ни в полуслове не даёт нам повода для того, чтобы усомниться в непорочности и моральной чистоте своей литературной героини.

Понятно, что каждому читателю, да и нам было бы крайне интересно и важно всё-таки больше прочесть о девушке, которая со дня на день собирается выходить замуж, узнать о её романтических чувствах, например о переживаниях, надеждах, мечтах, о сердечных отношениях с женихом в канун венчания и свадьбы. Но, увы и ах, текста, где всё это могло бы быть, нет. И потому мы не видим с её участием ни жарких обнимашек, ни длинных безешек, ни клятв, ни слёз, ни обещаний, ни заверений, которые теперь почти буднично пронизывают нашу прозу в тех опусах, где на троне любовь или даже бытовая амурная интрижка. Когда мы стремимся что-то узнать, постичь, прочесть, то замечаем, что без погружения во все тонкости отношений между мужчиной и женщиной, будь они платонические или плотские, не об-

ходится ни один роман или поэма. Были ли они здесь – во втором томе? А если были, то какие?

Занятным будет упомянуть о том, как уже в наше время РПЦ устами своего крупного начальства продвигает забавный тезис «не целоваться до венчания». К следованию этому правилу призывает не дьячок с хутора близ Диканьки и не отец Матвей, а глава синодального отдела РПЦ по благотворительности и социальному служению Пантелеймон (Шатов), который на голубом глазу заявляет: «Первый поцелуй девушка даёт своему жениху, ставшему её мужем, после совершения таинства венчания». Трусливо опасаясь оскорбить чьи-либо чувства, мы даже не спорим с Шатовым. В этом нет смысла. Пускай молодёжь по заветам Пантелеймона до венчания, которое состоится уже после бракосочетания, не целуется, лишь бы не подрывала своё целомудрие... Будем, например, и мы за то. Только теперь уж было бы лучше нам и на ТВ не глядеть, будь оно хоть трижды цифровое или аналоговое. Оно ведь нам точно расскажет о новых успехах некой экскортницы в деле конвертации своего целомудрия в СКВ или свадьбе геев из пригорода какого-нибудь Лондона. Сегодня на экране встретить ясновидящих и гадалок так же легко, как по отрепетированным аплодисментам уразуметь, в чью пользу будут результаты ДНК. Поцелуи там и

правда ни к селу ни к городу. Так что дело батюшки продвигается...

Где-то мы уже писали, что Тентетникову повезло в том, что он не знал мнение критики об Уленьке. Знал бы – в жизни не женился. Теперь пишем, что нам повезло и в том, что Н.В. Гоголь «теоремы» Пантелеймона не знал, хотя со священнослужителями был всегда в большой дружбе. При желании мы могли бы смело фантазировать и о том, как развивались отношения Уленьки и Андрея в те дни, когда они готовились к свадьбе... Хотя, конечно, взгляды автора поэмы на сферу сердечных отношений его героев нам были бы несоизмеримо ценнее любых наших фантазий, содержание которых на фоне строк великого творца померкнет и растворится. Ведь тогда их формулировал уже не тот юноша, который только что попал в столицу и пишет «Вечера на хуторе близ Диканьки». Здесь перед читателями выступал бы уже тот мужчина, который в «Выбранных местах...» вопросам отношения к женщине, браку и семье уделил целые статьи.

«Пусть будет женщина, хотя и слишком молодая, не приобретшая ни познания людей, ни познания жизни, но только не обделённая красотою, с не опозоренным, не оклеветанным именем и, главное, с властию чистой души, – писал Н.В. Гоголю уже другой священник, архиман-

дрит Феодор (А.М. Бухарев) в 1848 году. – И такая-то слабая неопытная женщина будет очень сильна к оживлению и освежению общества, в котором ей судьбою суждено быть, если только в душу её западёт благодатное беспокойство о людях, всегда внутренно болеющих и особенно в наше время страшных болезней ума, если она среди самых развлекательных увеселений носит в сердце ангельскую тоску о людях, всегда душевно нуждающихся и без слов вопиющих о помощи. Тогда даже от одного своего присутствия, неведомо самой себе, она имеет такое влияние, что и развратные из молодёжи не отваживаются сказать при ней не только двусмысленного слова, но и просто никакого слова, чувствуя, что всё пред ней будет как-то грубо и неприлично, что при ней не утратившие совсем чувства красоты и особенно душевной не позволят себе и дурной мысли. Если она заговорит в сопровождении того чистого взора и улыбки, в которой так и светится голубиная её душа, заговорит просто, свободно, как бы в кругу домашних и близких ей людей, то каждому покажется, как будто бы заговорила какая-то небесная родная сестра. Недаром определено, говорите вы, чтобы всех равно поражала красота – даже и таких, которые ко всему бесчувственны и ни к чему не способны. А от жалких соблазнов света такая женщина безопасна своим чистым и скромным стремлением к добру, христианскою жаждою добра себе и другим».

Услышал ли Н.В. Гоголь архимандрита, «создавая» девушку своей мечты? Скорее всего, да. Он всегда больше слушал, чем говорил сам. В райских кущах поцелуев и других нежностей мы Уленьку не встречали, но вряд ли стоит сомневаться в том, что эта литературная героиня обладала всей «властию чистой души».

Есть и остаётся ещё один вопрос, который по важности точно главнее. Закончил ли Н.В. Гоголь второй том поэмы вообще и как он им написан? «Теперь только я убедился вполне, что Гоголь может выполнить свою задачу, о которой так самонадеянно и дерзко, по-видимому, говорит в первом томе... – писал С.Т. Аксаков под впечатлением от чтения Н.В. Гоголем второго тома «Мёртвых душ». – Да, много должно сгореть жизни в горниле, из которого истекает чистое золото». А нам, конечно, известно, что эстетический вкус и нравственная чуткость Сергея Тимофеевича Аксакова ещё никогда и никем оспорены не были.

Конечно, писателю удалось сделать далеко не всё. Он действительно попытался придумать и описать Россию будущего – и надломился. После него этим занялись Толстой и Салтыков-Щедрин, а Иван Сергеевич, хоро-

шенько изучив творчество Николая Васильевича, принялся за создание своих, тургеневских женщин. Тут же подоспел и Ф.М. Достоевский с изобретением своего образа русской души: истеричной, преступной, самоупоенной, одержимой маниями, необразованной, неблагородной – и при этом страшно себя уважающей, потому что именно такая душа была якобы ближе всех к Богу.

В гоголевских строках мы достаточно часто встречаем авторскую детализацию наблюдений за событиями, когда его персонаж оглянулся и посмотрел, посмотрел и увидел, увидел и ужаснулся, ужаснулся и понял... Порой так же и у нас возрождаются смутные ощущения магии маниловско-обломовской дрёмы со спящей с открытыми глазами державы, завораживающей нас сильнее шарика, мечущегося по барабану рулетки. Потому и обостряется вновь и вновь всё тот же вопрос, который когда-то ставил писатель: ребята, над кем смеёмся?

Над собой смеёмся! – так думал христианин Н.В. Гоголь, когда писал свои нетленные произведения. Он знал Россию лучше тех, кто сегодня говорит о её достижениях с экрана. А каких? Это знают точно не все, потому что нет настоящего ревизора. «Скучно на этом свете, господа!» – так писал Н.В. Гоголь, а рафинированный критик и атеист Белинский добавлял: «А другого (света. – Г.Д.) нет». В условиях смещённой по оси системы нравственных координат и размытых моральных ценностей Николая Васильевича Гоголя сегодня понять ещё труднее, чем когда бы то ни было. Может, поэтому легенд и мистических тайн вокруг писателя меньше не становится. А если рассуждать и дискутировать, то следовало бы рассматривать не только тему человеческих ценностей, но и синтаксиса в той части, где в любом противопоставлении, связанном с ней, соединительный союз «и» невозможен, а разделительный союз «или» – неизбежен...

На картине А.А. Иванова «Явление Христа народу», которую художник писал около двадцати лет, среди людей, собравшихся на берегу реки Иордан, ближайшее к Христу место занимает человек с печально склонённой головой, волосами до плеч и длинным сухощавым носом с острым кончиком. Художник придавал черты писателя то одному, то другому персонажу из числа поборников и противников новой веры, а в конце концов нашёл для Гоголя единственно достойное место... Писатель ведь и сам хотел так написать свою книгу, чтобы из неё путь к Христу был ясен для каждого из её читателей. О Христе он думал, перед ним молился, а в последней главе «Выбранных мест из переписки с друзьями» писал о лестнице: «Бог весть, может

быть, за одно – это желанье (любви Воскрешающей. – Г.Д.) же готова сброситься с небес нам лестница и протянуться рука, помогающая возлететь по ней». Да и последние слова писателя перед смертью были тоже о ней: «Лестницу! Поскорее, давай лестницу!»

* * *

В том томике издания «Мёртвых душ», который мы перечитывали при подготовке настоящего материала, сохранившийся текст второй части поэмы Н.В. Гоголя занимает 91 страницу. Эти страницы прочитаны и перечитаны нами не раз. Специалисты рассказывают нам о различных «слоях» рукописи этого текста, откуда и пошли варианты его разночтения, зависящие от понимания этих «слоёв» учёными, работавшими с ними. И как бы мы ни фантазировали на тему, последняя ли это редакция или иная, ответ знает только автор, унёсший эту тайну с собой. Поэтому правильным было бы, наверное, считать какие-то страницы, а, может быть, и главы – эскизами и зарисовками для последующей работы писателя...

Мы ознакомились со многими полемическими материалами, связанными со вторым томом поэмы, статьями, воспоминаниями, заметками, выступлениями наших замечательных писателей, литературоведов, критиков, философов, мыслителей, письмами Н.В. Гоголя и его друзей. Приводим замечательные имена тех, на чьи труды мы опирались независимо от того, разделяли ли мы их мнения полностью или частично. Это: В.С. Аксакова, И.С. Аксаков, К.С. Аксаков, С.Т. Аксаков, Л.И. Арнольди, Н. Барсуков, В.Г. Белинский, А. Белый (Б.Н. Бугаев), Д.Л. Быков, В.Я. Брюсов, А.М. Бухарев (Феодор), Ф. Бэкон, О. Версе (Е.А. Митарчук), И.А. Виноградов, А.В. Волкова, П.А. Вяземский, Г.Д. Гачев, В.В. Гиппиус, Ю.Н. Говоруха-Отрок, А.В. Гоголь, С. Дали, Ф.М. Достоевский, В.А. Жуковский, В.В. Зеньковский, И.П. Золотусский, И. Кант, С.А. Карлинский, М.А. Константиновский, А.А. Кораблёв, И.А. Крылов, О.И. Кузьмина, М.Ю. Лермонтов, А.Е. Личко, Ю.В. Манн, Д.С. Мережковский, А.М. Минкин, Н.М. Молева, К.В. Мочульский, В.В. Набоков, Д.А. Оболенский, Ф.И. Образцов, Д.Н. Овсянико-Куликовский, А.И. Одоевский, С.И. Ожегов, А.Ф. Писемский, П.А. Плетнёв, Я.П. Полонский, А.С. Пушкин, А.М. Ремизов, В.В. Розанов, Б.М. Сарнов, К.М. Симонов, М.Н. Синельникова, А.О. Смирнова-Россет, О.Н. Смирнова, Р.А. Смирнова, Б.В. Соколов, Сократ, В.С. Соловьёв, В.А. Соллогуб, А.П. Толстой, И.С. Тургенев, Е.М. Феоктистов, Г. Хьетсо, Н.Г. Чернышевский, С.П. Шевырёв, В.И. Шенрок, И.Л. Щеглов, Н.М. Языков, Н.Ф. Ястржембский.

В ряде случаев мы их обильно цитировали, а также использовали их превосходные находки для обоснования собственных выводов.

Мы хотели написать о последней героине в творчестве Н.В. Гоголя, но вышло больше о нём. Потому так и назвали: «Гоголь. Дочь генерала», хотя нашли немало и других дочерей... Может быть, кому-то когда-то удастся смягчить удар провокативного шквала критики по Уленьке Бетрищевой, да и по Гоголю с нею вместе? Мы в это верим...

Спасибо за внимание. Имя автора на обложке.

Содержание

Рукопись, не дающая покоя 3

ГЛАВА I. ДЫМ РАССЕЯЛСЯ – ТУМАН ОСТАЛСЯ 18

Кающийся грешник 18
Великий мистификатор 33
Отец Матвей и спор вокруг камина 50
От «небрежной естественности» до разметавшейся Эллис 68

ГЛАВА II. СТРАДАНИЯ И СТРАХИ АНДРЕЯ ТЕНТЕТНИКОВА 87

Под косынкой радужных цветов 87
История неразумного дела... 100
А здесь уже «что-то похожее на любовь» 113
«Странное состоянье!» – сказал он... 122

ГЛАВА III. ДОЧЬ ГЕНЕРАЛА 133

Девушка «блистающего» роста 133
Лакомый кусочек недостаточной толщины 155

ГЛАВА IV. КАК ХОРОШО, ЧТО ПАМЯТЬ ЛЬВА НЕ ПОДВЕЛА 180
О времени, когда Уленька стала счастливой 180
«Удивительно было описано их счастие...» 196

ГЛАВА V. О ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ГОГОЛЯ 217
Откуда знать бы о Сибири 217
Смелые догадки о дубраве и судьбе 241
От «президиума» литературного цеха 253
Про грудь и беленький чулочек 267

ГЛАВА VI. И СНОВА О ДУШЕ ТВОРЦА, ЕГО ЛЮБВИ, НАДЕЖДАХ И ПЕЧАЛИ 277
«Кающаяся Мария Магдалина» 277
«Смирнову он любил с увлечением...» 297
«Вам дано недаром имя благодать» 316
«Я окружил вас мутными облаками недоразумений» 334

ГЛАВА VII. ВО ВСЁМ ВИНОВАТ ГОГОЛЬ 354
Почём плоды воображенья 354
Дама в чёрном под глубокой вуалью 367
Любовь без поцелуев 383

Георгий ДЗЮБА

ГОГОЛЬ. ДОЧЬ ГЕНЕРАЛА

Дизайн и вёрстка – Александр КАШЛЕВ
Корректор – Ольга ЕГОРОВА
Обложка – Наталья ВАШКЕВИЧ
Фото на обложке – Татьяна ЧЕРКАСОВА
Консультанты – Наталья ГОРБУНОВА,
Наталия КИСЕЛЁВА

На обложке использована репродукция с картины Константина РАЗУМОВА

Подписано в печать 27 января 2021 г.
Формат 60x90 1/32
Печать офсетная. Бумага офс. Печ. л. 12,5
Тираж 1000 экз. Заказ № К-83.

ООО «Палитра Д»
127521, Москва, Старомарьинское шоссе, д. 6
Тел.: (495) 619-08-68

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, д. 13

9 785990 785632